

ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА

КАЛЕЧИНА-
МАЛЕЧИНА

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44
Н48

Иллюстрации в книге и на переплете
Олеся Гонсеровская

Дизайн переплета
Виктория Лебедева

Фото автора на переплете
Мария Букреева

Некрасова, Евгения Игоревна.

Н48 Калечина-Малечина : роман / Евгения Некрасова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 279, [9] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-110425-2

Евгения Некрасова — писательница, сценаристка. Её цикл прозы «Несчастливая Москва» удостоен премии «Лицей».

В новом романе «Калечина-Малечина», как и во всей прозе Евгении Некрасовой, соединяются магический реализм, фольклор и эксперимент, чувствуется влияние Гоголя, Ремизова, Платонова, Петрушевской.

Девочка Катя живёт с родителями в маленьком городе на 11 этаже обычного панельного дома. Миру вокруг Катя не нужна: «невыросшие» дразнят, а у «выросших» нет на неё сил и времени. И Катя находит для себя выход... Но тут вмешивается Кикимора, живущая за плитой на кухне. Вместе они отправляются в опасное путешествие, и невольно превосходят по жестокости тех, кто калечил их.

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110425-2

© Некрасова Е.И.
© ООО «Издательство АСТ»

Where are those angels
When you need them?

Tori Amos
“Crucify”

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится — так себе считалка, но Катя всегда повторяла её, чтобы переждать что-то плохое. Мама стояла за спиной и расчёсывала Катины серые волосы. Катя сидела на табурете, в пижаме, на пижаме — цыплёнок с сачком, в сачке — червь. Катино запястье сжимала резинка для волос, которая нужна была для закрепления косы. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится.

Расчёсывание — это как убивание. Каждый раз, когда гребень тащился по Катиным волосам, ей казалось, что кожа на голове сейчас повывернется пучками. От расчёсывания и тугой косы болела башка. Катя иногда думала рассказать об этом, но мама повторяла, что длинные волосы — очень женственное украшение. Четыре месяца назад Катя увидела на улице девочку без волос. Её, как и Катю, вела за руку мама. Девочка несла свою лысину как корону и вся была очень хрупкая и красивая. Катя сказала маме, что хочет такую причёску. Мама испугалась, протащила Катю за руку дальше и тихо прокричала, что Катя не должна хотеть быть как эта девочка, потому что та сильно болеет и скоро умрёт.

— Ой-ой! — это Катя всё же заойкала от расчёсывания.

— Не придумывай! — так мама всегда отвечала, когда Катя ей на что-то жаловалась.

Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. За стеной стреляли в те-

левизоре. В чёрном окне отражалось то, как Катя ёрзала на табурете, то, как расчёсывала мама, то, как стояли плита, шкафы, холодильник, стол, цветы и кактусы. За окном творилось известно что: бесились снежинки, а дом возвышался ещё одним, двенадцатым этажом, дальше были крыша, телевизионная антенна и тёмное небо. Иногда в нём мигал огонёк и освещалось брюхо пролетающего самолёта. Внизу — высокий столбик этажей, козырёк подъезда и заваленный машинами вперемешку со снегом двор. Посередине двора торчала трансформаторная будка с нарисованными словами. Правее — закрытое снегом асфальтовое поле с примёрзшими футбольными воротами, а дальше — лзанки, похожие на скелеты чудовищ. Ветер выл и смешно стучался о развёрнутые друг к другу многоэтажки. По двору наискосок бежала трусцой бездомная собака. Ускоряясь к углу, она выскочила в промежуток между домами и кинулась на кого-то с лаем. Так всегда делала всякая собака в этом дворе.

— И чего ты искрутилась вся?! — мама наконец перестала расчёсывать.

Катя обмякла на стуле, и тапки достали пол. В коридоре застучали тяжёлые шаги, остановились совсем близко у кухни, щёлкнул свет, дверь проныла, раздалось журчание. Катя видела в отражении мамины руки. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три. Походило на вальс, который в Катином классе был принят на переменах. Вероника Евгеньевна, классная, пугалась, что из детей, особенно девочек, интернет и прочие дурные придумки вытащат всю женственность и культуру, поэтому она, классная, учила их всему старому и правильному. Водопаднул слив, снова щёлкнул свет, и шаги ушли. Катя катится... Хоть мама и стягивала туго, косоплетение было просто тьфу по сравнению с расчёсыванием, терпимо. Нечестно было то, что из целой копны Катиных волос коса получалась скромная, сильно худеющая к кончику и жёсткая, будто деревянная. Зато такая держалась ночь и половину следующего дня. Мама и папа путешествовали

на работу в другой, распухший от улиц, домов, людей, — город. Папа выезжал каждое утро на четыре (по расписанию) электрички раньше маминой. Когда Катя выходила в школу, мама проезжала уже одиннадцатую остановку от их домашней. Они не успевали заплетаться перед школой, поэтому делали косу на ночь. Мама будила Катю перед выходом поцелуем. Иногда невыросшая просыпалась раньше от того, что папа произносил: «Буди её, нечего ей так долго спать». Но мама целовала её именно перед выходом.

Катя гордилась своей самостоятельностью: сама завтракает (разогревает в микроволновке приготовленную мамой яичницу и заваривает чайный пакет водой из электрического чайника), сама одевается, сама идёт в школу, сама приходит домой. Её телефон походил на пятнашки: кнопочный, без интернета, камеры и прочего. Папа говорил: «Зачем ей дорогой мобильник, она его потеряет или сломает». И Катя писала маме в сообщениях: «Позавтракала», «При-

шла в школу», «Пришла домой». Мама отвечала: «Молодец». Выкрутасы выходили только с обедом. Катя была неуклюжая — что-то разрушала, что-то забывала. Поэтому ей запрещалось пользоваться плитой. Ведь если оставить её случайно включенной или вывернуть конфорки, то можно было задохнуться от газа или даже взорвать дом. А после всего этого попасть в ад. Про него очень подробно рассказывала Вероника Евгеньевна. Там постоянно больно, всегда страшно и жарко, туда попадали все убийцы, кроме тех, кто убивал своих врагов на войне. В итоге Катя ела бутерброд с розовой колбасой или разогревала в микроволновке уже существующую еду, если находила её в холодильнике.

Раньше обед Кате готовила бабушка, которая приезжала к ним каждый день по будням. Она жила на даче, на четыре станции в противоположную сторону от гулливерского города. Бабушка — с короткой стрижкой и маленькими кулачками — походила внешне на упрямого мальчика. Она готови-

ла еду, которую трудно было себе представить, например, молочный суп с макаронами. Кате виделось, что она ест жёлтых червяков в молоке. Они качали слепыми своими головами над заковавшей их белой пенкой. Если бабушка задерживалась на полдник, она делала очень полезное и кислое яблочное пюре. Катя тайно запихивала себе под язык кусок сахара, чтобы пережить эту кислоту. Если бабушка обнаруживала это мухлевание, она таскала Катю за уши: внучке нельзя было сладкое из-за диабета. Уши потом были красные и стучали. Бабушка не разрешала Кате смотреть в телевизор, чтобы не портить глаза. Невыросшая любила телевизор, он помогал забыть всё вокруг. Но после школы его запрещала бабушка, а по вечерам и по выходным его занимал папа — ложился на диван, обнимал пульт ладонью и переключал каналы так, словно гонялся за кем-то.

С бабушкой иногда было весело. Она учила Катю играть в карточного дурака дома или в бадминтон во дворе. Правда, скоро

Катю там засмеяли другие невыросшие, что она играет с бабушкой, и они перестали выходить на улицу с ракетками. А потом бабушка умерла от напавшей на неё болезни, лежала немного в своём доме в гробу на табуретках. Одну из них увезли потом домой, и теперь на ней сидела Катя, когда мама плела ей косу. Катя запомнила, что бабушка в гробу не походила больше на мальчика, а выглядела обычной сухой старушкой. Бабушку сожгли и сложили в урну, а урну отдали в далёкое место, по названию похожее на Колумба. Катя с тех пор очень скучала по ней, заново не приучилась смотреть телевизор и иногда хотела червяков в молоке.

— Тьфу ты! — это мама уже заплела Кате косу, зашла спереди и увидела кучу пестухов на её голове.

Мама стащила резинку с крысиного хвостика в окончании Катиной косы. Танцами рук расплела и принялась расчёсывать снова. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. За стеной прорезался храп.

Уже после смерти бабушки в доме поселился компьютер. Кате он понравился за похожесть на телевизор и множество кнопок. Отец считал, что компьютер может вырастить из Кати плохого человека, а сама Катя может компьютер покалечить. Такие взаимные вредины. Поэтому пользоваться компьютером Кате запрещалось, но на всякий случай его защитили от невыросшей паролем. Обычно он скучал и пылился, на нём иногда раскладывала карты мама и печатал отец. Кате разрешалось пользоваться им в какой-нибудь выходной только под присмотром взрослого, отец обычно громко говорил: «Не бей там по клавишам!», «Ты вообще соображаешь, куда ты жмёшь?!», «Совсем того, да?!» и прочее такое, от чего Катя совсем терялась. Вскоре она разлюбила компьютер совсем и не просилась за него.

— Готово! — это мама закончила плести косу.

Катя слезла со стула, осторожно пробралась к себе в комнату, закрыла дверь и аккуратно улеглась. Коса упала рядом.

Часть двери занимало матовое стекло, через него заливался свет и слабо освещал комнату. Катя всегда находилась под его присмотром. Глаза сами закрывались, но не хотелось засыпать сразу. Ночь — самое хорошее и интересное Катино время. Ничего не приходилось делать или притворяться, что делаешь. Ласковое свободное одиночество. Хочешь — улыбайся, хочешь — трогай себя, хочешь — думай что хочешь, хочешь — представляй, как водные разводы на потолке превращаются то во дворец, то в голого человека, то в ботинок. Время после возвращения из школы до вечера тоже было неплохое: безлюдное и вольное, — но давил страх перед проверкой дневника, в котором иногда плавали лебеди или звенели тройки. Сначала, около шести тридцати, приезжала усталая мама, но она сразу шла включать плиту и делать ужин и ничего не спрашивала. В восемь тридцать возвращался усталый папа, забирал с Катиного стола дневник, даже не поев маминой еды, внимательно пролистывал его. После Кате часто нужно

ГЛАВА ПЕРВАЯ

было пережить плохое и долго повторять про себя: «Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится...» Ночью, когда с этим днём уже всё понятно и кончено, можно было лежать в свободной невесомости ещё восемь часов и краешком надежды думать себе, что завтра будет лучше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Размечталась», — это так говорила Вероника Евгеньевна, когда спрашивала: «А угадай, какую оценку я тебе поставлю за твой ответ?», а ей отвечали тоненько, по-третьекласснински — «три» или даже «четыре». Размечталась. Во-первых, когда Катю наутро разбудила мама, выяснилось, что коса вся развалилась, пряди спутались друг с другом в страшные колтыши и торчали в разные стороны. Мама на Катю очень обиделась,

отругала её, набыстро расчесала (Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится) и с трудом заплела. Катя хныкала и повторяла, что это не она, а если она, то не специально, но мама только больше рассердилась на Катину враньё и убежала на электричку на две позже, чем ей было нужно. В школу Катя понесла на голове гнездо волосяных петухов и куриц, с трудом напялив шапку.

Перед выходом она помяла мысль не ходить на уроки — чувствовалось животом, что ничего хорошего не произойдёт. Ещё подумалось, что если дотерпеть и вырасти, то свободная жизнь наступит сама по себе. Но это когда будет... А пока каждый день Катя, взгромоздив на спину рюкзак, шла в школу — так было нужно.

Поначалу всё дрыгалось неплохо. Весь класс делал зарядку для рук, глаз и шеи. Потом мастерили примеры по математике, классная выпускала изо рта клубы чисел и царапала доску примерами. Ученики писали в тетрадках от руки — Вероника Ев-

геньевна ненавидела компьютеры и считала, что они вытаскивают детские души. Катя слышала вместо учительских объяснений в голове гул, который снова разгулялся от волнения. Лара косилась на её гнездо с пестухами. Лара была лучшая и единственная Катина подруга. Они подружились не по привязанности, а по случаю — Лару по ошибке завели не в тот класс, а потом привели куда надо и только рядом с Катей был свободный стул. Лара заняла его и Катино давно готовящееся место для дружбы. Они остались вместе за одной партой. Лара дружила ещё со многими невыросшими из класса и разных-преразных кружков, в которых она вращалась. Катя злилась, но как тут быть. Она понимала, что Ларина дружба дотягивает её иногда до нормальных невыросших.

Дружили они даже весело, особенно вначале — искали странные вещи на улицах (один раз нашли бумажный пакет с аккуратно сложенными дохлыми крысятами), смотрели кино и мультики (у Лары дома), ели

шоколадки и печенья (у Лары дома), прыгали под музыку рекламных роликов (у Лары дома). Лара всё придумывала, Катя никогда не противилась. В последний год Лара начала подзабывать Катю, исчезая маленькими частями. Иногда не отзывалась на переменах, не отвечала на сообщения, сокращала свои приглашения гулять или идти к ней домой. Катя мучилась, но что было делать.

Вероника Евгеньевна навалилась блузочной грудью на журнал и вонзила в него перевернутый карандаш. В Катиной голове забился страшный молот. Она слышала ноль из сегодняшней математики. Знала, если вызовут — её просто раздавит доской. Карандаш ехал по списку, наконец остановился, и Катя разглядела, что он слишком высоко для её фамилии и слишком низко для Лариной. Вероника Евгеньевна вызвала отличника Носова на показательное решение примера. Протерла доску и стала диктовать цифры, он спокойно записывал. Дальше Носов без остановки и волнения принялся,

как обычно, украшать решением класс. Учительница, прищурившись, встречала довольным кивком каждую математическую строчку. В дверь постучались, заглянула красивая улыбающаяся выросшая. Классная расплылась и забыла даже про Носова.

— Вероника Евгеньевна, а можно Лару на две минуты? — это спросила красавица.

— Конечно, Алина Алексеевна, — это промёдила классная.

Лара вышла из-за парты своим буднично-принцессовым шагом. Все невыросшие и даже Вероника Евгеньевна внутри себя превратились в мерзких и никчёмных моллюсков. Все глаза на шарнирчиках отслеживали Ларин путь. Даже Носов не шкрябал доску. Дверь закрылась, и моллюски остались с моллюсками. Алина Алексеевна учила старших учеников химии и была Лариной мамой. Их папа работал в гулливерском городе, как и Катины родители, но кем-то очень удачным, из-за этого Лару каждое лето отправляли в другие страны разговаривать на разных языках. Катина мама счи-

тала, что Лара получала свои четвёрки и пятёрки нечестно, а от учительствования Алины Алексеевны. Катя молча считала по-другому, она видела, как несложно и уверенно Лара одолевала любые сложные задания.

И Кате нравилась Алина Алексеевна. Та радостно улыбалась, красиво одевалась, вкусно готовила, говорила со всеми невыросшими, даже с Катей, как с выросшими и равными ей людьми. Ларин папа, похожий на доброго коричневого лиса, делал то же самое, просто реже — он всегда работал. Лара общалась с родителями так, будто она с ними — компания выросших друзей, которые собрались вместе общаться. Лара всегда говорила своей семье, что хотела. Однажды Катя решила попрактиковать такое поведение у себя дома, но папа очень рассердился и посоветовал разговаривать так только с невыросшими.

Больше всего Катю восхищало то, что Алина Алексеевна иногда разрешала Ларе пропускать школу, когда той хотелось. И ни-

чего у Лары не болело в эти свободные дни (Катя перепереспрашивала), она просто просыпалась утром и решала, что не пойдёт. И Алина Алексеевна легко соглашалась.

Лара вернулась с ключами от их ласковой квартиры в старом кирпичном доме. Математика прошла мимо Кати на своих многочисленных ножках-столбиках, не задев её. На перемене всё тянулось хорошо, Лара рассказывала про их с родителями планы отправиться в путешествие по заграничным Гулливериям. Дима Сомов — вечный Катин вредитель и любимый человек класса — прошёл мимо и выплюнул Кате страшное и обидное слово. Катя растерялась и поглядела по сторонам. Лара рассказывала про поездку в театр в местную Гулливерию Вике Ивановой через две парты вперёд. Катя погналась за Сомовым, он, хоча, поскакал от неё через парты. Лара рассказывала Вике Ивановой про пирог, который они испекли с мамой. Когда Катя почти достала рукой шею Сомова, её позвала Вероника Евгеньевна и сказала, что с такой

причёской в школе появляться неприлично. Катя помолчала.

Дальше начался урок ОБЖ, который Вероника Евгеньевна всегда ставила после трудной математики. На ОБЖ классная рассказывала истории про разные страшные вещи в мире, которых стоило опасаться. Сначала она прочла про солдата, которого побили до кровавого полена, и посоветовала мальчикам лучше учиться, чтобы не попасть в армию. Дети слушали с компотом из страха и интереса. Катя, как всегда, с изумлением. Потом Вероника Евгеньевна рассказала про нездоровых выросших, которые делают с невыросшими плохие и неприличные вещи. Она зачитала воспоминания невыросших, встретившихся с такими выросшими. После этого Катя решила, что она правильно делает, что редко ходит гулять. В финале урока Вероника Евгеньевна рассказывала обычно развлекательную историю — про далёкие опасности, не угрожающие их классу. На этот раз она выбрала случай про человека, который заснул пьяный на улице. Ночью

приполз удав и съел его. На следующее утро жители города обнаружили на асфальте человеческую фигуру в пятнистом, плотно закрытом пакете из удава. Многие дети смеялись, в том числе Дима Сомов. Лара кривилась, а Катя радовалась, что она живёт далеко от стран со змеями.

Следующая перемена была хорошей. Включили вальс, которым Вероника Евгеньевна спасала детей от современной неприличной культуры. Катя тоже им спасалась, потому что всё, что приносило радость, спасало. Лара прокружилась с Катей целых два танца, а Катя всего три раза наступила ей на ногу и всего два — потеряла ритм. В такие моменты Лара величественно кривила губы. Кате трудно было сосредоточиться, потому что внутри своей головы она делала «раз-два-три» и переживала счастье.

— Не сутулься — это некрасиво и неженственно, — сказала Лара.

Она точно знала, потому что помимо школы занималась балльными танцами. Спина послушно выпрямила Катю. Третий та-

нец Лара вращалась с Викой Ивановой, но Катя не волновалась, Лара — не Лара, если танцует с кем-то одним. Да и пересчастливилось уже в это Катино утро, а ещё день впереди.

Хорошее и правда истощалось. Катя расслабленно расплылась на парте рядом с всегда прямосидящей Ларой. Литература — безопасная ерунда, одно чтение и почитание авторов. Но тут Вероника Евгеньевна неожиданно налегла на журнал, обыскала его взглядом и вызвала Катю. Сердце принялось рваться из скелета, в голове застучало. Ноги неумело доставили Катю к доске. Мел неуклюже лёг в руку, учительница принялась диктовать: «Последняя туча рассеянной бури, одна ты несёшься по ясной лазури». Катя принялась выводить недоразвитые буквы. Когда она перешла на «одна ты несёшься» — раздался смешок и ещё какие-то гикики. На «одна ты наводишь унылую тень...» весь список третьего «Д», не считая не пришедшего из-за ангины Архи-

пова, принялся смеяться. Лара аккуратно хохотала выверенным смехом. Даже молчаливый гений Носов грохотал неожиданным басом. Вероника Евгеньевна сдерживала смех, заговорщически прикладывала палец ко рту и подмигивала всему классу. Она прыскала, отчего её глазки совершенно утонули за блестящими щеками.

Даже если какой-нибудь одиночный человек просто хихикал рядом по своему поводу, а не над Катей, у неё отключалось понимание. Это случалось так: звуки становились тягучими, мир и существа в нём расплывались, смыслы слов и человеческих движений погибали. Катя выбивалась из навязанной реальности. А тут — тут целый хор, дирижируемый Вероникой Евгеньевной, хохотал над ней по неразъяснённой причине. Катя один раз повернулась на класс и два раза посмотрела на классную, но больше не стала. Текст на доске расслоился и летал перед доской ошмётками. Усилием, равным стараниям пяти десятилетних невыросших, Катя вернула текст обратно, всмотрелась и стёрла

«с» в «рассеянной». Вероника Евгеньевна артистично шмякнулась головой об стол, класс понял команду и взорвался новым дружным хохотом. Катя художником отошла от доски-мольберта, наклонила голову, быстро вернулась обратно и написала в «несёшься», после «ш», где ничего прежде не было, — твёрдый знак. Учительница упала спиной на стул и принялась ловить дырой рта воздух. Невыросшие бились от смеха, как от электричества. Дирижёрским движением классная заставила всех замолчать, и, хоть не у всех получилось, она продолжила диктовать стихотворение. Катя принялась карябать дальше. Но как только она начала фразу «одна ты печалишь ликующий день», Вероника Евгеньевна затряслась на стуле и забарабанила ладонью по столу. Класс тут же провалился в приступ благословенной астмы — все беззвучно тряслись, ловя улыбками воздух. Катя с заболоченными глазами закончила строчку. Классная вытерла свои маленькие слёзки. Потом вдруг вскочила и подбежала к Кате. Та отступила

плотно к доске, впитывая спиной мел. Вероника Евгеньевна вдруг по-курячьи раскочурилась и вытянула короткую шею.

— Петухи-петухи! — это закудаhtала учительница.

Дети умирали от хохота, Катя — от ужаса.

— Петухи-петухи! — всё не унималась классная.

Потом резко заглохла, выпрямилась, словно её выключили.

— Садись, не могу больше, — проговорила она и махнула на Катю короткой толстой рукой.

Катины глаза будто лопнули, а мочки залезли в ушные дыры. Невыросшие превратились в мявкающих монстров. Учительница — в монстра покрупнее. Катя добралась по памяти до своей предпоследней парты.

Чудовище Вероники Евгеньевны выхрипнуло знакомое Кате словосочетание. Монстр рядом с Катей приподнялся и пополз к доске. Учительницазавр снова начал рычать в рифму. Монстр принялся записывать, зна-

комо поводя правым плечом и придерживая левой рукой юбку. «Это же Лара у доски», — осознала Катя. А ещё то, что тот же страшный стих про тучу диктуется и записывается. Существа вокруг подзатихли — устали, но поглядывали в сторону Кати с радостным свирепством. Вдруг чудовище вскочило с учительского места и стремительно приблизилось к Кате, не прекращая диктовать. Катя вжала шею в плечи и догадалась, что сейчас произойдёт что-то совершенно ужасное. Оно и произошло: диктатор схватил своими щупальцами Катин дневник и был таков.

Когда монстр Лары у доски положил мел, учительницезавр проговорил что-то и протянул плоский предмет. Монстр Лары приполз обратно и сунул этот предмет Кате в ладони. Классная прошипела, обращаясь прямо к Кате и тыча щупальцем на доску. Катя вглядывалась в деревяху, но видела только бьющиеся в эпилепсии строчки. В руках лежал дневник.

Очнулась Катя на перемене. Вдвоём с Ларой они стояли у окна. Лара облокачивалась на подоконник ровно настолько, чтобы её не обвинили в том, что она села на него. Она опустила лицо в телефон и трогала экран аккуратно подстриженными пальцами.

— Ты что, не могла мне как-то подсказать?! — это, тихо крича, спросила Катя.

— А как я тебе подскажу? Как ты это себе представляешь? — это спокойно ответила Лара, приподняв подбородок от телефона.

— Могла хотя бы не смеяться! — совсем закричала Катя.

— Хочу — смеюсь, моё дело. Потом, все знают, даже в детском садике, что стихи пишутся в столбик. А что ты не знаешь, это твои проблемы, — Лара снова уткнулась в экран.

У окна ниоткуда возник Сомов.

— Ну что, дебилка?! Облажалась? Жалко, не сфоткали доску, выложили бы, про тебя бы весь мир узнал! — это Сомов говорил с Катей.

Телефоны на уроках Вероника Евгеньевна забирала себе, прося дежурного пройти по партам и собрать их. Это была часть её программы по спасению детей. Невыдача телефона каралась двойкой по тому предмету, на котором с ним был застигнут его владелец. На переменах невыросшие разбирали родные гаджеты обратно. Фотографировать, переписываться, звонить во время занятий никто не мог. Но перемен хватало, и всё происходящее в школе проваливалось в соцсети и перемалывалось там.

Сомов ушёл так, будто закончил встречу с подчинёнными. Лара подняла голову от экрана и засмеялась.

— Совсем идиотка, да? — это закричала Катя.

И ударила Лару по рукам с телефоном. Тот рухнул на пол перед ботинками хозяйки. Катя застыла. Лара медленно и осторожно подобрала гладкий гаджет. Девочки, дрожа, всмотрелись в стеклянную темноту. По ней прошёлся тоненький белёсый заморозок разрушения. Лара аккуратно зажгла эк-

ран — нижнюю четверть сожрала чёрная клякса. Сердце Кати вдарило по ребру. Сейчас начнётся.

— Глупая корова! Долбаная тварь! Проклятая уродина! — действительно начала Лара.

Катя кроликом глядела на неё.

— Жалкая паскуда! Лохматая курица! — всё двигался и двигался аккуратный Ларин рот.

Ученики в рекреации принялись оборачиваться и останавливаться. Крохотная пуговица Светлана Григорьевна, вся состоящая из прямых углов Татьяна Романовна выглянули каждая из своего класса. Вероника Евгеньевна не слышала, потому что в её классе снова месил воздух вальс. Лилипут-первоклассник подошёл к Ларе, встал у её подножия и принялся слушать огромными жадными глазами.

В толпе вдруг появилась Алина Алексеевна и быстро подошла к Ларе. Та внезапно замолчала, обмякла, состарилась лицом и захныкала. В рекреации нарисовался Сомов,

по-хозяйски оглядел потухшую перемену и спросил: «Почему не играем?»

— Пойдём-пойдём, — не убирая из своего лица постоянную радость, спокойно проговорила Алина Алексеевна, забрала у дочери разбитый телефон и спрятала его в сумку.

Ларина мама ласково повела её за плечи сквозь толпу.

По дороге домой за Катей стервятниками шли Сомов и его команда подсомовцев. Сомов ещё в самом начале пути подошёл к ней, посмотрел в глаза и сказал: «Ну что, дебилка?!» Они кружили, кудахтали и швыряли Кате снежки под капюшон...

— Петухи-петухи!

В живот.

— Петухи-петухи!

В голову.

— Петухи-петухи!

В глаза.

Все, кроме Сомова, кидали часто и на расстоянии. А он реже, но зато подходил совсем близко, смотрел в глаза и спрашивал:

«Ну что, дебилка?!» На подходе к многоэтажкам стервятникам стало скучно и они исчезли. Во дворе две девочки и один мальчик лепили крупного снеговика. Катя зашла в квартиру, сняла горячую от мокрости одежду, вытащила снег из глаз, пожужжала над спутанными волосами феном и написала маме сообщение: «Я дома».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Половинку дня Катя не могла найти себе места, передвигалась по квартире и ждала вечера. Хныкала, тёрла по щекам горячую воду, потом стало противно от слёз и скучно плакать. Бралась за домашку, но все столбики шатались и разваливались, не желая складываться, вычитаться и тем более делиться. Катя поглощала холодные макароны, отрывала их слипшиеся тельца друг от друга и заедала сыром. Делала взглядом

шажочки вместе с часовой стрелкой. Укладывалась спать, но зимнее солнце нагло лезло в глаза. Включала телевизор, но не могла понять, что там творится. Сидела на мягком подлокотнике кресла в родительской комнате и сучила ногами один час двадцать три минуты, пока у неё не заскрипели колени.

Катя хотела подтолкнуть время, чтобы оно быстрее катилось до вечера, чтобы перестать чувствовать ужас надвигающегося. Она давно заметила, что ожидание плохого ещё мучительней и растянутей, чем само плохое. А предвкушение хорошего — радостней и длиннее, чем само хорошее.

Было понятно, что сегодня страшен был не кол, занозой засевший в Катином дневнике рядом с кровавым объяснением, что она «до сих пор не знает, что стихи записываются в столбик», а Ларин покалеченный телефон. Катя клянчила такой когда-то у мамы, и та честно ответила, что он стоит полторы или две папиных зарплаты.

— Ты сама хоть что-то заработала в жизни?! — это Катя уже слушала папу у себя в голове.

Не заработала, потому что Катя — невыросшая и не каталась на электричке каждое утро в гулливерский город. Катя не знала, как думать про работу. С одной стороны, работа казалась хорошей. Когда Катя что-то просила маму — например, велосипед, — папа отвечал, что Катя сама на него работает, когда вырастет. Это означало, что на работе давали деньги, на которые можно было и велосипед, телевизор, тёплые зимние сапоги, свой компьютер, даже квартиру. Особенно Кате нравилось, что работа отвлекала от работающего других людей. Говоришь «я на работе», и никто не заставит тебя жевать протёртые яблоки или делить в столбик. С другой стороны, работа воровала радость и силы. Катя видела, какими непригодными для жизни родители возвращались из гулливерского города.

Вероника Евгеньевна ещё в первом классе принялась на уроке расспрашивать

невыросших по очереди, кем трудятся их родители. Дети отвечали бойко-гордо за папу, за маму. Только Катя сказала, что не знает. Невыросшие рассмеялись, а классная выда-ла, что, видимо, они у Кати шпионы. Хор вдарил смехом. Но Катя и правда не знала. Мама часто меняла работы, по мнению папы, от того, что у неё не хватало образования. Когда Катя спрашивала папу, кем он работает, папа отвечал, что говорить Кате бесполезно, потому что она всё равно не поймёт.

Самой Кате не представлялось, кем она хочет стать, когда вырастет. Когда любопытные выросшие пытали её вопросом, она лишь мычала и мялась. Тогда выросшие (Катя не понимала, почему они такие настойчивые) интересовались её хобби. Что она любит подделывать в свободное от школы время? Катя знала наизусть все Ларины хобби: читать книжки, ходить на балльные танцы, печь с мамой пироги, изучать английский, французский, немецкие языки, шить на себя и кукол. Малознакомому выросшему Катя

скармливала какое-нибудь Ларино несложное хобби, например, печь пироги. Если выросший хотел узнать подробности, Катя выдавала ему то, что сама наблюдала у Лары на кухне: как они с Алиной Алексеевной замешивают тесто (три яйца, стакан сахара, стакан муки, щепотка соды, растворённой лимоном, чайная ложка корицы) и подносят тазик с тестом к окну, чтобы оно напиталось солнечными лучами и пирог стал ещё вкуснее. Выросший млел от такого, Катя давно замечала, что взрослые обожают фиготятину. Катина мама всегда была слишком усталой, чтобы печь. На выходных она убирала квартиру, гладила постиранную одежду, спала, а потом играла в компьютер и смотрела вместе с папой телевизор, потому что ничего другого не хотела уже делать.

Катю отдавали в кружки, но там ей вращаться не нравилось. Они занимали послешкольное время, в которое можно было отдыхать от людей. Катя однажды пыталась объяснить Ларе, что не может находиться

в многочеловеческих пространствах: сразу сбегает силы, роняются мысли, а в голове больно стучит. Лара сказала, что Катя, наверное, не человек, потому что люди созданы для того, чтобы существовать вместе. Катя решила об этом не думать, а в кружках выкручивалась так: в английском, когда приходила её очередь читать текст, — молчала, на лёгкой атлетике, когда надо было разминаться или бежать, — стояла или медленно передвигала ноги, в музыкальную школу её и так не взяли — она не достала до ноты. После переговоров мамы с преподавателями папа сказал: «Не надо её никуда отдавать, она нас только позорит». С тех пор Катя навсегда вырвалась из кружков. Она догадывалась, что это пока единственная её победа.

Катя любила лепить, но в художественную школу проситься стеснялась, а пластилин в доме запретила ещё бабушка. Но без кружков у неё были свои любимые занятия. Она могла бы рассказать выросшему, что обожает:

1) лежать ночью на спине и смотреть, как на потолке, чуть освещённом коридорным светом, разводы от соседских заливов сливаются в города, горы, деревья, рыб, людей с головами животных, фигуры голых людей, изогнутые лестницы и сросшиеся сапоги;

2) стоять на кухне у окна, смотреть на облитый солнцем город и наблюдать, как время от времени из дыма заводской трубы высовывается гигантская остроносовая змея, сползает наполовину по кирпичной покатой стене и хватает пастью мимоидущих людей и собак;

3) заходить в свой двор и поднимать голову на древний акведук, который образовывался на месте трансформаторной будки, автостоянки и всей детской площадки;

4) в дни без акведука, пересекая детскую площадку, останавливаться и давать дорогу ржавой лазалке, которая самоуверенно скачет мимо и фырчит;

5) выходить на пятом или шестом этаже, и карабкаться пешком по лестнице, убегая

от кашляющей собаки с лысой человеческой головой, и всегда успевать захлопнуть металлическую дверь перед самым её носом.

Про все эти свои любимые дела Катя могла порассказывать выросшему, но разве всё это можно было выдать за хобби?

Катя опомнилась. За окном, оказывается, уже выключили свет. Ей вдруг ужасно захотелось, чтобы время, наоборот, потянулось и окончательный вечер совсем не наступил. Она знала, что остановить его невозможно, он летел на неё, уродливый, злой, зубастый и противно родной. В коридоре заковырялся ключ, потом дверь выдохнула и впустила маму. Катя осторожно вышла ей навстречу. Мама обычная после-рабочая — уставшая, бледная, помятая в электричке телами других выросших. Катя сразу поняла по маминому лицу, что про Ларин пострадавший телефон она ничего не знает. Может, Алина Алексеевна решила пождать до вечера и позвонить на домашний.

— Привет, ты чего на сообщения не отвечаешь? — это спросила мама.

— Телефон в другой комнате забыла, — это ответила Катя и отправилась его искать.

Мама сняла дублёнку, шарф и шапку в коридоре, помыла лицо и руки в ванной и, покачиваясь, пошла на кухню готовить. Катя поняла, что давно уже не видела и не слышала своего телефона. От этого стало даже радостно, потому что невыросшие в школе часто потешались над ней из-за этих пятнашек. Если телефон исчез, может быть, родители купят ей тогда новый и бескнопочный. Катя честно осмотрела все подозреваемые места: рюкзак, стол в её комнате, её кровать, кресло в родительской комнате... Отправилась на кухню.

— Катя, зачем ты это сделала? — тихим голосом спросила мама.

Катино сердце сжалось в кулак и принялось дубасить окружающие органы. Мама стояла к ней спиной перед открытым навесным шкафом.

— Я-а-а-а... — это протянула Катя.

Мама повернулась строгим лицом. Катя аккуратно вытянула шею, подошла к шкафу и увидела что-то удивительное. Стеклянные мамины банки с крупами и прочими рассыпчатыми штуками будто помешались. В ёмкость с рисом была досыпана соль, в ёмкость с гречкой — сахар, в ёмкости с манкой желтел горох. На всех банках плотно сидели крышки, а на полке не валялось ни одной горошинки, рисинки, маночки и ничего такого другого.

— Это не я, — сразу и честно ответила Катя.

— А кто, Пушкин? — спросила мама с такой интонацией, которая означала, что у неё не осталось сил на то, чтобы ругаться.

Пушкина Катя ненавидела сегодня почти так же, как Сомова. Это Пушкин записал историю про тучу как на уроке математики — в столбик, — и поэтому Катя получила кол.

Мама вытащила все банки с полки и принялась медленно пересыпать их содержимое

в изначальные ёмкости. Катя протянула руки, чтобы помочь. Мама не смотрела на неё. Сразу захотелось хныкать от обиды. Столько плохого плюс такая неправда. Катя точно помнила, что ела сегодня холодные макароны, но крупы не мешала. Она ушла в свою комнату. В глазах копилась слёзы. Стены шатались от стоячей воды, а обойные цветы выпирали из стен и падали на пол. Катя замахнулась на один из них, чихнула и вдруг поняла, что у неё есть шанс сделать так, чтобы настоящий вечер наступил ещё позже.

— Мам, я пойду покатаюсь с горки! — это Катя, уже одетая в пуховик, заявила на пороге кухни.

— Телефон не забудь, — бесцветно ответила мама с мёртвыми рыбинами в руках.

— А он не заряжен! Я недолго! — И Катя выбежала во двор.

На улице Катя занялась растягиванием времени. Она каталась с горки не одна, а пооче-

рёдно с другими тремя невыросшими людьми чуть её младше. Они перекидывались смешками и передавали из варежки в перчатку пластиковую доску для катания. Катя каталась на попе, подкладывая под неё пуховик. Железная горка росла высоко в черноту, съезжалось с неё долго и весело.

Свет горел на кухне, где мама делала ужин, окно родительской комнаты темнело, значит, папы ещё не было. Каждый день Катя клала дневник на стол в своей комнате. Так они условились, чтобы папа не тратил своё время на выколупывание его из рюкзака.

Ещё одна пачка невыросших людей играла без коньков в хоккей на замёрзшем асфальте. Они хохотали и перешвыривались плохими словами. Когда одно из таких шайбой долетало до горочных, девочка в синем дутом комбинезоне строго замирала. На безопасном расстоянии от хоккеистов, на затоптанном снеге, похожем на пломбир с шоколадной стружкой, стоял крупный снеговик и ка-

чал ветками-протезами. Двое выросших на противоположных сторонах двора гуляли с собаками: один с колли, другой с незаметной в снегу таксой.

У подножия горки появился выросший человек в джинсах и длинном чёрном пальто.

— Катенька! — это он произнёс в сторону горки.

Катя оглянулась, выпуская удивлённые столбы пара изо рта.

— Папа! — это радостно крикнула ему девочка в комбинезоне и скатилась с горки прямо к нему в руки.

Все горочные, кроме Кати, попрощались с Катенькой. Они остались кататься втроём. Катя, девочка в шапке с медвежьими ушами и шмыгающий носом мальчик. Каждый раз перед спуском, перед тем как толкнуться и полететь вниз, мальчик этот производил особенно значительный шмыг. У Кати замёрз низ, она хотела попросить у горочных пластиковую доску, но боялась. Колли сцепилась с бродячим псом. Их лай

стукался о дома и, словно по стенкам колодца, карабкался в чёрное небо. Там отреагировали и включили снег.

— Ты идёшь или нет? — это спросила девочка с медвежьими ушами примёрзшую к лестнице Катю.

А мимо шёл папа, как обычно, очень быстро. Ноги его казались палками, которые он привычно втыкал в землю. Папа не заметил Катю и скрипнул подъездной дверью. Катя быстро забралась наверх. Холод отступил от неё, она забыла, что хотела попросить доску. Катя скатилась и зажёгся свет в комнате родителей.

Шмыгающего мальчика забрал седой выросший, девочка с ушами ушла сама. Катя осталась с горкой наедине. Свет вспыхнул в её комнате. Катя оттягивала наступление своего вечера и продолжала скатываться. Хоккеисты по одному исчезали с накатанной площадки и оттого делались всё тише. Катя скатывалась. Собак и их выросших людей тоже не было. Два хоккеиста перекидывали друг другу шайбу, а потом вдруг исчезли од-

ним мигом. Катя осталась одна в тихом пустом дворе и продолжала скатываться. Снеговик смотрел на неё пустыми глазницами.

— Катя, Катя, иди домой! — это мама выглянула из подъездной двери в набросившейся на халат дублёнке.

Катя скатилась и похрустела к дому по новому снегу. Вместе с ней в подъезд зашли двое выросших. У лифта ждала мама с бумажками из почтового ящика. Мама не любила ящик, потому что там часто были квитанции и реклама. Вчетвером они зашли в кабину. Мама открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Молодые выросшие обнялись, очевидно, очень замёрзли, как и Катя. Она тоже хотела обнять маму, но передумала. Неясно было, позвонила Алина Алексеевна про Ларин телефон или нет. Парень из выросших жил с Катей и её родителями в одной лестничной клетке, поэтому они вчетвером добрались до самого верху.

— Раздевайся и иди кушать, а то остыло, — это сказала мама в коридоре.

Катя замёрзшими пальцами стянула пуховик. Из комнаты с телевизором появился папа, зацепил Катю за локоть и притащил в её комнату. На столе лежал позорный, раскрытый на новом коле дневник.

— Это что такое?! — это спросил папа, как будто он правда не понимал, что это.

— Пускай сначала поест, — это сказала мама в комнату, и папа, как обычно, не посмотрел на неё.

«Неужели не позвонила?» — радостно подумала Катя.

Дальше всё было как обычно. Катя сидела за столом, а папа вдалбливал, что стихи пишутся в столбик. Катя хотела попроситься в туалет, а потом передумала и написала восемь четверостиший под папину диктовку. В паре мест только сомневалась, прыгать на другую строчку или нет. Когда папа увидел её тетрадь, он затрясся и закричал, что никогда не видел столько ошибок на одной странице. Катя ответила, что задание ведь было на то, как начинать с правильной строчки.

— Ты что, умственно отсталая? — спросил папа.

Катя задумалась, что ему ответить. На крик пришла мама.

— Пусть поест.

Она принесла рыбу с рисом, протянула Кате. Папа ударил по тарелке ровно тем же движением, каким Катя ударила по Лариному телефону. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. Мама молча принесла совок и тряпку и убрала пол. Катя сбегала в туалет. Папа увидел в дневнике домашнее задание по математике. Захотел проверить его. Катя так много думала про Ларин телефон, что даже забыла про уроки. Папа принял решение, что они сделают математику вместе. Дальше он так громко разжёвывал математические столбики, что цифры, суммы, вычитания, деления, умножения слышали люди из соседних квартир и даже через две. От папиной громкости и собственной усталости в Катиных глазах и ушах все разжёванные примеры сливались в липкую кашу. Веки

у невыросшей тоже липли друг к другу. Папины объяснения давно звучали для неё колыбельной. Катя по-воробьиному клюнула носом. Папа стукнул стол. Катя проснулась. Папа говорил про деление. Его слова на чуть-чуть сделались чёткими, но потом снова размякли и поплыли вдаль от Кати. Чем громче он кричал, тем дальше Катя пряталась в сон. Она ничего не могла с собой поделать и снова клюнула воздух. Папа бросил учебник на пол, сказал, что Катя его позорит, и ушёл досматривать телевизор.

Катя поела ещё одну подогретую мамой порцию еды и помылась, стоя под горячими водяными лучами. Мама вялым роботом быстро расчесала и заплела Катины мокрые волосы прямо в ванной. Катя так устала, что было совсем не больно.

— Мам, давай косынку, — это Катя вспомнила про запутывание.

— Ты же не любишь... — это устало удивилась мама.

— Вдруг простужусь мокрая.

— Ну хоть с волосами баловаться не будешь.

Мама сняла оставшийся от бабушки застиранный платок с крючка и набросила его на Катю. Та нагнула голову и самостоятельно обвязала хвосты платка два раза вокруг своей шеи. Мама обеспокоенными руками чуть ослабила узел. Бабушка не носила этот платок, но всегда ловила в него Катину голову после мытья. Фен бабушка считала электрическим губителем волос. Платок прибивал мокрые волосы к щекам и шее, пряди скользкими шупальцами душили всю ночь напролёт, поэтому Катя ненавидела так ходить или спать.

— Телефон... — это вспомнила мама.

Катя вздрогнула.

— ...нашла? — договорила мама.

Катя почти весело пожалала пижамными плечами.

— Ты правда его потеряла?.. Мы папе пока не скажем. У него сейчас плохо на работе, — мама закрепила Катин крысиный хвостик.

Потолковые пятна от заливов водили хороводы. Мокрые щупальца волос душили, но Катя почти не замечала их. Она лежала в кровати и улыбалась оттого, что Алина Алексеевна так и не позвонила, и оттого, что эти день и вечер завершились и не придут больше.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Тяжёлые шаги и громкие крики ковыряли Катины уши. Папа хлопнул железной дверью. В коридоре остались только лёгкие мамины шаги, они перешуршивались туда-сюда быстрее обычного. Катя открыла глаза и удивилась, что звуки из их квартиры, а потолок — из другой, потому что заливные пятна — чужие. Её должны быть такие: одно большое овальное прямо над головой, чуть левее — вытянутое горизонтальным орна-

ментом, правее — натёкшее худой изогнутой пирамидой. Очень удобные для лепки красивых городов, тел и зверей. А здесь были какие-то горошины, и всё. Катя подумала про другое и поднесла руку к своей голове, осторожно засунула ладонь под ослабший платок выше лба и отёрнула руку, как ужаленная. Приподнялась на руках и увидала свои голые ступни на подушке. За ногами почему-то громоздились не стол-батарея-подоконник-окно, а высокий шкаф и полустеклянная дверь с ползущим через его слабую половину светом. Мир был перевёрнутый!

Нет, это Катя была перевёрнутая. По шуршанию шагов она поняла, что мама идёт к ней. Катя перекатилась головой на подушку, затащила хвосты платка, солдатиком вытянула руки вдоль тела. Мама зашла в комнату и включила свет.

— Ты не видела мой шарф? — это мама подошла к Катинной кровати и спросила.

Катя помотала головой.

— Да что ж такое. И телефона точно нигде нет?!

Катя снова помотала головой.

— Бермудская квартира. Давай я на Ларин телефон эсэмэс напишу. А ты мне ответишь.

— Не надо! — это закричала Катя, вскочила с кровати и шлёпнула на пол голые ноги.

Мама удивилась.

— Лара... она тоже телефон потеряла!

— Ничего себе, такие деньги! Разве можно такие дорогие вещи вам покупать... Давай снимем, а то ты как червяк, — это мама потянула руки к Катиной голове.

— Не! Я потом! — Катя снова рухнула на кровать и затащила невод одеяла до спрятанных ушей.

— Позвони мне тогда из учительской после первого урока. И как придёшь — с домашнего. И вставай, а то проспишь, — теперь мама поцеловала Катину щеку и быстро пошагала одеваться.

Катя выбежала за ней в коридор. Ей до боли — с ног до головы — хотелось остаться дома. Она попыталась выдвинуть из сво-

его горла то, что она хочет остаться до вечера в тёплой квартире, совсем без людей, Лары, Вероники Евгеньевны, Сомова, подсомовцев, всяких других выросших и невыросших, дорогого телефона, который можно разбить. Мама обвязалась старым папиным клетчатым шарфом поверх дублёнки, махнула Кате перчаткой и ушла мёрзнуть. И Катя поняла, что тоже должна идти.

Она сняла платок. В зеркале торчало штук десять толстеньких колтунов, которые сожрали все волосы, сделав их в два раза короче. Катя долго рычала и боролась с колтунами. Только четыре из них сдались расчёске. Невыросшая принесла ножницы, срезала двух пузатых, но тут увидела, что вместе с ними исчезают целые пряди, а в волосах образуются дыры. Катя кое-как заплела косу. На поиски телефона и даже завтрак времени не осталось. Она принялась кормить рюкзак учебниками, тетрадами, ручками, стукачом-дневником, заглянула в расписание уроков на стене и окаменела. Труды. Сегодня были труды. Неделю назад на трудах задавали

довязать варежки, а у Кати выпало это из памяти. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. Её передернуло от ужаса.

В школу Катя летела по темноте вдоль длинного, как поезд, забора. Из-под закрытых ржавых ворот вдруг выскочила помятая грязная собака и кинулась за ней. Псина неслась и лаяла, Катя бежала и плакала. Слезы бросались на снег и, кажется, замерзли до своего падения. Собаке стало скучно или она поймала носом новый важный запах — и отстала. А Катя добежала до самого светофора и решила, что если сейчас же не зажётся зелёный, то она повернётся домой и пойдёт туда по бессобачьей, в обход, дороге: не мимо забора, а мимо большого старого дома. Светофор открыл зелёный глаз только через две минуты. Ноги уже принялся грызть мороз. Но Катя не повернулась, а перешла дорогу по грязной зебре к реденькому парку и побежала сквозь него в школу.

Три минуты оставалось до звонка, а Катя вбежала в калитку. Двор уже был пустой, но за квадратной колонной она заметила курящих Сомова и Панкратова. Катя запрыгнула в класс, зацепив самый хвостик оглушающего звонка. Вероника Евгеньевна открывала рот, чтобы пнуть в неё замечание, но тут же замолчала, потому что в класс спокойно, по-выросшему степенно вошли Сомов и Панкратов.

Катя отдышалась и обнаружила рядом голый стул и пустую половину парты. Лара исчезла. Катя секунду надеялась, что она сегодня решила остаться дома и ей, как всегда, позволили, но впереди справа зажелтел знакомый затылок над назойливо прямой спиной. Лара пересела к Вике Ивановой за первую парту на место отличника Носова. Тот переместился к славному невыросшему Антонову, которого даже Катя считала совсем хорошим. Сопарточник Антонова болел уже четыре дня.

Обида стала надуваться в Кате и проступать сквозь щёки. Телефон телефоном, но

пересаживаться из-за него на другую парту — совсем нечестно. Кате захотелось плакать и немного драться.

Вероника Евгеньевна тем временем загадочно заулыбалась, забликовала круглыми щеками. Катя, да и все остальные готовы были поклясться, что это означает что-то опасное. Так и вышло. Учительница взяла в руки свою красную тетрадку, подкралась к доске и написала справа «Вариант 1», а потом слева «Вариант 2». Класс произвёл фейерверк вздохов. Началась контрольная по математике.

Катя так переживала по поводу Лариного ухода, что равнодушно восприняла эту новую муку. В заданиях выросли вчерашние столбики. Катя поняла, что столбики построились вокруг забором, чтобы не дать ей вырваться во что-нибудь хорошее. Она пыталась вспомнить папины объяснения, тужилась воссоздать балаканье Вероники Евгеньевны, пробовала сочинить ответ сама. Пять-плюс-пять-равно-десять-равно-десять, десять-переносим-в-следующий-ряд, десять-

плюс-два-плюс-два... Она раскидала таким образом столбики сложения. Потом вычитания. Умножение принялось запихивать в ум космические цифры, но тут все столбики принялись рушиться и падать, потому что Катя увидела, как Лара принцессово поднялась и отнесла тетрадь с готовой контрольной учительнице. Та церемониально качнула головой, почти поклонилась. Отличник Носов доставил классной свою тетрадь ещё четырнадцать минут назад и теперь разбирал темы будущих уроков в учебнике. Носов делал так всю свою школьную жизнь, поэтому никто давно не обращал на это внимания.

Классные часы сообщали, что до конца урока оказалось восемь минут. Сердце затряслось, в затылке забил барабан. В столбняке Катя смотрела на останки цифр и математических знаков и пыталась понять, как всё построить заново. Это была новая катастрофа. Но постепенно Катю принялось поглаживать радостное чувство освобождения, всегда добавляющееся к чему-то плохому.

му. Отчаяние откатилось, несколько примеров, которые она ещё не успела помучить, снова выросли в столбики и стали различными в тетради. Сердце забилось весело, голова прекратила катать внутри шаровую молнию. Катя заулыбалась. Вероника Евгеньевна, заметив это, забеспокоилась, специально подошла, заглянула Кате за плечо и успокоилась обратно — ни одного правильного ответа в сделанном она не рассмотрела.

А Катя распрямилась, взяла ручку и прямо набело решила несколько примеров на языке других столбиков, которому её тоже учили:

Одну тысячу девятьсот восемьдесят четыре
Поделить
На шестнадцать
Равняется — я одна в квартире.

Двести тридцать шесть
Умножить
На семьдесят три
Равняется — на часы не смотри.

Двадцать тысяч ноль ноль ноль
Плюс
Четыре тысячи двести девять —
Всё равно вечера не боюсь.

Девятьсот
Минус
Одиннадцать
Равно —
время убежало давно.

Катя отдала тетрадь собирающей контрольную дань Веронике Евгеньевне. Класная подошла к проигрывателю, сарделечными пальцами скормила диск и шмякнула на кнопку. Заиграл вальс. На площадку перед доской вышли топтаться несколько пар девочек. В том числе Лара с Викторией Ивановой. Кате было почти всё равно. Вероника Евгеньевна следила за танцующими и сытно кивала головой в такт. Катя вспомнила, что нужно позвонить маме, но это означало идти в учительскую сквозь толпу невыросших, разговаривать с выросшими и просить.

Она решила на следующей перемене сходить позвонить и сходить в туалет или сходить в туалет, а потом позвонить. Вальс убаюкивал её, страшно невыспавшуюся. Катя обняла разрисованную поверхность парты и разместила на левом локте голову с колтунами и петухами. Те улеглись, сонно распределившись по хозяйкиному черепу. Катя закрыла глаза.

Она никогда не разрисовывала и не ковыряла парт. Этого ведь нельзя было делать. Впереди вальсировала доска с тучным стихотворением Пушкина, которое то выстраивалось в столбик, то ползло в строчку. Ещё в левом нижнем краюшке доски тихонько подёргивалось маленькое слово «варежки» и резало Кате её закрытые для сна глаза. Внезапно что-то мелкое больно ткнулось в плечо. Катя проснулась, приподняла голову и увидела обслюнявленный бумажный комок, валяющийся в проходе. Она нахмурилась, повертелась по сторонам и вдруг застыла, дальше полностью выпрямилась, будто и не

засыпала никогда на этой перемене. Впереди, перед доской со всё ещё написанными на ней математическими столбиками, танцевали Лара и... Сомов. По бокам двигался ещё кто-то, но Катя их не различала. Все её внутренности, от головы до ступней, принялись медленно переворачиваться внутри кожи, скрипя, похрустывая и принося ужасную боль.

Сомов держал Лару в руках, как чашку горячего и вкусного какао. Он сбился с ритма, и Лара ласково рассмеялась. Колючая, мохнатая, невытая злость впиалась в Катю своими тонкими и длинными зубками. За всю историю их дружбы Лара часто бросала Катю во время чего-нибудь Катиного плохого. Плохое никогда не касалось Лары. Она не защищала подругу от Сомова, классной, других невыросших и выросших. Вела себя так, будто это не её дело. Но никогда ещё Лара не вела себя так подло. За всю историю их ненависти Сомов обзывал Катю, смеялся над ней, натравливал на неё класс и учителей, но никогда ещё не забирал у неё

ей принадлежащего. А кроме Лары, у Кати ничего и не было. Она была уверена, что Сомов пригласил Лару не по собственному настроению, а специально, чтобы у Кати стали переворачиваться органы внутри кожи. И Лара специально танцевала, странно смотрела, похихикивала, чтобы у Кати переворачивались органы внутри кожи.

Лара улыбалась Сомову, так, будто ей одновременно приятно и стыдно. Сомов топтался хуже Вики Ивановой, даже хуже Кати: одним деревянным массивом, постоянно теряя ритм и наступая Ларе на ноги. Но Лара не кривилась в кислом недовольстве и не проговаривала приказов и инструкций, как обычно в таких случаях. Она нежно хихикала. Лара и Сомов принялись растворяться в воздухе. «Глаза отрываются от мозга», — это так подумала Катя, потому что помнила по картинке разобранный на органы человека, что глаза приделаны к мозгу специальными кровяными верёвочками. Дыхательная трубка (Катя забыла, как она называется) от поворачивания принялась

хрустеть и рушиться. Катя полудохлой рыбой ловила воздух. «Нечестно так», — это подумала она уже повернувшись примерно наполовину мозгом. Заколелся живот — кишечник наматывался на другие органы.

Вдруг Катя снова ссутулила спину и облокотилась на парту. К ней пришло решение этой задачи. Стало понятно, как отомстить. Органы в секунду повернулись обратно и плотно встали на свои места. Зрение и дыхание возвратились, колики прекратились. На вальс навалился вой звонка. Вероника Евгеньевна выключила проигрыватель. Сомов проводил Лару до недалёкой первой парты за руку и плюхнулся на свою вторую в соседнем ряду.

Конечно, Сомова хотелось убить. Но Катя знала, что у неё вряд ли получится, потому что он хоть и невысокий, но ужасно сильный. И подсомовцы тоже. Потом людей, особенно невыросших, убивать плохо. Даже если они этого заслуживают. Так все считали: и Бог, и выросшие. Поэтому убивающих сажали в тюрьму. Катя тюрем боя-

лась, но она слышала, что в самых хороших из них есть отдельные комнаты, в которых хоть пятьдесят лет можно сидеть совсем одной, без людей, со своим телевизором и, может, даже компьютером. Это хорошо. Конечно, она будет скучать в тюрьме по маме, но та сможет навещать её. Но ведь неизвестно, что Кате достанется именно отдельная комната, вдруг придётся задыхаться в маленьком грязном помещении с другими убившими. Их там целый класс — человек тридцать. И у них так мало места, что они спят, сидя в два ряда — снизу и сверху — на двухэтажных кроватях. То есть тюрьма — это как школа, только без уроков, а просто с сидением. С очень долгим уроком без возможности уйти домой. А туалет в таких тюрьмах, наверное, ещё хуже, чем в школе. Сомова убивать нельзя.

«Окружающий мир» Катю совершенно не интересовал. Она вся извелась на уроке от нетерпения. А всего лишь сразу после звонка нужно просто подбежать к классной

и выговорить ей одну фразу. Кате казался таким правильным и полезным тот способ мести, который она придумала. Дождаться не могла, когда они перепрыгнут все эти глупые горы и холмы, картинки которых так скучно и подробно показывала классная. Эти поросшие нерасчѣсанными деревьями груды земли и камней ни в какое сравнение не шли с Катиными горными долинами из заливных пятен. Она старалась не смотреть на прямую спину Лары и раскидавшуюся по парте фигуру Сомова. Оба они слишком старательно слушали про горы.

«Подскочу, дальше по ряду (хорошо, Кузнецов быстрый — сразу убегает на перемену), потом можно столкнуться с Ульяновой и.. и она толстая, медленно собирает рюкзак стоя и всё... Дежурный вечно сам приносит ей телефон...» — это Катя продумывала план броска до учительского стола. Вдруг она вспомнила, что сидит одна за партой: «Задвину Ларкин стул под парту до спинки, пройду в другой проход, побегу. Там

Шершнев — ускачет в столовую, Антонова можно попросить подвинуться, Васильева останется болтать с Ртищевой, а Вика Иванова... ну, она скелет...»

Катя так отчаянно ждала звонка, что он принялся мерещиться ей в бумажном шуршании, кашле, смешке, даже в хриповатом голосе Вероники Евгеньевны. За окном на небо высоко забросили тугой персиковый мяч зимнего солнца. Оно принялось пинаться своими плотными лучами прямо сквозь пыльные окна. Катя зажмурила глаза, в затылке снова зачесалась боль, в ушах солёно засвистело. Тут что-то произошло, все почему-то повскакивали со своих мест, классная, наоборот, втиснулась между стулом и своим столом и принялась складывать горные распечатки в папку сарделечными пальцами. Катя помотала головой, будто отряхиваясь, солёный свист выключился. Застала хвостик звонка. Пока она осознавала пришествие перемены и вставала на ноги, Веронику Евгеньевну заняла Вика Иванова. Катя давно удивлялась, как

другие невыросшие могли хотеть разговаривать с классной сверх того, что требовалось на уроках.

Дежурный раздавал одноклассникам телефоны, даже Лара забрала какой-то, но какой, Катя не рассмотрела. Иванова приплясывала над Вероникой Евгеньевной, рассказывая ей что-то радостное, интересное и долгое, связанное с окружающим миром. Катя почувствовала, что сейчас прольётся. Иванова важно открыла папку, как выросшая, и показала её учительнице — та улыбнулась, смяв свои круглые щёки. Катя выбежала из класса. В туалет влетела, как обычно, не дыша носом. Запах принялся выкорчёвывать глаза. Зашла в кабинку, в унитазах огромной коричневой жабой сидела какашка. Катя выскочила оттуда, дёрнула дверцу другой кабинки. Бывше-белая, покрытая обзывательствами про девочек и любовными признаниями про мальчиков деревяшка резко поддалась, двинулась прямо на Катю и чуть не заехала ей по лбу. Из кабинки выступила Лара и тут же сделала очень

важное лицо, говорящее, что в туалете, кроме неё, нет никого. Принцесса удалилась, Катя зашла. Тут ещё пахло Ларой, но не плохим, а её личным запахом. И после Лары было чисто.

Потом Катя бежала по рекреации сквозь толпу невыросших. Они орали, выли, махали конечностями. Катя знала, что самое главное — не задеть никого из них и не встретить прямых врагов, например подсомовцев. Вывернула на лестницу, оттарабанила тридцать четыре ступеньки, свернула налево, лилипутом аккуратно прошла сквозь почти выросших людей и наконец увидела дверь учебной части. Постучалась, очень вежливо попросила.

В комнате сидело несколько учителей по очень сложным, выросшим предметам. Преподавателей начальных классов тут было раз-два и всё. Один из выросших неопределённо махнул рукой в угол. Там одиноким цветком рос телефон на крохотном ногастом столе. Катя посеменила к нему.

— У тебя мобилы, что ли, нет своей? — это спросил молодой и смуглый учитель физкультуры, скалясь белющими зубами.

— Забыла, — это тихо ответила Катя.

— Чо у пацанов не попросишь? — метнул учитель физкультуры и радостно захотал.

— А мне только маме... — ответила Катя. Ни Вероники Евгеньевны, ни Алины Алексеевны в учебной части не было.

Телефон походил на цветок, только с уже выдернутыми лепестками, вместо которых торчали дыры с цифрами. Они работали вместо кнопок, с помощью них по одному нужно было пальцем проворачивать кругляшок до предела. Телефон стрекотал и урчал при наборе, прокручивая своё колёсико обратно. Кате очень нравился такой аппарат, она не знала, почему перестали делать такие мобильные.

Мама звучала уставшей. Катя оттараторила, что не могла позвонить на предыдущей перемене, что прошло уже два урока, что впереди ещё два. Мама попросила по-

звонить с домашнего сразу после прихода домой.

— Послушай, а из-за чего вы с Ларой так вчера поругались? — это спросила прямоугольная Татьяна Романовна, когда Катя положила трубку.

Все остальные выросшие воткнули в Катю свои любопытные взгляды. Татьяна Романовна учила третий «А» и глядела на Катю и Лару вчера в рекреации. Катя поняла, что Татьяна Романовна не знает её имени, но знает Ларино. Все его знали, не только из-за Алины Алексеевны, а просто потому, что Лара была «блестящая девочка».

— Ну просто... поругались, — это так объяснила Катя и убежала обратно на этаж совсем невыросших. Стало ясно и прекрасно, что Лара и её мама никому не рассказали про телефон. «Значит, Алина Алексеевна меня всё-таки любит», — на бегу улыбалась Катя.

До конца перемены остались какие-то минутные крохи. Повезло, и Вероника Евгеньевна была никем не занятая. Она сидела

за столом и прыгала глазами по бумажкам. Катя, запыхавшись, подскочила к классной. Та отлипла от бумаг и, узнав Катю, поморщилась, как от плохого запаха или слова, но сразу напялила учительскую улыбку.

— Вероника Евгеньевна! Сегодня утром Сомов и Панкратов курили прямо во дворе школы!

Улыбка упала. Вероника Евгеньевна принялась раздувать ноздри.

— Садись на место, — это очень тихо и недовольно произнесла классная.

— Я точно видела! — это с удивлением воскликнула Катя и осознала, что в уши жужжит звонок.

— Вика, собери телефоны, пожалуйста! — Вероника Евгеньевна скомандовала поверх Катиной макушки.

Катя обернулась и увидела, что Иванова ринулась собирать телефоны, а в классе совсем нет мальчиков. Они как будто вымерли от специальной мальчишеской чумы или холеры.

— Ты бы лучше расчесалась!

Катя развернулась обратно и посмотрела на рот классной, не веря, что именно это та сейчас сказала.

— Садись немедленно! — Вероника Евгеньевна говорила так, будто Катя курила, а не Сомов с Панкратовым.

Катя двинулась по ряду. У стоящих в приветствии невыросших на партах лежали уютные туесочки и пакетики, из которых торчали тоненькие железяки. Катя встала у своего места и вспомнила, что сейчас «Труды» и мальчиков увёл Бобрик в мастерские, делать зимние скворечники.

— Садитесь, девочки, — мягким, вязаным голосом сказала Вероника Евгеньевна.

Бобрик был старшим сыном классной. Он жил и работал в гулливерском городе. Его дочка, внучка Вероники Евгеньевны, училась в платной школе гулливерского города. Бобриком его называла сама классная, остальные повторяли. Он был за. Он походил на сказочного бегемота, удивительно громадного, складчатого и доброго (не бо-

бра вовсе). Катя считала, что это всё враки, что он сын Вероники Евгеньевны. Быть такого не могло. Бобрик владел здесь и в Гулливерии магазинами с едой и считался богатым. Он приезжал в лилипутский город раз в неделю на огромной, как поезд, машине. «Тратит своё очень дорогое время совершенно бесплатно, чтобы учить мальчиков жизненно необходимым навыкам», — повторяла классная. Бобрик рассказывал невыросшим мужского пола, как путешествовать в незнакомом городе, как делать мебель из дерева, как не умереть от переохлаждения в лесу, как строить шалаш или лодку, как мастерить самим печатный станок и книжки, фонарики и лампы, удочки и сети и много чего ещё интересного и полезного. Мальчики обожали Бобрика. Вероника Евгеньевна не допускала девочек до сына, хотя он был не против преподавать им тоже. Классная учила девочек сама: готовить еду, шить, вязать, ухаживать за больными, танцевать, говорить и выглядеть женственно. Она переживала и даже иногда плакала на роди-

тельских собраниях из-за потери половых различий у современных детей.

Многие родители просили, чтобы их дочерей пустили на бобриковские «Труды» вместо «женских и менее полезных». Вероника Евгеньевна отвечала всегда одинаково: «Пусть ваша (кто-нибудь) сначала поменяет пол». Услышав это впервые, Катя не поняла и спросила у Лары. Та знала всё от Алины Алексеевны. Рассказанное захватило Катю на долгие дни. Настоящее и возможное в жизни волшебство — превращение из девочки в мальчика. Катя принялась активно мечтать об этом. Мальчиковость побеждала девчочковость с явной очевидностью: мальчики сильные и могут защититься от битья, сами захотят и побьют кого угодно, их чаще всего не наказывают за всё подряд, им разрешается так себе учиться, их пускают на «Труды» к Бобрикову, их не заставляют вязать, шить и ласково-вежливо разговаривать. Катя мечтала о смене пола три недели, даже начала откладывать деньги из кармана в копилку: Лара объяснила,

что это переделывание — очень дорогая операция.

Однажды Катя дежурила и мыла доску в пустом классе. Вдруг за спиной зашумело. Катя обернулась и увидела перед собой Курина — медведя-одноклассника с полинявшей квадратной головой. Курин тяжело дышал гайморитным носом и держал в руках задранную рубашку, как на приёме у врача. Катя спустила взгляд ниже и под круглым животом с грязной кнопкой пупка увидела что-то совершенно ужасное. Штаны Курина ползали по полу. За дверью класса послышалось восторженное хрюканье Сомова и подсомовцев. Катя обошла Курина вдоль стены с портретами великих выросших, попыталась выйти из класса, но дверь прочно держали снаружи. Катя села за свою парту и принялась пытаться читать учебник, а Курин развернулся к ней, подошёл ближе и постоял так ещё какое-то время, пока у него не затекли руки. Дня через четыре Катя осознала, что именно она видела. Больше она не хотела стать мальчиком. Курин застрял на

второй год, а потом его перевели на улицу Савушкина, в школу для отстающих детей.

Катя зашуршала — вытащила из рюкзака супермаркетовский пакет. Там катался клубок красных шерстяных ниток, плотно запутанный вокруг двух вязальных крючков: толстого и тонкого. Заканчивался клубок перекошенным куском недоварежки, похожей на толстую круглую салфетку. Жаль, что нельзя было отвязаться салфеткой. Катя вздохнула и принялась отпутывать нитки от крючков. Пыталась не думать про плохое, но ведь выходило, что её замечательный план мести Сомову не сработал, а сделал какой-то неправильный удивительный кувырок. Голова принялась жевать свою обычную боль. Кате быстро стало скучно и сонно, глаза слипались, нитки в руках превращались в красное варенье.

Впервые за урок она подняла колтунную голову, прислушалась и присмотрелась. Класс опутывала плотная вязкая паутина из ниток и тихого старательного дыхания девятнадцати девочек. Волосяные затылки под-

нимались и опускались в такт движению крючков. Несмотря на общность процесса, каждая вязала по-своему. Аня Потапова держала рыжую с белыми прожилками варежку, как кошку, у себя на коленях и размеренными глядящими движениями создавала новую шерстяную жизнь, плотную и основательную, — довязывала уже вторую варежку. Наташа Ломакина то приближала вязание к глазам, как глазок микроскопа, то отбрасывала его от себя на вытянутых руках. Вязала свободным танцем, то быстро, то медленно. У неё получалась половина чёрной варежки-крохи из тонкой шёрстки. Одна готовая с белым, ювелирно-вязанным цветком уже выставлялась на парте. Вика Иванова изготавливала крючком петлю за петлей, быстро, настойчиво и бесстрашно, как работница заводского конвейера. Её белые синтетические варежки были неровные, то вздувшиеся, то скукоженные местами, но почти законченные и достаточные для Вероники Евгеньевны. Что делала Лара,

Катя не видела. Зато часы показали, что до конца урока оставалось двенадцать минут.

Катя впиалась глазами в своё вязание: все лишние запутывания были побеждены, но ни одной петли не сделано. Вероника Евгеньевна принялась ходить по рядам, останавливаться, подсказывать, подвязывать, подшёптывать девочкам и их рукоделиям. Катя лягушонисто растопырила ладони над своим вязанием, но классная проплыла мимо и даже не покосилась в её сторону.

Что-то стряслось с Катиными пальцами, они отдельными существами то ли болели, то ли бунтовали: не хотели двигать крючок, держать красную зимнюю салфетку, выплавлять нестройные шерстяные ряды. Большие, средние, указательные, безымянные и даже мизинцы на обеих рукахгнулись не в ту сторону, или негнулись вовсе, или липли друг к другу, словом — не вязали. По ушам ударил звонок. Катя поглядела на совершенно не переменившуюся шерстяную салфетку, наколотую на крючок. Девочки принялись под-

ниматься со своих мест, медленно и аккуратно, как настоящие девочки.

Катя осталась сидеть за партой, будто привязанная к ней красными нитями и прицепленная крючком. Невыросшие женского пола вращались по классу, вытягивали ручки, показывали друг другу свои красивые или просто симпатичные шерстяные лапки разных цветов, плотностей, узоров и украшений. На варежки нашивались вязаные розочки, ромашки, листочки, звериные уши, носы и пасти, бабочки, пчёлки, а также бусинки, пуговицы и даже ракушки. У Лары на варежках цвели жёлтые розы. Девочки ворковали, ахали, хохотали, прыскали, вытягивали шеи, расправляли плечи и качали головами. Солнечные лучи носились по варежкам и невыросшим фигурам. В этом радостном супе купалась Вероника Евгеньевна: тоже ахала, похохатывала и ворковала.

На следующем уроке сохранилась примерно треть учениц. Довязавших классная отпустила домой. Оставшиеся девочки занимались украшениями: вязали или наши-

вали их на варежечные тела. Катя делала вид, что что-то делает — распрямляла вязаную салфетку, тянула нитки, перекладывала из ладони в ладонь крючок, — а на самом деле мучительно ждала звонка и наказания, как обычно с нетерпением ждала вечера. Она пыталась думать про что-нибудь радостное или приятное, например, про заливные пятна на потолке, но получалось только: «Катя катится-колошматится...»

Вскоре девочки, по одной или по две, принялись отвязываться и уходить из класса, предварительно показав своё готовое рукоделие Веронике Евгеньевне. Она вязала воротник за учительским столом, ловко изгибая свои толстые пальцы. Когда очередная девочка подносила к ней варежки, классная поднимала глаза, тискала работу взглядом и радостно улыбалась, подтянув к глазам свои полированные щечки.

— Ну и чего ты сидишь, и так всё понятно, — это, не отрываясь от воротника, сказала учительница.

Они уже больше десяти минут сидели вдвоём в классе, а Катя всё продолжала изображать, что вяжет.

— Что? — это не поняла Катя.

— Будем переводить тебя на Савушкина, — снова не оторвалась от воротника классная.

Ужас схватил Катю за горло.

— Ну что ты молчишь, давно к тому идёт, — в третий раз не оторвалась от воротника классная.

Дальше Катя плакала, размазывала слёзы по мелкому лицу и просила Веронику Евгеньевну не переводить её в школу для отстающих, а разрешить ей принести готовые варежки завтра.

— Маму, что ли, попросишь? — оторвалась от воротника учительница, усмехнулась и закрыла одной щекой один глаз.

Катя удивлённо-отрицательно покачала головой. Она про маму даже не подумала.

— Бесполезно это, Катя. Я ж тебя знаю. Ничего ты не сделаешь. Впрочем, не по-христиански это... Дерзай. Не свяжешь до за-

втра — прям завтра же свяжусь с родителями, и начнём процедуру.

От такого медицинского слова у Кати заболели зубы и живот. Она почувяла, что тут Вероника Евгеньевна не пугает, не шутит, а говорит какую-то уже связную, готовую для себя правду. Небо затянулось серой волчьей шкурой. Солнце убралось, и стало легче смотреть. Катя знала, что нужно довязать. Катя катится-колошматится нужно забыть. Катя вывязывает и довязывает. Она так настроилась на работу, что бежала домой коротким путём через парк, а потом вдоль забора, не помня про собаку. Промокшие пятки жгла уверенность, что в своей комнате, без всякого девчачьего царства и плавающей Вероники Евгеньевны, Катя обязательно довяжет. Она вертела пальцами в дряхлых протёртых варежках, воображая, что орудует крючком.

На краю дворового пустыря стояли вместе четверо выросших: две женщины, один мужчина и одна старушка. Все они задрали

головы вверх и глядели туда сердито и испуганно. Выросший ухмылялся. От него пахло алкоголем. Одна из выросших крестилась.

— Полицию надо! — это проговорила она, снова перекрестившись.

— В дурку! — это почему-то засмеялся выросший.

Катя собезьянничала за выросшими, остановилась рядом и задрала голову вверх. То, что она увидела, было ужасно удивительно. На крыше соседней с Катиной многоэтажки сидел человек, свесив ноги вниз. Катя сощурилась и поняла, что это почти выросшая — старшекласница из Катиной школы. Девушка торчала на крыше без варежек, шапки и даже пуховика, а только в одной светлой майке и джинсовой юбке. Старшекласные бледные ноги переходили в белые туфли на толстых подошвах и высоченных каблуках. Прямо под ними спускался вниз бетонно-панельный торец высотой в двенадцать этажей. Девушка заперевирала ногами по сорока-

метровому воздуху, будто он — вода, а крыша — пирс. Катя зажмурилась, кто-то из стоящих рядом выросших охнул. Казалось, туфли вот-вот утащат старшеклассницу вниз.

— Мир — охуенное место! Он мне очень нравится! — это почти выросшая кричала с крыши.

Распущенные волосы радостно плясали на ветру. Юбка перекрутилась и сидела наискосок. Одна из лямок майки скатилась вниз по белому плечу. Катя почему-то подумала, что это самое красивое зрелище на свете из всего того, что она видела за свои десять лет.

— Заверните мне ещё мира! — падало с крыши.

— ...дробь во-семь! — это выросшая громко говорила по телефону рядом.

Катя узнала её — тётя Оля жила на двенадцатом и часто спускалась к ним в халате ругаться про телевизор, фен и крики. Давно, когда родители пропадали в Гулливерии, а бабушка занималась работой или

своим домом, мама просила тётю Олю присмотреть за Катей. Та спустилась два или три раза, а потом сказала, что это стоит каких-то денег. Тогда мама бросила учёбу. Катя очень обрадовалась — соседка заставляла её зубрить молитвы, ходить на цыпочках и есть на обед селёдку, которую приносила с собой. Селёдка была в банке, походила на спящую змею с порванной шкурой и плохо пахла.

Катя катится-колошматится. Нет! Катя вывязывает и довязывает. Катя решила, что у неё нет времени досматривать, что будет со старшеклассницей дальше. Она оставила выросших и заспешила к своему подъезду.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дома Катя первым делом позвонила маме с домашнего, сказать, что она пришла. Та звучала отчаянней и рассеянней, чем обычно. Катя испугалась, что это из-за неё, но маму явно занимало что-то другое — рабочее, она быстро завершила разговор, и Кате стало спокойнее. Она поглядела на часы. До понарошистого вечера, когда приедет мама, оставалось четыре с половиной часа. До настоящего, когда вернётся папа, — шесть

с половиной. Нужно было наесться. Катя разогрела в микроволновке рис с рыбой, которые остались после вчерашнего ужина. Рыбы было больше, чем риса, — они как будто поменялись местами. От еды сильно заслипались глаза и потеплело в голове. Катя подставила табурет под навесную полку, слезила за маминой банкой растворимого кофе, вскипятила чайник и заварила себе коричневой воды с сахаром. Хоть и три сладких кубика, но очень горчило. Кате нравилось делать что-то выросшее, но пить такое невероятно трудно, и она вылила недопитую половину в раковину.

Времени до вечера осталось уже на сорок минут меньше. Катя разложила перед собой клубок, связанный с ним нитками красный шерстяной кругляшок и крючок. Погладила всех их, словно пытаюсь приручить. Потом взяла всё в руки и поняла, что не может. Пальцы снова делали не то, что нужно, а главное, не загибались, будто провели много часов на морозе без варежек. Катя поплакала, потом принялась больно кусать себя за косточки

и подушечки. Сложила ладони на стол и представила, как никогда больше не увидит Лару (телефон-то — ерунда, а вот школа на Савушкина не прощается). Услышала, как папа будто предупреждает — кричит, что она его позорит, — и заранее зажмурилась. Больно всегда становилось не сразу, а после, когда казалось, что в ударенном месте под кожей поселилась горящая муха, которая бьётся, чтобы вырваться наружу. А ещё страшно было от ожидания новых мух. Катя осознала вдруг, что если не свяжет, то никогда не сможет вырасти, как она хочет. Пальцы разморозились, развязались, взяли крючок и принялись производить петли.

Сначала Катя трудилась очень медленно и шерстяная салфетка долго оставалась салфеткой. Потом работа вдруг разогналась, задвигалась не бегом, но постоянным, размеренным шагом. Петельки надстраивались, образовывали тёплые ряды, поддерживали Катю и друг друга. Катя вывязывает и довязывает, Катя вывязывает и довязывает. Зимняя салфетка превратилась в зимнюю

шапку для куклы. В куклы Катя давно уже не играла. С пятнами заливов на потолке намного интересней. Со временем шапочка выросла в кусок разрезанной рыбы, точнее в кусок её чешуи. Четыре раза, или даже пять, крючок отчего-то запутывался в нитке, создавал какой-то лохматый колтун, отчего Кате приходилось распутывать его и начинать ряд снова. От этого получались перетяжки и заторы из нитковых узелков. Катя вывязывала, вытягивала нитки, перепрыгивала через ряды, запутывалась в петлях — отчего варежка получалась кривенькой, но зато Катиной собственной.

Вокруг стало темнеть. Катя включила лампу, увидела своё вязание, заулыбалась и заёрзала на стуле от радости. Вот-вот начнётся удивительный трюк, полуволшебство из Лариного рукодельного журнала. Катя почесала колтунную голову, набрала воздуха и принялась вязать в небо коротенькую отдельную косичку. Та не должна была получиться сильно короткой или слишком длинной. Потом вдруг свобода косички за-

кончилась, как и требовала того инструкция. Катя вернула её к остальным шерстяным клеткам и наглухо привязала к ним. Косичка стала просто большой и смешной петелькой. Потом на неё сверху навалились, привязавшись, новые красные ряды. Надстраивались и надстраивались, один над одним, и косичка растворилась в их массе, образовав бывшим своим существованием расщелину в будущей варежке. Так получилась лазейка для большого пальца.

Когда Катя закончила тело варежки, оказалось, что за окном убрали волчью шкуру и просто выключили свет. Фонари показывали, что во дворе не было старшеклассницы на крыше и волновавшихся выросших. Там происходило всё как обычно. По земле и по небу тихо ползал снег. Невыросшие катались на горке, играли в хоккей безо льда и коньков, лепили кого-то из снега. Выросшие гуляли с собаками, парковали машины, бежали к своим подъездам по тропке, ведущей от станции. Катя пошла по тёмной квартире, вставая у стен на цыпочки и нащупы-

вая выключатели. Зашла в родительскую комнату и посмотрела на электронные часы. Оказалось, что понарошистый, то есть мамин вечер уже наступил, а настоящий окажется в их квартире меньше чем через час. Ни мамы, ни папы всё ещё не было. Это удобно отодвигало вечер, но удлиняло Катины переживания, потом уже сильно хотелось есть. Вдруг уши прорезал звонок. Катя подняла трубку. Отчаянно сердитая мама сказала, что они с папой задерживаются. После коротких гудков в трубке Катя поняла, что Алина Алексеевна всё-таки рассказала про телефон и сейчас родители дома у Лары выплачивают за него деньги.

Она дошла до кухни, включила свет, взяла ножик из выкатывающегося ящичка, нашла в холодильнике сыр, стала отрезать кусочки на весу и есть его прямо у открытой дверцы. Оттуда веяло холодом и умершим овощем. Много съесть не получилось, потому что холодильник возмущённо запищал. Катя вернула сыр, закрыла дверцу и добавила ножик к посудному вавилону в рако-

ГЛАВА ПЯТАЯ

вине. Потом она вернулась к себе в комнату. Варезка с дырой на месте большого пальца лежала среди тетрадей и карандашей. Катя вывязывает и довязывает... вывязывает и довязывает... Сколько мог стоять Ларин телефон, ведь он не новый? Катя катится-колошматится... катится-колошматится. Папину зарплату или папину плюс мамину. Катя вдруг представила, как записывает в столбик:

Папина зарплата
плюс
зарплата мамы
равно —
плата за телефонные раны.

или

Папина зарплата
плюс
мамы зарплата
равно —
для телефона заплата.

Катя делала в голове ещё много таких нагромождений слов в столбик, в шеренгу, в кучу, лишь бы не думать про плохое. Шапочка на большой палец получалась слишком широкой, и из-за скорого стискивания её рядов на макушке осталась довольно большая круглая дыра. Катя решила, что в такую сможет пролезть только самый вредный ветер и только самый упорный мороз и что она оставит вот так вот. Пугаясь в красных нитках, Катя принялась привязывать напальчичник к телу варежки. Это было ужасно сложно — крючок протыкал вязание на окоёмке дыры, потом край напальчичника, потом цеплял нитку и протискивал её обратно через оба этих вязаных тела. Дальше протаскивал нитку через получившуюся петлю и снова нырял в шерстяные дебри. Руководила и исполняла это всё Катя, которая три раза получала ерошистые колтуны, вытаскивала и вырезала навязанное, начинала снова. Когда напальчичник присобачился, Катя тихонько надела кривенькую и бугристую варежку себе на руку и хотела

начать радоваться, но радость её не включалась. Сидела, ждала, вытягивала вперёд руку, вертелась в разные стороны, делала вид, что любит. Тут левая рука вспотела, Катя стащила варежку и услышала, что ключ ковыряет входную дверь и за ней мелькают голоса.

Дверь выдохнула, и коридор сразу наполнился шумом. Кричала мама, а не папа, как обычно. Катя осторожно вышла в коридор. Папа улыбался и даладничал. Мама стащила с себя дублёнку, папин шарф и бросила на комод. Папа не разделся, а только покачнулся и проплыл прямо в куртке в комнату, не посмотрев на Катю. Мама быстро зацепила её взглядом и последовала за ним. Они закрылись в комнате, Катя вернулась к себе. Готовая варежка лежала на столе, будто приветливо махала собой. Катя заулыбалась и наконец почувствовала радость и гордость от своей работы.

Да, ругалась мама, а не папа, как обычно. Катя сразу поняла, что это не из-за Лариного телефона, а из-за чего-то, в чём ви-

новат папа. Потому что, когда была виновата Катя, он всегда ругался на маму. Пальцы по-волшебному сами вязали вторую варежку. Ряды карабкались друг по другу наверх, превращая нитки и воздух в новое тёплое существо. Катя прижималась к нему, как к живому, прислушивалась к крикам за стеной. Указательный стал почти цвета красных ниток, а на его боку надутой жевательной резинкой вспухла мозоль. Катя вывязывает и довязывает, Катя вывязывает и довязывает. Под вязание удивительно просто слышалось и понималось. Выходило из переплетений родительских криков, что папа продал дяде Юре бабушкин дачу-дом, подписал документы, что всё получил, а дядя Юра попросил подождать, потому что банк закрыли на выходной и деньги не достать из книжки, а потом, когда папа стал ему звонить, то дядя Юра сказал, что деньги отдал папе, а папа забыл. И папа звонил, звонил, ездил сегодня к нему вместо работы, а дядя Юра сказал, что папа недоразвитый. Папа и мама пошли

в милицию, но там сказали, что папа сам виноват и по бумажкам дядя Юра прав. Дядя Юра — бабушкин сосед по дачному дому и участку. Бабушка рассказывала, как таскала дядю Юру за уши, когда он был ещё невыросшим и воровал у неё малину. У Кати захныкали пальцы, особенно большой и указательный на правой руке. Желудок тоже постанывал. Через час или два родители замолчали. Мама, сморкаясь, прошла на кухню и чиркнула светом.

— Это что? — это закричала мама.

Катя осторожно отложила вязание на стол и побежала к маме.

Прямо на столе громоздилась высоченная, почти с Катю, башня. Она то худела блюдами, то расширялась широкими тарелками и сковородками, макушку её венчала перевёрнутая зелёная кастрюлька с ручками. По бокам торчали вилки, ножи и кухонные лопатки. Всё это не шмякалось вниз, а держалось вместе, как приклеенное. Из-за общей белости, волнистости и металлической шапки наверху башня походила на

подтаявшего снеговика. Из кастрюли стекали вниз остатки субботней тыквенной каши, из тарелок, сковород и чашек выползло тоже что-то своё: то жир, то макароны, иногда чайники. Вся посуда квартиры толпилась тут. Только сырная тёрка одиноко лежала на дне раковины.

— Ты... ты что тут намутила? — спросила мама так, будто училась в одном с Катей классе.

Катя открыла рот и не могла ничего даже промычать от удивления. Даже при сильном старании она не сумела бы построить такого невероятного снеговика. Даже если бы Лара ей помогала.

— Это что ещё такое? — это зло-радостно спросил возникший на пороге папа.

Он обрадовался, что появился кто-то ещё сегодня виноватый. Катя отступила к стене, папа зашёл в кухню, а мама отвернулась от них обоих и молча принялась разбирать снеговика на части и относить их в раковину. Папа, громко дыша, как пёс, смотрел-смотрел на маму и на Катю, а потом ушёл.

Катя отправилась довязывать, пальцы хрустели и завывали. Через двенадцать рядов мама позвала Катю на кухню. Там шёл пар от тарелки с сосисками и картофельным пюре. Мама ушла в ванную, включила воду. Телевизор стрелял и диктовал папе новости. После еды Катя отдала тарелку раковине и ушла вязать.

Катя вывязывает и довязывает, Катя вывязывает и довязывает. Вечер закончился. Глаза и пальцы слипались и ныли. Зимняя ночь уже притащилась в Катин двор и квартиру. От нетерпения невыросшая пропустила клетки, и поэтому вторая варежка получалась значительно хуже первой и сужалась книзу. Но готова была только её половина. Пальцы завопили, Катя подумала и направилась к маме. В комнате уже не было света, и телевизор не разговаривал, а мама сидела на кухне спиной к входу и раскладывала козынку на ноутбуке. Катя подкралась, мама щелкала как автоматическая, подёргивая ручкой. Хотелось дотронуться до её локтя, но тут послышался шум со стороны коридора.

Катя убрала руку и снова ушла к себе, довязывать.

Теперь работа не шла, тащилась очень медленно, Катя путалась в нитках и рядах, пропускала петли или, наоборот, вставляла крючок дважды или трижды в одну точку, отчего в шерстяной шкуре получались арки. Невыросшая клевала носом, сидела в полуяви-полусне, по комнате летали готовые варежки одноклассниц, кукареча и кудахча. Боком то левого, то правого глаза маячило бегающее тряпичное пятно. Как только Катя поворачивала голову, чтобы разглядеть эту беговщину, пятно снова уплывало в сторону.

— Ты пойдешь мыться? — это спросила мама из пространства между кухней и ванной.

Катя очнулась, оставила своё недовязание и поплелась мыться. После ванной пришла в пижаме к маме на кухню. Там между столом и окном стояла уже застеленная раскладушка: матрас, простыня, одеяло, подушка. Там спали родительские гости, а сегодня собралась мама.

От мытья многие Катины колтуны распутались, но некоторые остались. Мама наткнулась расчёской сначала на один, потом на другой волосяной клубок и спросила: «Ты что, снова с волосами баловалась?» Катя не ответила. Мама молчаливым роботом расчёсывала её, пока Катя повторяла про себя «Катя катится-колошматится» и старалась не ойкать. Хотелось рассказать маме про вязание, пока та плетёт косу, но Катя так и не сумела выжать из себя ни слова.

Как только хвостик был перевязан, мама села за компьютер и принялась щёлкать снова.

Катя закрыла дверь, занавесила одеялом, чтобы свет из её комнаты не лез в коридор и не выдавал её. Она сидела на стуле за столом и работала на весу. Существовало только одно вязание, точнее, худенькая вторая недоварежка и орудующая над ней Катя. И больше ничего на свете. Снова получилась отдельная косичка, устремилась ненадолго вверх, потом её прикрепили к общим рядам, и она исчезла под навалившимися

следующими — так получилась щель ещё для одного большого пальца. Катя теперь не ошибалась, не путалась в нитках, не создавала шерстяных колтунов, и даже сон не увязывался за ней — такой серьёзной и выросшей она стала в своей важной работе по себяспасанию.

Когда Катя закончила вязать, то ночь торчала в их дворе уже часа три. Варежки на ладонях под придиричивым светом настольной лампы смотрелись чужими друг другу. Правая была длиннее и толще левой, у которой не было напальчичника, а торчал только Катин палец. В журнале Лары по вязанию красовались разные модели без-чего-нибудь: без половины напальчичника, с закрытым пальцем, но без нижней половины (то есть с полуголой ладонью), с полной варежкой, но без напальчичника (как получилось сейчас). Катя решила, что сможет выдать такой дефект за особенность модели. Да и можно разве переводить кого-либо в школу для отстающих, если он связал почти две варежки за день?

Кате очень сильно захотелось обниматься, чтобы набраться сил. Мама спала, и силы у неё вряд ли нашлись бы. Потом, она явно дулась на Катю из-за посудного снеговика, который непонятно как вырос на столе. Голове стало больно думать об этом. Катя сняла варежки, обняла их, снова надела, и посмотрела на них на свет, и помахала себе. Они были неровные, перетянутые, непарные, в колтунах и зацепках, но казались очень родными и весёлыми. Они вытаскают её из великой опасности. Катя улыбнулась, аккуратно сняла их, сложила в хрустящий пакет, потом переложила в нехрустящий и спрятала в рюкзак.

Платок решила не надевать, так как он не спасал вовсе. Ночью Кате снились огромные красные петли, сквозь которые она должна была вручную, без крючка протаскивать толстую и извивающуюся как червяк нить. Потом ещё показался двор с посудными снеговиками вместо настоящих, посреди которого они с Ларой танцевали вальс, и та рассказывала Кате, что Алина Алексеевна разбила те-

лефон Вероники Евгеньевны и что теперь за это Алину Алексеевну вместе с Катей переведут в школу на Савушкина. Катя обрадовалась, но тут же вспомнила, что её туда не отправят, потому что она довязала варежки. Она принялась объяснять это Ларе, но та не верила, усмехалась, обзывалась, Катя злилась, кричала, плакала от обиды, и тут...

— Катя, вставай, мы проспали! — это мама тормошила её за плечо и одновременно впрыгивала в юбку.

Заливные пятна висели на нужном месте, а под головой, как положено, лежала подушка. Катя потянула ладонь к макушке и тронула свою голову — она была волосяная, но бесколтунная.

— В школу опоздаешь! — мама снова сунулась в её комнату уже в дублёнке.

Катя вскочила на ноги. Папы уже давно не было дома.

— Купи себе завтрак в столовой. Деньги в коридоре, — мама хлопнула дверью и убежала на электричку.

Расписание рассказало, что сегодня математика, физ-ра, русский язык, литература и ИЗО. Катя побросала учебники, тетради и спортивный костюм в рюкзак, осторожно отодвинув к спине улыбающийся пакет с вязаньем. Она на секунду подумала надеть варежки на себя, но потом решила, что они могут намокнуть или запачкаться в дороге.

Катя бежала в школу вдоль длинного серого забора, размахивая сменкой, как пропеллером. Не встретилось ни одного пса или одноклассника, а на светофоре сразу загорелся зелёный свет. В класс Катя вошла ещё до звонка, за восемь минут до его жужжания, и вовсе не самая последняя. Сердце толкалось в необъятной радости от такого хорошего забега. Вероника Евгеньевна вальяжно рылась в школьных тетрадях. Сонные, продрогшие, хмурые невыросшие загружали класс. Катя улыбалась глазами, наклоном головы, руками. Даже Вероника Евгеньевна заметила это и захмурилась сама. Лара за-

шла в класс вместе с Сомовым, Катя уговорила себя не обращать внимания, а Вика Иванова недовольно смяла лоб.

Прокукарекал звонок. Невыросшие принялись просыпаться, вставать со своих мест и приветствовать учительницу. Выложили телефоны, дежурный собрал их в специальный вязаный мешок и отнёс выросшей. После того как все сели, Вероника Евгеньевна, постукивая каблуками, проплыла вдоль рядов. Она одаривала каждого сидящего его тетрадкой со вчерашней контрольной. Каждый брал тетрадку осторожно, будто горячую картошку, и опасно заглядывал внутрь. Вика Иванова подскочила на месте от радости, её хвост, чуть отставая, повторил её движения. Лара открыла, посмотрела без удивления и гордо закрыла обратно. У Кати под её столбиками был вбит кол. Она решила не расстраиваться.

Дальше потянулся обычный урок математики, поплыл, как обычно, мимо Кати. Вероника Евгеньевна говорила на иностранном языке и писала иероглифами. Сегодня

Катя не понимала её не из-за скуки, а от радости и нетерпения. Очень уж хотелось показать классной свою работу, самую большую и серьёзную за всю жизнь. Ныла и скреблась вертлявая мечта о звонке. Катя ёрзала на стуле, глядела в окно, где туда-сюда шныряли игрушечные машины, а игрушечные люди месили ногами снег.

Год назад, когда она прочла о приключениях Гулливера, ей очень сильно захотелось себе настоящих и живых, но маленьких, размером с её указательный палец, людей. С ними играть гораздо интереснее. Таких лилипутов Кате нужно было побольше, вдруг она на кого-то случайно наступит или отломает голову, пока будет переодевать. В знакомых людей ей играть не нравилось, разве что в сильно плохие дни казалось нужным превратить в лилипутов Веронику Евгеньевну или, например, Сомова. А потом делать с ними всё что захочется. В лилипуте также иногда хотелось превратить папу. А Лару она тут же, как только представляла, распревращала обратно. Лучше всего играть

в совсем незнакомых людей. Долгие месяцы после «Гулливера» Катя смотрела на разных выросших на улицах и в магазинах и представляла их карманного размера. Воображала, как сделает им дом из картонной коробки, шкафы из пакетиков сока, ящики из спичечных коробков. Хотела попросить Ларушить одежду для этих маленьких выросших, у неё здорово получалось для кукол. Хотела уговорить маму купить мебель, набор платьев и даже целый дом для Барби. Но сама Барби Кате не была нужна. После своей идеи с лилипутами она решила перестать играть в куклы. Их тела валялись и сидели в ящиках стола, на книжных полках и подоконнике. «Я прямо совсем как выросшая», — это думала про себя Катя.

Она улыбнулась, вспомнила про варезки, ещё больше заулыбалась, заелозила на стуле.

— ..., я что, говорю что-то смешное? — это сказала Вероника Евгеньевна, назвав в самом начале фразы Катину фамилию.

Все невыросшие пооборачивались на Катю.

— И что ты ёрзаешь? Может, хочешь выйти и рассказать за меня? — ещё раз спросила классная.

Катя задумалась и не отыскала ответа в своей сонной голове. Некоторые невыросшие прохихикали. Учительница ещё постояла и посмотрела на неё, раздувая ноздри, а потом снова принялась говорить непонятное. У Кати от этого приступа Вероники Евгеньевны изнутри загорелось тело, огонь пошёл откуда-то из живота и стремительно поднялся в голову, выделяя жар через лоб и щёки. Катя почувствовала себя очень уставшей, почти больной. Она заморозила лицо и тело, чтобы снова не раздражать классную. Лара торжествующе повела головой. Катя постаралась не расстраиваться.

Звонок рассыпался множеством заледенелых колокольчиков. Невыросшие повыскакивали с мест, схватили рюкзаки и сумки, налетели на старосту с вязаным мешком и в три секунды разобрали телефоны. Ещё через пару моргков в классе никого не осталось. Катя тоже вскочила, вытащила из рюк-

зака пакет с вязаньем и помчалась к Веронике Евгеньевне, пока её кто-нибудь не занял. На пути натолкнулась на Ульянову.

— Смотри, куда идёшь, — это прорычала Катя, хотя это именно она не глядела, куда бежала, потому что разворачивала на ходу пакет с варежками.

Ульянова ничего не сказала, только уставло посмотрела из-под выпуклого лба и посторонилась. За два ряда до классной Катя остановилась, чтобы развязать последний и самый плотный пакетный узел. Когда он распутался, Катя уже делала шаг к учительнице и вдруг застыла на месте. На белом морщинистом дне пакета вместо варежек лежал ворох красных ниток. Катя с трудом оторвала глаза и увидела, что классная с любопытством глядит на её пакет. Катя быстро захлопнула его, прижала к ноющему от ужаса животу и вернулась на своё место.

Обыскала рюкзак, посмотрела под партой, на парте, на подоконнике — варежек нигде не было. Трясущимися, как у пьющей выросшей, руками Катя снова раскры-

ла пакет. Нитки, волнистые, как расплетённая коса, лежали молча. В шерстяном месиве она узнала созданный ей по ошибке вчера огромный колтун, который так сильно мешал и чувствовался пальцем при надевании готовой варежки. Колтун был так велик, что он даже остался цел, не поддавшись распутыванию. У Кати задрожал ум, она попыталась понять, кто мог сделать такое. Сомов? Лара? Катя не выходила никуда на уроке, и рюкзака все сорок минут касалась её правая коленка в колготках. Папа? Мама? Для чего? Разве они тоже теперь заодно с Сомовым? Папа может быть, но мама точно нет. А откуда Сомов узнал про варежки?

— Ну что, Катя, есть у тебя, что мне показать? — это медово проговорила Вероника Евгеньевна, запирая класс изнутри.

Изо рта у Кати вывалился гласный звук. Учительница протиснулась между партами и подоконниками своим плотным телом, похожим на анаконду, съевшую женщину, и села рядом с Катей.

— Я так и знала, что ты не сделаешь. Зачем обещать?

Катя, тяжело дыша, как после долгого забега, открыла рот.

— ...От тут ...ыли ...арежки, — это Катя проямлила, запуская в рот воздух, пытаясь рассказать про две варежки, целую левую и правую без пальца.

У Вероники Евгеньевны щёчки всползли на глаза, она слегка проскрипела от смеха.

— Плохо придумала, Катя. И почему ты надеешься, что я тебе поверю? Ты вот не сделала, что обещала, а я своё слово держу. Позвоню твоим родителям сегодня. Во сколько они вечером возвращаются с работы?

Катя пробулькала что-то. Из глаз принялись выпадать слёзы.

— Ну вот, началось... Ты знаешь, ты не волнуйся! — это вдруг ласково начала классная.

Прокричал звонок. Вероника Евгеньевна привстала, нагнулась вперёд к окну, перевернула ручку и открыла дверцу. Морозный воздух принял жечь Катино лицо

и уши. Класная села, сложила локти на подоконник, пошуршала в кармане кофты, поднесла к своему блестящево-розовому рту сигарету и чиркнула спичкой. Катя заморожено смотрела на дым и даже перестала плакать.

— Не волнуйся. Тебе будет гораздо комфортней учиться среди детей твоего уровня. Ещё отличницей станешь, — выпустила Вероника Евгеньевна изо рта вместе с овалом дыма.

Катя закашлялась от напавшего на неё облака. Вероника Евгеньевна сделала вид, что пытается отвести сигарету в сторону.

— А так... ну ты же видишь, какие ребята у нас учатся: дети учителей, инженеров, художников, врачей, бизнесменов. Особенности ребята, с особенным воспитанием. В моих классах всегда так было. И здесь недопустимо так относиться к учёбе, как относишься ты. Хотя я понимаю, что это не отношение, а скорее твои способности.

Катя не могла собрать воедино значение слышимых слов, они вываливались изо рта

классной буквенным фаршем. Дым, объединившись с морозом, колот рот, нос и глаза. Даже «Катя катится-колошматится» не собиралось вместе в голове.

— Но и вести себя, как ведешь себя ты, неприемлемо. Думаешь, я не знаю про Ларин телефон? Алина Алексеевна мне рассказала, но попросила не говорить никому: ни учителям, ни детям, ни твоим родителям. Она, видишь ли, боится, что это настроит против тебя класс. И расстроит твоих папу с мамой. И Ларочка держит всё в тайне. А я считаю, что детский коллектив должен самоорганизовываться и воспитывать своих участников. Это хорошо ещё, что Ларин папа много зарабатывает, и это для них не проблема. А если бы твоим родителям пришлось выплачивать стоимость такого телефона?

Катя с трудом разбирала слова, но осознала, что Ларин разбитый телефон наконец нагнал её, и по-настоящему зарыдала.

Классная встала, приподняла цветочный глиняный горшок, потушила сигарету об

его подставку, зарыла в землю окурок и закрыла окно. Катя всхлипывала и растирала щёки руками.

— Ну чего ты? — это почти просюсюкала Вероника Евгеньевна.

Учительница отодвинула стул, прошла к Кате и сделала вид, что нежно обнимает её, на самом деле зажала её плотными руками.

— В дневнике писать не буду ничего, сегодня вечером позвоню твоему папе и расскажу ему про варежки. И остальное. Математические твои стихи они и так увидят. На завтра вызову родителей в школу, а в понедельник начнём.

Классная отцепилась. Катя кинулась к своей парте и принялась быстро собирать вещи: кинула в рюкзак учебник, дневник, тетрадь, ручку с карандашами, мёртвое вязание, схватила сменку и прыгнула к выходу.

— Ты куда? — это спросила классная.

— Физ-ра же, — сквозь нос, как мамонт, ответила Катя.

— А зачем?! — отмахнулась от Кати Вероника Евгеньевна. — Всё равно не засчитается. Четверть эту уже закончишь в другой школе... Не я одна принимаю решение, но я думаю, коллеги и начальство меня поддержат. А пока иди домой.

Снежинки щекотали глаза. Солнце освещало их заодно со всем подряд. Катя шла домой не коротким путём — вдоль забора, а самым долгим — через главный проспект, вдоль самых красивых и старых в городе домов. Им было лет по пятьдесят. Катя всегда раньше смотрела, как в их окнах плавают корабли, торчат маяки, башни и горы, и на всех улицах, набережных и вершинах танцуют вальс выросшие и невыросшие. Сейчас Катя не видела ничего, кроме пляжной полоски на снежном тротуаре. Пакет со сменкой тянулся вниз и время от времени сталкивался с колготочными коленками.

Чудо заключалось в том, что без десяти десять (Катя заметила время на часах сквозь прозрачную аптечную дверь) она уже шла из школы. Ещё пятнадцать минут по песку,

потом по лестнице и в лифте — и квартира на одиннадцатом. А завтра и вообще можно будет не ходить. Даже когда Катя заболела, то всё равно досиживала до конца уроков, а потом под одеялом чувствовала себя счастливо кем-то вроде героини. Она всегда плохо обёртывала мысли и ощущения в простую и симпатичную упаковку, а сейчас вот ясно выходило, что доступная Ларе хоть каждый день свобода досталась Кате только в очень плохих обстоятельствах.

На углу последнего красиво-старого дома к Кате, извиваясь, подошла тощая собака в грязно-морозных колтунах. Катя встала столбом. Пси́на понюхала сменку и коленки, полаяла два-три раза (было почти нестрашно) и убежала в сторону рынка. Из двери с надписью «Разливное пиво» вытекли двое невыросших. Катя двинулась домой.

В лифте Катя подумала, что было бы интересно, если бы он застрял. Такое уже случилось один раз в её жизни, ещё в первом классе. Катя ехала одна. Железяка вдруг оста-

новилась, и тут же выключился свет. Катя заплакала в темноте, представляя, как вот-вот оборвётся трос (про такие случаи рассказывала Вероника Евгеньевна), как они покатаются вниз вместе с лифтом и от неё (Кати) останется что-то вроде рожек и ножек. Она попыталась позвонить тогда маме, но сигнал не ловился. Катя помотала светящимся телефоном, ей показалось, что стены с двух сторон принялись двигаться друг к другу. Она стала стучать по липким от жвачки лифтовым кнопкам. Вдруг оттуда затрещал женский голос. Больше всего Катя удивилась, что он всю дорогу называл её на «вы» и, ласково хрустя, успокаивал.

Сколько прошло времени, Катя не помнила. Над головой железно заскреблись, в металлический проём сверху воткнулся штырь, создав тонкую ровную щель, сквозь неё в лифт пролезли лучи, а потом чьи-то большие ладони. Они напряглись, задрожали, и двери лифта расползлись в разные стороны. Катя увидела вверху перевёрнутый колодец света, в нем край бетонной плат-

формы, ноги людей по колени и одного полусидящего человека в синей форме. Он впихнул железную раскоряку между дверями. Среди ног Катя узнала мамины лимонные домашние штаны с подсолнечномасляным пятном в форме лошади. Это случилось в субботу, и все были дома. Выросшие что-то там говорили, не было ясно что. Солнце набилось в кабину, царапая невыросшей глаза. Из-за него Кате сделалось неудобно и очень захотелось вернуться в прежнюю темноту. Полусидящий спустил Кате табурет. Она приняла его и стояла с ним в руках. Выросшие, в том числе мама, тётя Оля и ещё соседи, влезли своими головами в колодец света и стали показывать руками, что стул надо поставить и взобраться на него ногами. Лица, грубо обработанные светом, приобрели вдруг вместо глаз, носов и ртов — чёрные дыры.

Катя подумала, что это чудовища, которые сожрали всех жильцов подъезда, а теперь пришли к ней и делают вид, что спасают. Не дыша она смотрела на них приклеен-

ным взглядом. Вдруг свет за их спинами погас, и чудовища снова превратились в выросших людей. Катя выдохнула, поставила табурет на пол лифта и забралась на него. К ней уже тянули руки. Её вытащили, кабина застыла между седьмым и восьмым этажами. Катя разрыдалась. Потом её долго успокаивали лифтеры, соседи, мама, и даже папа пробуркнул что-то утешительное.

Четыре месяца потом Катя ездила на лифте только с мамой или карабкалась пешком. Потом она принялась доезжать до шестого, а дальше подниматься по ступенькам. А потом страх рассосался в памяти, она заново проводила в железной кабине все одиннадцать этажей. Лифтовое приключение стало весёлым и ценным. Сразу после произошедшего Лара и даже некоторые другие невыросшие из класса несколько дней выпытывали у Кати захватывающие подробности (некоторые допридумывались на ходу). Она стала кем-то вроде Лары или Сомова. Правда, ненадолго. Если бы лифт

застрял сейчас, было бы интересно постоять одной в темноте, а потом позвонить, поплакать, и появились бы какие-нибудь выросшие, которые бы пожалели её. Но железяка доползла до одиннадцатого и без возражений выпустила Катю.

Жизнь сегодня совершенно переменялась, а дома у Кати жило всё как прежде. В коридоре по бокам топталась разносезонная обувь, в углу она спуталась с телефонным шнуром. Налево заваливалась родительская комната и гостиная одновременно. В ней существовали остатки тёмно-коричневой «стенки» (толстый шкаф с одеждой, стеллаж с книгами, полки с музыкальным центром и всячиной), волнистый от прогнутости диван-кровать, широкий пустырь телевизора, под которым мигали электронные часы. Окна под шторами заливал серый свет. Две батарейные трубы жались в углу, по ним нужно было бить, когда соседи снизу слишком громко веселились или ругались.

Коридор заканчивался узкими дверцами туалета и ванной. Там, где среди полотенец и тряпок бросили ремонт, Катя тайно мечтала сама разрисовать оставшиеся бетонные стены. Слева от санитарной пары (это бабушка их так называла) пространство зажёвывала кухня со столом, дребезжащим холодильником, страшной плитой, свисающими шкафами, неубранной раскладушкой, мешком картошки, мешком лука и баночными закрутками по углам.

Справа затаилась Катина комната. В ней как убитый спал диван под постельным бельём. Стол с облупившейся глазурью, невидимой под Катиными тетрадями, учебниками, карандашами, красками и рисовальными альбомами. Он часто побаивался, что на него повалится полка с книжками. Так Кате казалось. Стул и кресло задыхались от наваленной на них одежды. У Кати тоже был шкаф, но ей не нравилось в него лазить. Повешенные там вещи и комки одежды на полках то и дело пытались вылезти наружу.

Самым важным и интересным тут, конечно, были заливные пятна на потолке, и Катя всегда радовалась, что до её комнаты так и не дополз ремонт.

Катя не знала, как занять себя до вечера. Ужас предстоящего начал гоняться за ней. Она быстро бродила по комнатам, покачиваясь, как медведь или папа. «Катя катится-колошматится» — не выговаривалось, начала было «Катя вывязывает и довязывает», но тут же вспомнила о ненужности теперь этой фразы. Наткнулась на мигающие часы. До маминого вечера оставалось восемь с половиной часов, до папиного — десять с половиной. Это если всё опять не перепутается, как вчера. Понятно, что вечером будет плохо, но не как «Катя катится-колошматится». А случится что-то огромное плохое, как конец света (про него рассказывала Вероника Евгеньевна), и оно будет таким плохим, какое плохое Катя никогда не испытывала в своей жизни. Ужас резал глаза, вцеп-

лялся в горло, барабанил по вискам и по животу. Невыросшая сделала четыре с половиной круга по квартире. У неё целых восемь с половиной часов. Можно сходить погулять и покататься с горки. Можно посмотреть телевизор. Можно почитать книжку. Можно поиграть в заливные пятна.

Катя прибежала в свою комнату, завалилась на пол и принялась глядеть вверх. Но пятна будто застыли на месте и отказывались двигаться и складываться. Катя стащила с себя тапок, кинула в потолок. Дурацкие подтёки даже не думали играть. Катя вскочила и снова поплелась по квартире, похрамывая в одном тапке. Села на краешек дивана, смотря прямо в пасть телевизору, пригнала его пультом и принялась носиться по каналам. Там готовили суп, показывали недавно родившихся невыросших, пели в блёстках, дрались на шпагах, вращали руками вокруг солнц и городов, носили трупы в мешках, сидели за столом с президентом, подглядывали за тиграми, снова готовили, но какие-то макароны. Солнце ударило из

окна и залило светом экран. Катя пыталась сконцентрироваться на движущихся картинках. Часы промигали без пятнадцати одиннадцать. Прошло всего лишь сорок пять минут с тех пор, как она вернулась. Страх подсел рядом и стиснул Катю в объятиях.

Она вырвалась, вскочила, понеслась на кухню и закрыла там дверь. Страх заглядывал через матовое стекло. И почему папе захотелось сделать именно такие двери? Страху было всё равно, он жидкий, он пополз между полом и деревянной доской. Катя попятилась к окну, на солнце. Вдруг в коридоре затретькал телефон. Катя провела рукой по колоннам. Телефон третькал и третькал. Страх оглянулся, Катя распахнула дверь, пробежалась по его макушке и остановилась за метр от источника третьканья. А вдруг это мама? Хотя нет, как же мама, если Катя должна быть ещё в школе. Или мама позвонила в учительскую и как-то узнала, что Катя ушла. Телефон подпрыгивал, Катину бестапочную пятку защекотало, она оглянулась, увидела напоззающий страх и схватила трубку.

— Здравствуйте! А Екатерину Александровну можно услышать? — это спросил спешащий выросший голос мужского рода.

Катя ответила, что ошиблись, страх пополз вверх по её ноге, она бросила трубку, убежала обратно на кухню и снова закрыла дверь.

Сахаринки кололи локти. Екатериной Александровной будут звать Катю, когда она вырастет. Вот! Нужно думать как выросшая. Как мама и папа. Вот сейчас как будто она сама себе выросшая. Как мама себе и папа себе. Катя сидела за столом и представляла себя выросшую. Как она сидит напротив себя — выросшая. Такая же красивая, разумеется, как мама, только с серыми волосами. Страх вполз уже в кухню, но затоптался у двери, он всегда опасался мыслей о будущем. Допустим, она сумеет перетерпеть самое плохое, то есть сегодняшний вечер. Даже школу на Савушкина все семь или сколько-то там лет. Где будет примерно то же самое каждый день. Своя математика, своё вязание, своя Вероника Ев-

геньевна, собственный Сомов, собственные стихи и столбики. Мама и папа будут стыдиться, стесняться. Все невыросшие из прежнего класса при встрече в лилипутском городе станут кричать: «Ну что, дебилка?!» А с Ларой всё понятно — она не захочет с Катей видеться. И каждый день дневник будет проверять папа и находить там двойку или кол. «Катя катится-колошматится!» каждый день. Потому что в школе на Савушкина Кате станет совсем плохо, и она не сможет учиться вовсе. А главное, после школы для отстающих нельзя поступить в институт, а потом нельзя работать. То есть никогда Катя не сумеет делать так, как ей захочется. Например, купить дорогой (в две зарплаты) телефон или собственный компьютер, жить одной, ездить в гулливерский город или куда-нибудь ещё, как Лара. То есть она навсегда останется в своей комнате. Будущее катится-колошматится. Каждый день. Страх двинулся на Катю.

Нет, а вдруг... повезёт — родители уговорят Веронику Евгеньевну не перево-

дить её, ну, или в школе на Савушкина нет мест? Страх остановился. Катя останется в своём классе. И каждый день ещё семь лет — Сомов с компанией, Лара на другой парте, Вероника Евгеньевна распадётся на десять разных Вероник Евгеньевн, математика разделится на кучу монстров-предметов вроде геометрии (Катя слышала про неё). И каждый день дневник будет показывать родителям двойку или кол. «Катя катится-колошматится!» каждый день. Потому что Кате не справиться ни с одной новой Вероникой Евгеньевной или с новой математикой. Будущее катится-колошматится. Каждый день. Страх уже подошёл близко и морозно дышал на щиколотки. Вдруг Катя на краешке отчаяния нащупала ответ. Будущее нужно отменить. Сделать так, чтобы оно не катилось, не колошматилось — не наступало вовсе.

Катя вскочила с табуретки. Страх не понял и застыл на месте. Она сбегала в свою комнату, надела на голую ногу тапок. Катя вернулась на кухню, страх залез в мешок

картошки. Достала нож в ящике стола, оглядела его с разных сторон, попиликала им легко по запястью, как скрипач по скрипке. Подумала, подошла к холодильнику прямо с ножом. Открыла дверцу, из нутра пахло порченным. Катя выудила из холодильниковых кишков сыр, развернула с трудом одной рукой прозрачную упаковку, на весу отрезала кусок и положила в рот, прожевала. Потом ещё один и ещё три. Холодильник почему-то не возмущался своей распахнутости. Катя запихнула сыр обратно, закрыла дверцу, отнесла нож на дно раковины. Подтащила табурет к кухонной мебели, забралась на него и открыла навесной шкафчик. Тут валялись залежи лекарств, таблеток, тюбиков, спреев и мазей. Мама часто болела из-за того, что сменила климат, и сильно уставала. От головы, от горла, от живота, от насморка, от кашля, от-чего-не-ясно. Катя ничего не понимала в лекарствах и не знала, от каких именно ждать нужного результата. Поперебирала серебристые пластинки, послушала издаваемую ими музыку. Слезла

с табуретки, села на неё, начала задумываться и вдруг увидела плиту.

Катя пододвинула табурет к столу. Сбежала в туалет, тщательно несколько раз спустила воду (папа часто кричал на неё за то, что она забывала смывать). Возвратилась на кухню, оттащила от стены сложенную прямо с постельным бельём раскладушку. Разложила её и подвинула, тяжело дыша, прямо к плите. Потом поснимала с плиты кастрюлю, сковородку, чайник и по очереди отнесла их на стол. Открыла все газовые конфорки, не поднося к ним горящей спички. На кухне как будто зашипели сразу четыре змеи. Солнце из окна ткнуло Катю в голову.

«Свети сколько влезет», — это подумала Катя, залезла на раскладушку, накрылась одеялом и сбросила сначала один, потом второй тапок.

Потом приподнялась, протянула руку и со скрипом раскрыла полностью дверцу духовки. В кухне зашипела пятая и самая толстая змея. Катя закрыла глаза. Самая тоненькая газовая змея от самой маленькой

конфетки, на которой мама по выходным варила кофе, пробралась в мешок картошки и задушила страх. Катя улыбнулась и сразу заснула, не от газа, но от усталости после бессонно-вязательной ночи. Ей моментально приснилось, что они с Ларой в вязанных Катей варежках (на каждой правой — неприкрытый большой палец) играют в хорошие, нехолодные и неболезненные снежки.

Газовые змеи ползали между тем по кухне, забирались в дальние углы, облизывали стол, сковородки, табуреты, шторы, ручку холодильника, стёкла и возвращались к Кате. Посидели по очереди у неё на груди, потрепали её по щекам. Тоненькая кофейная полезла ей в левую ноздрю. Ещё одна, потолще, — в правую. Катя открыла во сне рот, и туда полезла та, что была от суповой конфетки. Снежки в их с Ларой руках превратились в хлопковую вату. Мир стал стремительно слипаться, сворачиваться и исчезать кусками. Катя тяжело дышала, сопя почти как выросшая. Солнце настырно било лучами по её лицу, но без какого-либо результата.

Послышался хриплый и дребезжащий кашель. Он становился всё чаще и громче. Заскрипело. Одним боком от стены отодвинулась плита, и дверца духовки упёрлась в Катин лоб. Из-за плиты вылезло, сердито покашливая, низенькое созданыице в цветных тряпках. Оно походило на помесь старушки и трёхлетнего ребёнка и носило что-то вроде платка на голове и что-то вроде платья с нацепленными на него предметами. Ноги у созданыица были в виде куриной когтистой лапы, а руки — вроде человеческих — старушечьих с длинными извилистыми ногтями. Морда у созданыица получалась совершенно неясная — будто набор кожных тряпочек. Нос её был кручён спиралью, человечесьи глаза желтели и обрамлялись длинными рыжими пучками ресниц.

Увидев Катю на раскладушке, созданыице прекратило кашлять. Огляделось, когтистой рукой принялось крутить конфорки и покашливать, пока не завернуло все их в изначальное положение. Потом созданыице подошло к Кате, схватило её лапой за

ГЛАВА ПЯТАЯ

правую ногу и с неожиданной силой развернуло её на раскладушке так, что голова невыросшей оказалась там, где раньше были её ноги. Полустарушка-полурребёнок проделала такое ещё пару-тройку раз, при этом радостно подкудахтывая и подхихикивая. Катя переворачивалась туда-сюда, как тряпичная кукла. Когда созданыце наигралось, то приблизило свою морду к Кате, обнюхало её лицо, схватило вдруг за обе ступни, потянуло так, что раскладушка завалилась и тело невыросшей плюхнулось на пол. Созданыце освободило левую лапу, почесало свое выпирающее брюшко, снова кашлянуло, потом крепко взяло Катю за обе ноги и потащило из кухни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Катя проснулась от лёгонькой щекотки под мышками. Мама выдумала чудной способ будения. Лучше бы целовала, как раньше. Ещё странно, что так морозно, будто кто-то открыл окно на ночь или оно вовсе выпало из рамы. Перед глазами торчали сцепленные деревянные дощечки разных цветов. Катя приподнялась и присела, увидела за радужными дощечками алюминиевые полозья и распознала свои совсем ещё невыросшие

санки. Сейчас она на них не помещалась. Справа от санок в мутной болотной воде плавали тела огурцов. Сверху в глаза лило лучи солнце. Катя зажмурилась. В лицо дунул ледяной ветер. Она открыла глаза — рядом белыми мухами роились тощие снежинки.

Катя повернула голову и увидела прямо перед собой старушку с закруткой вместо носа. На мелкие голову и тельце были намотаны разноцветные тряпки. Под ними просматривалась иссиня-жёлтая кожица. Созданыце то ли улыбнулось, то ли оскалилось, и Катя подумала, что это не старуха, а ребёнок — потому что так кровожадно-ласково улыбались только дошкольные невыросшие, не знающие ещё классов. Не просто ребёнок, а состаренная помесь невыросшего человека, цыплёнка и рыбьего малька, потому что у созданыца были собачий провал рта и птичий острый язык, длинные беличьи ресницы, щучьи зубы и когтистые куриные лапы, которые торчали из-под нагромождения тряпок.

Старуха-ребёнок сидела на банке с закрученными груздями. Она оскалилась ещё шире, протянула курино-старушечью руку с острыми ногтями, наклонилась и пощекотала Катину подмышку. От созданыца пахнуло пылью и грибами. Катя ударила морщинистую лапу. Та была тёплая и шершавая. Старушка-ребёнок шлёпнула невыросшую по ладони в ответ. Катя огляделась — они сидели на лоджии среди развалов баночных разносолов, лыж и пустых цветочных горшков. Из висевшего прямо над ними окна извергался морозный воздух.

— Ты кто такая?! Ты что делаешь в нашей квартире? — это Катя принялась кричать на созданыце.

Невыросшей стало очень обидно, что она так здорово всё придумала, а теперь всё стало неправильно: она снова тут, в своей квартире. И отчего-то на лоджии у санок, а не на кухне у плиты. И эта странность в тряпках почему-то посмеивается и щекочется. Вдруг Катя разглядела среди навешенных на созданыце предметов часть сво-

его телефона. Кнопок не было, экрана тоже. Одна только верхняя крышечка, привязанная через кнопочные отверстия с помощью тонких тряпочек к нательной материи, в которой Катя вдруг распознала... мамин пропавший шарф. Он был два или три раза намотан вокруг тельца.

— Эй, это же мамино, отдай! — это Катя потянула к создательнице руку.

Невыросшая старушка несильно отпихнула её. Катя разозлилась и стукнула создательнице в брюхо, одновременно пытаясь схватить её за мамин шарф.

— Мой телефон?! Где его остатки? — прокричала Катя.

Создательнице вытянуло морду вперёд, зашипело и теперь уже больно толкнуло Катю в локоть, поцарапав его когтями.

— Ай! — взвыла Катя.

Тряпичная вскочила на курьи лапы и ловко убежала в тепло. Катя задумалась. Одно дело змея в заводской трубе, или заливные пятна, или ползающий по квартире страх... А тут — такое... прямо на ощупь.

Невыросшая старушка была настоящей: она пахла, теплела, дралась, царапалась, шипела, носила выпирающий живот. Может, это ба-рабашка? (Про них рассказывала Вероника Евгеньевна.) Захотелось до чесотки в горле выболтать всё Ларе. Катя решила вдруг немедленно позвонить со своего домашнего на Ларин мобильный. Попытаться быстро помириться и позвать её сюда, показать вот эту страннятину. Может, они вместе смогут поймать кручёноносую и отнять у неё шарф и телефон. Лара ещё принесёт что-нибудь дорогое и вкусное к чаю, и всё пойдёт как прежде. Вдруг Катя вспомнила про плиту, поднялась на ноги и, спотыкаясь, поспешила на кухню.

Там всё ещё пахло газом, но конфорки сидели в своём обычном, безопасном положении. Невыросшей старухи тут не было. Возле плиты пьяно валялась на боку раскладушка. Матрас и бельё слезли с неё на пол. Если звать Лару, надо обратиться. Катя закрыла духовку, подняла раскладушку, втащила на неё матрас и бельё. Подумала, сложила

в полуфабрикатное положение и оттащила её к стене. Повернула ручку окна для проветривания. Села на табурет, чтобы чуточку перевести дух. Голова болела, как от математики.

В Катиной комнате тряпичной тоже не нашлось. Ванна с туалетом пустовали. Зато в родительской спальне создательнице сидело на высоком одёжном шкафу, дрыгало куриными лапами и возилось с длинными серыми тряпочками. Здесь оставалось наморожено, но ход на лоджию был закрыт. Старушка-птица курочила серые ленты в когтистых руках и поскрипывала ртом. Катя вслушалась.

— Ки-ки-ки! Ки-ки-ки! — это такой звук издавало создательнице, и Катя поняла, кто перед ней.

В прошлом году летом Катю сослали в лагерь на море. Почему выросшие думали, что невыросшие любят лагерь, она не знала. Но некоторые и правда любили. Как и школу, например. Самым страшным в лагерной

жизни Катя считала кишение людей. В основном невыросших. От них нельзя было скрыться. Нельзя уйти домой и посидеть одной несколько часов до вечера. Даже ночью нельзя спокойно лежать, играть с потолком или просто думать. Вокруг шептались, сопели, вертелись, пускали газы, хихикали невыросшие. Спали по восемь штук в комнате на кроватях с железными пружинами. Ходить в столовую, на море и даже в туалет можно было только строем. В туалет поодиночке отпускали только по отпрашиванию. Даже в море забегали только отрядом по свистку. То есть в лагере совсем нельзя жить по-выросшему — ходить одному и куда вздумается.

В туалетах зияли дыры в запачканном полу без сливов и перегородок. Катя удивлялась, как многие невыросшие не стеснялись перед остальными и не задыхались сидеть тут дольше минуты. По отверстиям, полу, стенам и потолку ползали специальные южнотуалетные слизни и оставляли за собой влажные следы. Фрукты — главную

гордость юга — раздавали в столовой только зелёные и твёрдые, не похожие вяжущей безвкусицей на те, что продавали в магазинах и на рынке дома. Эти местные плоды долго потом крутили живот и вынуждали чаще отпрашиваться к слизням.

Еды всегда не хватало, все без исключения набирали хлеб в столовой и сушили его в тумбочках. Невыросшие побогаче меняли карманные деньги на чипсы и шоколадки в магазине при соседнем санатории. Некоторые отдавали эту вкусную еду безденежным невыросшим за всякие услуги. Например, одна девочка показывала себя между ног за среднюю пачку чипсов с беконом или за клубничную шоколадку. Смотрели четверо невыросших: трое мужского и одна женского пола. Поодиночке или все вместе. Если вместе, то вкусной еды получалось сразу много. С этой показывающей невыросшей Катя начинала дружить в автобусе, который вёз их до поезда. Она немного походила внешне на Лару. А потом они наговорились, и девочка перестала с Катей об-

щаться. Та почти не обиделась и не переживала. А потом Кате рассказали про показывания. Обычно они происходили за туалетом после полдника.

Однажды ночью Катя слышала, как показывающая тихонько плакала ночью под одеялом. А днём вела себя обычной прежнего. На отложенные деньги Катя купила чипсы с беконом, клубничную шоколадку и маленькую пачку обжаренного в сахаре арахиса и отнесла всё это девочке, чтобы та перестала себя показывать. Но девочка только больно ударила Катю по руке. Все драгоценности попадали на горячий асфальт. После полдника в этот день состоялось очередное показывание.

Вскоре главарь смотрящих просто подошёл к Кате и сказал, что они поймут её и заставят проделывать то же самое, что и показывающая, только не за вознаграждение. Катя страшно возмутилась и обиделась, что показывающая пожаловалась на неё. С этого дня Катя провалилась в липкий и мерзкий страх. Перестала отпрашивать-

ся одна в туалет и ходила туда совсем редко, почти не спала по ночам и заставляла себя постоянно болтаться в лагерной взвеси людей, чтобы не попасться в руки смотрящих.

Катя слышала, что сначала лагеря придумали для наказания людей, выросших и невыросших. А потом всё перепуталось в головах, и хорошее стали считать плохим, а плохое — очень хорошим. Наказание, например, называли трудом или даже отдыхом.

Живот ныл и ёрзал в теле почти постоянно. Катю тошнило. Комната с заливными пятнами находилась в 1300 километрах от неё.

— Не придумывай! — это мама отвечала Кате, когда та по телефону просила забрать её из лагеря. — Ты просто не знаешь, как тяжело папа добывал эту путёвку. Ешь фрукты, купайся, дружи с ребятами!

В лагере случилось только одно хорошее событие — Катя встретила Ольгу Митиевну. Эта выросшая рассказывала невыросшим про историю искусств. Все занятия в лагере

проходили в огромном шалаше-беседке. Посещение всех их было обязательным, кроме истории искусств. Пению учила крупная мускулистая выросшая с мощным аккордеоном. Танцы преподавала коротконогая выросшая, которая, мокрея от жары и усердия, перекрывала долбящую уши музыку: «Повторяй за мной! За мной! За мной!»

Ольга Митиевна носила джинсы, широкую рубашку, сшитую будто из цветочного поля, длинные и прямые русые волосы. На шею она вешала всегда разные ожерелья из старых монет. Один невыросший из Катиного отряда с вечными подтёками грязи вокруг рта говорил мечтающе: «Дорогие, небось!» Из-за монет приближение Ольги Митиевны слышалось до её появления. Она не красила лицо и не надевала каблуки, как другие лагерные выросшие женского рода.

На первом занятии Катя по привычке сразу выключилась, чтобы пропустить потоп новых ненужных знаний. В лагере, к счастью, обходились без оценок и дневников. По чуть-чуть, маленькими крючочками

смыслов, позвякиванием слов, поблёскиванием звуков, уголками сюжетов Катино сознание захватили рассказы Ольги Митиевны. Впервые в жизни Кате стало интересно слушать. Никогда раньше урок не протекал так быстро и ласково. Ольга Митиевна говорила о наскальных рисунках, комиксах, древних греках, славянской вязи, первом на свете записанном тексте, Ёжике в тумане и всяких других вещах. Некоторые невыросшие равнодушно слушали её, а другие — раскрыв рот, как Катя. Ольга Митиевна говорила о муми-троллях, Тараканище, Гулливере, Гарри Поттере, Маугли. Больше всего Катя полюбила Гулливера за его свободный образ жизни. Она решила, что, когда станет взрослой, тоже поедет путешествовать куда угодно.

Ольга Митиевна училась в гулливерском городе на писателя. В лагерь она привезла свою дочку — на два года младше Кати. Дочка легко и безболезненно носила имя Саломея и сидела на занятиях, тихо рисуя в стороне. «Мать-одиночка», — это про-

изнес один лысеющий выросший из жоженных, когда увидел Ольгу Митиевну с дочкой в столовой. Катя не поняла, что именно это значило для лысеющего — хорошо или плохо, но для себя решила, что это отлично — так как это означало, что у Ольги Митиевны нет мужа, а у Саломеи — отца. Значит, дома тихо, чисто, не страшно и компьютер без пароля. Телевизора, как удивила учительница всех на первом занятии, у них не было. Это означало, что без папиной зарплаты Ольга Митиевна с Саломеей совсем бедные, но свобода, решила Катя, важнее.

Ольга Митиевна на второй встрече задала необязательное сочинение на любую тему. Катя с трудом обычно выполняла необходимые школьные задания и никогда бы не стала делать ничего необязательного. Но тут она решила выделиться из толпы загоревших однолагерников и очень понравиться Ольге Митиевне. За банку колы и два куска затвердевшего серого хлеба Катя выручила три разлинованных листа А4 и написала про свой потолок с заливными

пятнами. Ольга Митиевна полюбила текст и прочла его всем пришедшим невыросшим. Никогда ещё Катина работа не была так высоко оценена. К третьему занятию появился текст про змею из городской трубы, а к четвёртому — рассказ о застревании в лифте и лицах людей с дырами из-за солнца. Бумагу для писания теперь давала сама Ольга Митиевна. Сочинения нравились ей всё сильнее и сильнее. Катя переменялась, сделалась выше ростом, спокойней для самой себя, в животе перестал крутиться барабан от стиральной машины, попятились все старые и новые страхи (Катя даже сходила одна в туалет ночью). Она легко стала выдерживать отупляющие линейки, хоровое пение под аккордеон и бессмысленное дрыганье под музыку. Она даже забыла про смотрящих. Лагерь растерял свою непереносимость.

Для следующего занятия Катя готовила историю бродячих собак своего города, но вдруг Ольгу Митиевну уволили. Они с дочкой должны были стремительно, в один день, покинуть лагерь из-за причины, кото-

рую все сразу посчитали ужасно позорной. Главварь смотрящих донёс прямо директору лагеря, что Ольга Митиевна читала невыросшим книги английского писателя-извращенца, которого даже в Англии посадили за его извращения в тюрьму. Официальной причиной объявили то, что преподавательница на своих занятиях не следовала стандартной программе истории искусств. Перед отъездом Ольга Митиевна подошла к Кате, попросила не принимать близко к сердцу поступки дурных людей, продолжать дальше с текстами и обязательно отправлять ей их на электронную почту. Листок с адресом украли через два дня прямо из палаты вместе с кошельком. Но Катя запомнила его наизусть.

Оставшиеся одиннадцать лагерных дней получились совсем плохими. Когда поезд вёз Катю на второй полке домой, она глядела в исцарапанный и наседающий на лицо потолок. Среди потолочных, часто матных надписей она увидела фразу: «Кажется, это был я!» — и вдруг осознала, что главварь смотрящих устроил увольнение Ольги Ми-

тивны из-за Кати. Она расплакалась так, что слёзы стали падать на спящую показывающую. По больному совпадению ей досталась койка под Катей. Та не проснулась, потому что выпила алкоголь со смотрящими прямо в промежутке между вагонами. Катя решила, что никогда ничего важного не напишет больше, в том числе письма Ольге Митиевне. Во-первых, стыдно перед ней, во-вторых, вдруг родители узнают, по какой неприличной причине уволили учительницу, с которой их невыросшая переписывается.

После лагерного опыта Катя принялась учиться ещё хуже и ещё реже ждать хорошего от выросших и невыросших. Но благодаря Ольге Митиевне Катя сделала открытие, что интерес и надежду можно выдрать из книг. Катя начала чуть-чуть читать и радоваться муми-троллям, Гулливеру, Пеппи, встречая книги с ними внутри.

Среди океана интересностей, который показала Ольга Митиевна невыросшим на занятиях, были персонажи из русских ска-

зок: черти, домовые, лешие, русалки, банные и болотные анчутки, а также кикиморы. Раньше Кате они казались придуманными персонажами старых мультиков. А у Ольги Митиёвны они получались настоящими и живыми. Она рассказывала про то, как выглядит каждое существо, чем оно занимается и какие у него пристрастия и привычки. Катя растеряла из головы почти все подробности, но точно помнила, что кикиморы (не болотные, а домашние) сидят на возвышенностях вроде заборов и глупо кричат: «Ки-ки-ки, ки-ки-ки!» Ещё — тащила Катя из тумана памяти — они чешут брюхо и запутывают всю пряжу в хозяйском доме. Ещё... Катя вдруг остановилась. Ей сделалось понятным всё произошедшее.

Катя задрала голову и подошла близко к шкафу. Серые удлинённые тряпочки оказались папиными галстуками, которые Кикимора один за другим развязывала из офисных узлов когтистыми лапами. Сейчас создательнице закончило с последним, притянуло к себе заднюю левую лапу, почесало её и при-

нялось запутывать один большой колтун из набора расплетённых галстуков.

Катино лицо сморщилось и за несколько секунд постарело от страшного, большого гнева. Она убежала в ванную и нашла там швабру. Кикимору так сильно увлекли галстуки, что она не обратила внимания на вернувшуюся Катю. В следующий миг толстая пластиковая палка огрела созданыце по плечу и лапам. Оно подпрыгнуло, заверещало, швырнуло в Катю клубок галстуков и скатилось на пол. Невыросшая снова занесла палку, Кикимора зашипела и выбежала из комнаты. Катя кинулась за ней и заметила, как мамин шарф вильнул в кухонном проёме.

На кухне было тихо и морозно. Созданыце не показывалось. Катя заглянула в пыльный пролёт за холодильником, плитой и тремя кухонными шкафами — Кикимора пряталась не там. Катя открыла дребезжащий холодильник, оттуда в нос ударил несвежий запах. Созданыце бы тут не поместилось. Катя резко открыла дверцу навесной

полки с крупами — Кикиморы не нашлось и там. Заглянула на следующую полку — с таблетками, поворошила палкой серебряные упаковки — тоже мимо. Катя распахнула дверцу нижнего шкафа, встала на колени, засунула туда голову, осмотрелась, наклонила самую большую кастрюлю — и в той было пусто. Пооткрывала один за другим — сверху вниз — набитые под завязку всякой всячиной ящики. Вспомнила, распахнула широкие, как ворота, дверцы отделения под мойкой. Смрадный запах схватил Катю за ноздри. Она потыкала шваброй наполовину заполненное помойное ведро, поворошила ей же химические бутылочки и толпящиеся тут же литровые банки с соленьями. Для того чтобы их делать, мама с папой каждый год брали отпуск.

Катя стояла посреди кухни со шваброй и вертела головой. Поняла, что зачоченели ноги, выудила один тапок из-под стола, другой нашла полузапиханным в проём между плитой и тумбой. Обулась, отправилась искать Кикимору дальше, но вдруг раз-

вернулась, быстро подошла к плите и дёрнула дверцу духовки. Клубок разноцветных тряпок тут же выкатился наружу по открытой дверце. Кикимора плюхнулась на пол, вскочила на лапы и мелкими шажками понеслась из кухни.

— Я тебя убью! — это крикнула Катя и кинулась за невыросшей старушкой.

Созданыце завернуло в ванную. Катя врубила свет, забежала следом и увидела, как Кикимора, сидя на бельевых верёвках, пытается отковырять решётку дыхательной дыры под потолком (на кухне такая же была загорожена нашкафными соленьями). Невыросшая заехала палкой созданыцу по спине. Оно зашипело и принялось скакать по палке душевой шторы, уворачиваясь от швабры. Катя не способна была творить два дела сразу одновременно, но если бы могла, то приговаривала бы: «За волосяные колтуны! За крупы! За переворачивания! За посудного снеговика! За мамин шарф! За мой телефон! За каждую мою варежку! За школу на улице Савушкина!»

Штора обвалилась, созданыце вместе с ней упало на кафель и дальше кошкой выпрыгнуло из ванной. Невыросшая следовала за Кикиморой по пятам. Та приковывляла в Катину комнату и — по столу, потом по книжной полке — взобралась на высокий шкаф, застыла там, тяжело дыша и моргая на преследовательницу своими длиннющими рыжими ресницами. Катя покосилась на стул: его можно было раздеть от всей накиданной одежды, поставить к шкафу и забраться на него с палкой. Кикимора прищурилась и, выслеживая Катин взгляд, покосилась на стул. Потом заглянула вниз и заметила огромный, прямоугольный предмет и сбросила его невыросшей на голову. Катя с трудом увернулась. Альбом с фотографиями раскрылся на родительской свадьбе, где папа и мама менялись кольцами. Катя засмотрелась на то, какая мама была красивая, подняла голову и встретила лицом ещё один фотоальбом поменьше.

— Хэ-хэ-хи! — это посмеивалась над ней Кикимора.

Катя шагнула в сторону, на неё упал новый набор фотографий. Она снова сделала шаг, споткнулась о самый большой альбом и растянулась на полу. Швабра завалилась рядом. Кикимора залилась хриплым, беспольным смехом, держась за своё брюшко. Катя не вставала. Созданыце посмеялось ещё какое-то время, потом замолкло. Катя не вставала. Кикимора пододвинулась ближе к краю шкафа. Вгляделась в невыросшую. Плечи Кати принялись трястись, она захлопала носом, поднялась. Дотрагиваясь то до своей левой ноги, то до головы — стукнутых мест, Катя не оглянулась на созданыце и похромала до своего дивана. Залезла прямо в одежде под одеяло и вытянулась солдатиком. Пятна на потолке никак не сдвигались. Катя жалобно заплакала. Слезы постояли в болотце глаз, потом полились на подушку. Проползло какое-то время. Катя ныла, Кикимора сидела на шкафу. Она скоро заскучала, почесала закрученный нос, выпирающее брюхо, промежутки между пальцами на нижних лапах. Потом

нашла на шкафу пыльного медведя и принялась его дербанить.

Вдруг Катя заговорила, запричитала, что она поняла, что её никто не любит и не хочет слушать, и понимать, и помогать. Что Катя любит маму, а мама любит её не так, как нужно. Что Катя любит Лару, а Лара не любит её совсем. Что Катя чуточку любит папу (может быть, потому, что знает его со своего рождения), а он, кажется, её и вовсе ненавидит, ну как Сомов или Вероника Евгеньевна. Что Катя любила бабушку, потому что та учила её играть в бадминтон, а бабушка любила Катю (не считая яблочного пюре и молочного супа). Но бабушка умерла. Катя насобираала всё, что было плохого или важного в жизни. А плохое и важное — это одна неделимая, сплошная, липкая каша. Кикимора отложила медведя, расправляла теперь тряпочки на тельце и вертела вытянутыми ушами. Катя вспомнила застрявший лифт, спущенные штаны Курина, туалеты в лагере, изгнание Ольги Митиевны, отряд смотрящих, тучу Пушкина, всю Веронику Ев-

геньевну, столбики в математике и стихах, бешено кричащую Лару, танцующую-с-Сомовым Лару, крики-и-удары, крики-и-удары. Катя катится-колошматится. А главное, её ва-режки, разрушенные дурацкой Кикиморой, которую никто не звал. Созданице моргало со шкафа. Старайся, не старайся, всё равно получишь, получается, школу на Савушки-на. Катя совсем зарыдала. И зачем она толь-ко снова проснулась. Теперь придется жить, в том числе сегодняшним вечером.

Подушка, край одеяла и простыня стали мокрыми из-за Кати. Кикимора слезала спи-ной, держась передними лапами за край шка-фа. Когтистыми цыпочками она встала на книгу про Гулливера, покаяв её корешки. С полки Кикимора расторопно сползла на стол и оставила два грязных птичьих следа на Катиной тетрадке. Спустилась со стола на стул вперёд лапами и спрыгнула оттуда на скрипучий линолеумный пол. Катя перевер-нула подушку сухой стороной и снова уткну-лась плакать. Кикимора осмотрелась и вни-мательно повела загнутым носом. Выудила

из Катиного рюкзака, безжизненно лежащего под столом, морщинистый пакет с вязанием. Подошла к подоконнику, привстала на когти и нащупала старушечьей рукой крючок.

От плача у Кати разболелась голова. Слезы закончились, и теперь оставалось только лежать и ждать вечера. Диван в ногах скрипнул, прогнулся вниз, будто его принялась затягивать разрастающаяся воронка. Послышалось хриплое дыхание. Диван снова проскрипел и подтянулся. Катя привстала и увидела Кикимору, сидящую на краю.

— Уходи отсюда! — Катя лягнулась.

Кикимора проигнорировала Катин ляг, а наоборот, пошла по обрыву кровати, вдоль невыросшей. На правой лапе болтался пакет с бывшими варежками. Созданию остановилось на уровне Катиных боков, принялось рассаживаться. Катя подобрала ноги под одеялом и нахохлилась как воробей. Кикимора положила пакет на перестиранный пододеяльник и потянулась к Кате когтистыми лапами. Невыросшая отпрянула.

— Агу-агу-уга, — это проскрипела Кикимора, покачав головой и изобразив когтистыми пальцами что-то вроде погремушки.

— Чего надо? — это невыросшим басом потребовала Катя.

— Цы-цы-цы, — успокаивающе процыкало созданыще, осторожно взялось старушечьими руками за тонкие Катины запястья и установило её ладони в воздухе на небольшом расстоянии друг от друга. Выглядело это так, будто Катя немного сдавалась.

Невыросшая решила тут же сложить руки в удобное положение и самой улечься обратно, но Кикиморахватила её снова за запястья и подняла их. Пришлось остаться в такой глупой позе. Созданыще зашуршало белым пакетом, и оттуда вывалился утренний Катин кошмар — крупный ниточный колтун.

Кикимора потянула за красный хвостик, вытащила довольно длинный кусок шерсти и быстро обмотала его в полтора оборота вокруг Катиных ладоней.

Кикимора принялась дальше быстро вытягивать нитку из тела колтуна и наматы-

вать на руки невыросшей. Если созданыицу попадалась мошка ниточного узла, она поптичьи наклоняла голову, подносила путаницу к своим жёлтым глазам и когтями, а иногда зубами распутывала проблему. Она и Катя сидели на диване сутулые, сложив ноги кривенькими лотосами.

Движения Кикиморы становились быстрее. Пряжа, связывающая Катины руки, толстела, а ниточный колтун худел. Невыросшей стало скучно и неудобно так держать руки. Чтобы отвлечься, Катя принялась разглядывать созданыице, пока то работало. Самым удивительным в нём был завинченный, как утолщённый свиной хвостик, нос. К птичьим нижним лапам с тремя выпирающими когтистыми пальцами Катя сразу привыкла — мама покупала на праздники целые тела куриц. В наряде Кикиморы, кроме кнопочной крышки от своего телефона, Катя разглядела привязанные к тряпкам и обрезкам: маленькую лампочку для холодильника, мамины часы с синим кожаменительным ремешком, две ручки с надписью, пластико-

вая нога куклы Барби, папина железная расчёска, мамины капли для носа (ещё наполненные), несколько серебристых крышечек (от бутылок), многочисленные носки (одинокие, беспарные), крючки для рыб, пимпочки от консервных банок, носовые платки и банановые наклейки. Какие-то предметы прятались ещё под складками и наслоениями тряпок — Катя не могла их рассмотреть.

Кикимора остановилась. Ниточный колтун исчез из её лап, весь перетёк в красивые, ровные шерстяные пряди в Катиных руках. Невыросшая опустила руки — они больно затекли.

«Я теперь как ниточная катушка. Катя катится-колошматится», — подумала она, стараясь не мотать руками, чтобы не запутать снова пряжу.

Созданыце вытянуло нитку, протянуло её по высоте Катиной ладони, зажало в щепотку у указательного пальца, нагнулось — перекусило острыми зубами у запястья и отложило получившийся отрезок на

пододеяльник. Потом почесало себе голову поверх тряпок, полезло лапой в белый вязательный пакет и достало оттуда крючок. Он ярко вспыхнул на солнце. Обе — Катя и Кикимора — зажмурились четырьмя глазами от такого солнечного вмешательства. Катя загородила глаза руками-катушкой. Созданыце потянуло к невыросшей лапы и выправило её ладони. Потом взялось за хвост шерстяной пряжи и стало вязать, вытягивая нить с Катиных рук.

Поначалу Кикимора вязала медленно, а потом разогналась. В процесс ввязалось подпрыгивание: сделает созданыце пять петель и тут же подпрыгнет на месте всем телом. Когда Катя увидела это в первый раз, у неё открылся рот от удивления, и стало не до затёкших рук. Кикимора держала в лапах уже настоящий шерстяной браслет с ровными, как соты, рядами и совсем без узлов. Внезапно в Катины уши полилось хриплое бормотание, сначала тихое, но по чуть-чуть нарастающее. Кикиморская пасть открывалась и закрывалась, а птичий язык двигал-

ся. Катя развернулась к созданыцу правым ухом. Кикимора полупела-получитала.

Созданыце подпрыгивало, вязало и пело. Катя никогда бы не взялась за столько дел одновременно.

Курица со двора —
Калечина в ворота.
Заберется Малечина в гибкий плетень,
тоненько комариком песню заведет,
ждет...*

Кате захотелось улыбаться. Слова были совсем неясные, но смешные и мягкие, как игрушки.

«Не покличет ли кто Калечину погадать
о вечере?»

У Калечины одна — деревянная нога,
У Малечины одна — деревянная рука,
У Калечины-Малечины один глаз —
маленький, да удаленький.

* Здесь и далее, кроме стр. 209 и 211, цитируется стихотворение А.М. Ремизова «Калечина-Малечина».

— Калечина-Малечина,
сколько часов до вечера?

Это такое было стихотворение. Катя решила, что оно лучше Пушкина и «Катя катится-колошматится».

Скок Калечина-Малечина с плетня,
подберётся вся — прыг-прыг-прыг...

Кате стало вдруг совсем смешно, она прикусила губу и решила смеяться одними глазами.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7!

Да юрк в плетень. Пригорюнится,
тоненько комариком песенку ведет,
ждёт:

«Не покличет ли кто Калечину погадать
о вечере?»

Кикимора вязала, подпрыгивала, пела очень усердно и серьёзно. Катя моргнула, прыснула и принялась гоготать. Созданыце не обратило внимания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У Калечины семь братьов —
У Малечины семь ветров,
а восьмой неродной — вихорь битной —
миленький, да постыленький.

Калечина-Малечина,
сколько часов до вечера?

Кикиморские платкообразные тряпки на
голове чуть сбились, оттуда таращилась ры-
же-белая прядь. Катя смеялась, но продол-
жала держать руки-катушку.

Вечером врывается, крутит вихрь в лесу,
Вечером Калечине весело в виру.
Ночка по небу лучинки зажжёт,
Тёмная, тёмную нитку прядёт...

Курица в ворота
Калечина со двора.

Кикимора застыла, вернула крючок в белый
пакет, завязала настоящий, но красивый узел
и острыми зубами перегрызла нить, соеди-

нящую варежку с Катиными запястьями. Катя увидела в лапах у созданыца красивое шерстяное чудо, хотела до чесотки разглядеть его получше, но Кикимора быстро спрятала его в белый пакет. Невыросшая потянула руки вверх, чтобы размять их и спину — будто стремилась улететь, а оставшаяся ещё примерно половина ниток мешала ей сделать это. Кикимора задрала мелкую свою голову, Катя как раз опустила свою и увидела морщинистую шею созданыца с синими прожилками на иссиня-жёлтой коже. Кикимора тоже задрала лапы, то ли повторяя за невыросшей, то ли потянувшись за мотком шерсти. Катя снова задрала голову вверх, так они посидели с задранными вверх передними конечностями и головами, потом невыросшая вернула руки с мотком шерсти в прежнее положение, и Кикимора вновь взялась вязать.

Она снова подпрыгивала и пела. Катя старалась запомнить слова странной песни про Калечину-Малечину. Когда невыросшая вникла в слова про вечер, она снова всё

вспомнила и погрустнела. Кикимора тем временем закончила вязание, выбрав ровно столько ниток, сколько было в пакете. Даже на палец правой, на который Катя никак не закладывалась, хватило. Созданице спрятало вторую шерстяную штуку в белый пакет. Невыросшая опустила руки, разминая их и удивляясь, что даже к такой неудобности можно привыкнуть. Кикимора тоже помахала крупными старушечьими кистями и подёргала бугристыми пальцами. Катя тихонько потянулась к пакету и вытащила одну за другой вязанные драгоценности.

Теперь-то стало понятно, что всякие выпендрёжистые, расфуфыренные шерстяные или синтетические тряпочки, связанные невыросшими из класса, — не варежки вовсе. Катя надела Кикиморские чудеса себе на ладони, гладила ими солнечные лучи и воздух. Невыросшая видела теперь, какие они — настоящие вязанные варежки: мудрые, прекрасные, с ровненькими рядами, но не машинными, а ручными, и совсем молодые и новые на вид, но древние,

почти тысячелетние по своей красоте и силе — в общем, бессмертные. Кикимора молча моргала и махала беличьими ресницами, глядя на Катю. Вдруг невыросшая подпрыгнула на месте почти так же, как созданыице во время своего вязания. Кикимора тоже подпрыгнула от неожиданности.

— Можно успеть показать их Веронике Евгеньевне! Она часто задерживается после пятого! — это закричала Катя, свесила ноги с кровати и стала складывать варежки в белый пакет.

Кикимора засуетилась, выглянула с дивана на пол, потом полезла вниз, как обычно, спиной, свесила одну куриную лапу, потом вторую, оперлась когтистой ладонью на Катину коленку и прилинолеумилась.

— Ай! Дура, что ли? Больно! — это сказала Катя и пнула созданыице в плечо.

Кикимора прошипела в ответ.

— И ты пойдёшь со мной! На всякий случай... Если Вероника Евгеньевна мне не поверит, я покажу тебя и расскажу, что ты во всём виновата, — сообщила Катя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Она сложила пакет с варежками в рюкзак. Побежала в сторону родительской комнаты, чтобы посмотреть на электронных часах, сколько осталось до конца пятого урока и до вечера. Скоро вернулась и надела рюкзак себе на плечи.

— И скажем, что это я связала, хорошо? — добавила Катя ко всему прочему и ускакала из комнаты.

Кикимора почесала брюхо и карябнула линолеум когтями правой нижней лапы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

До звонка, отпускающего с пятого урока, оставалось полтора часа. Собрать Кикимору в школу оказалось сложной задачей. Катя немного погонялась за созданыцем с ножницами, пытаясь срезать предметы, серёжками болтающиеся на слоёной одежде. Кикимора вертелась, перетаптывалась, отпихивалась и шипела. Катя предложила забрать только корпус от телефона и мамыны часы.

— А то потеряешь! Разве можно тебе доверить такие дорогие вещи?

Кикимора, сердито дыша, перетерпела два клада ножницами. Катя осторожно отложила добытое и вцепилась в синий мамин шарф, обмотанный много раз вокруг создательницы брюшка. Кикимора заверещала так громко и зловеще, что у невыросшей залепило уши. Катя разжала пальцы. Кикимора отбежала от неё метра на три.

— Но ты всё равно так не пойдёшь! — выросшим тоном сказала Катя.

Удивительно, как легко давались сегодня Кате идеи и решения. Как будто она превратилась в Лару. А если всё-таки сработало и Катя проснулась в новой жизни Ларой, как всегда и мечталось? Невыросшая заглянула в зеркало — проверить, но нет, на неё по-прежнему глядела Катя, а не Лара. Кикиморы в зеркале не виднелось, Катя оглянулась и увидела её стоящей рядом. Но это было нормально, Ольга Митиевна говорила, что такие существа обычно не отражаются. Катя притащила табурет в коридор,

Кикимора хотела сесть на него, но невыросшая придвинула сидячее место ближе к шкафу и забралась на гладкий белый квадрат прямо в тапках. Из антресоли две серые бабочки выпорхнули Кате в глаза. Она чуть не упала, но удержалась за дверцу. В трёх обувных коробках хранилась одежда для ёлки: стеклянные шары и звери, вытянутый блестящий мох и связанные тоненьким проводом мелкие лампочки (Катя помнила, что больше половины из них не мигало). В отдельных пакетах лежали два тела: Снегурочка и Дед Мороз. До Нового года оставалось ещё одиннадцать месяцев.

Дальше антресоль ломилась разным прошлым. Мамины молодые купальники, папины быстрые кеды, Катины крохотные комбинезоны и прочие штуки. Невыросшая заглядывала под крышки всех коробок, переворачивала каждый одёжный пакет, щупала, дёргала — из-за чего мамино аккуратное складывание очень быстро нарушилось и превратилось в свалку. Потом один за другим Катя сбросила вниз обувную короб-

ку и надутый пакет. Кикимора подошла к обоим предметам, обнюхала каждый. Отогнула край пакета и увидела тушку кролика.

Когда Катя вернулась на линолеум, Кикимора пожёвывала кролика желтоватыми зубами. Невыросшая забрала у созданыща шерсть и развернула из неё невыросшую шубу.

— Хэ!!! — это восхищённо сказала Кикимора и погладила кролика когтистой ладонью.

Шуба выглядела крепкой, почти непопущенной Катиным детством и прошедшим после временем.

— Мне сшили её из бабушкиной шубы. Бабушка говорила, что это хороший кролик и он останется ещё моим детям, — это похвасталась Катя.

Невыросшая представила себе хорошего кролика: он ел только помытую морковку, правильно спал, не ссорился и не дрался с другими кроликами, оттого и сохранил такую прекрасную шерсть. А потом его

убили. Точнее, убили целых пять или семь хороших не очень выросших кроликов. Катя представила, как они копошатся тут, в коридоре, окровавленные, вместо шубы. А представить своих детей, которым шерсть останется, Катя совсем не могла.

К этой шубе, как казалось невыросшей, было привязано что-то само по себе хорошее. Поход в лес на санках с папой (Катя катится с огромной горки). Поездка в гулливверский город вместе с мамой (Катя смотрит на великанские ледяные статуи). Катя зажмурилась, вылавливая свободными концами тех ниточек, к которым крепятся глаза, из головы всякие шубные воспоминания, но вдруг перестала. Она решила, что нужно немедленно прекратить вспоминать — Лару, Сомова, папу, Веронику Евгеньевну, штаны Курина, показывающую, смотрящих, Ольгу Митиевну, бабушку и даже маму. И завязывать с задумыванием, обдумыванием, передумыванием, придумыванием, игрой с пятнами, беготней от страха и прочей ерундой. А также

с плаканьем, с расстраиванием, с переворотами тела вокруг скелета. Нету в этом никакого смысла. Надо действовать, убыстряться, спасти себя от школы на улице Савушкина.

Кикиморе шуба очень подошла: не мала, не велика. Она прикрывала наряд с украшениями примерно до колен, дальше, правда, торчал подол с алюминиевой расчёской, тремя пальчиковыми батарейками и крышками для закручивания солений. Всё это было обхвачено нитками, верёвками, узкими кусочками ткани и держалось так на одежде. Катя поняла, что никогда не уговорит создательницу срезать заметные украшения, подумала, принесла свою простынь в частых колокольчиках. Кикимора обнюхала ткань, фыркнула, но потягала её лапами, порвала зубами и когтями, примотала себе на пояс и получила верхнюю юбку до щиколоток. Дальше Катя притащила свои старые шерстяные рейтузы, на них создательнице страшно зашипело. Но Катя настаивала, как выросшая.

— А то ты простудишься, и у тебя не будет этих... кикиморчат, когда вырастешь, — рассказала Катя.

Кикимора влезла в рейтузы таким образом, как люди попадали в плавки под полотенцами на пляже: натягивая на себя рейтузы под обернутой тканью. На платочную голову Катя напялила созданыицу свою старую зимнюю шапку с крупным, как вторая голова, пушистым бонбоном.

Шубу и шапку Катя обмотала сверху своим ангинным шарфом в клетку, который носила только дома при больном горле. Прикрыла кикиморскую морду им наполовину и — главное — её закрученный нос. На передние лапы отдала свои дырявые ва-режки, ржавые от батарейной сушки. Всеми этими стараниями созданыице выглядело как укутанный и сутулый совсем невыросший — детсадовец. Но с Катиными четырёхлетними сапогами ничего не получалось. Куриные кикиморские ноги не имели толком ступней и пяток, им нечем было цепляться. Катя попыталась загнуть птичью

лапу по форме правого сапога, отчего созданыице взяло невыросшую за плечо и сильно надавило когтями. Катя разжала руки, Кикимора тоже. Время выплёвывало одну за другой минуты, требовалась быстрая придумка. Катя прошла по квартире, нащупывая хоть какое-то решение. Потом притащила полушерстяной плед, принялась резать его на маленькие длинные тряпочки. Созданыице перехватило эту работу и закончило её когтями за полминуты. Катя занудно, тщательно обмотала каждую кикиморскую лапу отрезками и нафаршировала ими же внутренности сапога. Созданыице походило туда-сюда по коридору — обувь держалась.

Катя проверила время по электронному миганию, оказалось, что они так долго провозились, что до конца последнего и пятого урока осталось всего двадцать минут.

— Побежали! — это отчаянно проговорила Катя, сняла с плеч рюкзак с вязаньем, который носила на спине всё это время, проверила варежки, они — целые и совер-

шенные — помахали из белого пакета, оделась сама в пуховик, шарф и шапку.

В лифте Катя попыталась натянуть шарф на кикиморскую морду, чтобы прикрыть её кручёный нос, но созданыице завертело мелкой головой.

— Ты чего как маленькая?! — рассердилась Катя.

Тут двери лифта расплзлись в стороны. Перед ними стояла тётя Оля, крепко вцепившаяся в супермаркетные пакеты. Кикимора прикрыла нос ржавой варежкой. Катя поздоровалась. У тёти Оли от удивления качнулась на голове тяжёлая, похожая на кастрированного кота шапка.

— Ой, а кто это? — это потребовала соседка.

— Это мамина племянница приехала... Точнее, её привезла моя тётя и сразу уехала назад, — сама себе на удивление спокойно ответила Катя.

— С Юга, что ли? — с подозрением спросила тётя Оля, глядя на длинную колокольчатую юбку. Соседка всегда принимала

Катину маму за цыганку. Невыросшая кивнула в ответ.

Двери лифта с Катей и Кикиморой с лязгом сомкнулись. Пользуясь таким случаем, Катя потянулась к морде созданыща. Но тётя Оля снаружи быстро подняла руку с пакетом и нажала на прожжённую кнопку. Двери распахнулись.

— А чего нос прикрыла? — это продолжала соседка, отступая всё же и пропуская их.

— Так там пахнет! — это нашлась Катя, выводя Кикимору из лифта за незанятую лапу.

Тётя Оля чуть отступила, пропуская их.

— Снова нагадили? — скривилась тётя Оля, заглядывая во внутренность лифта. Его двери опять закрылись.

— Стой! — крикнула соседка Кате и созданыщу в спины. Они застыли под перекошенными почтовыми ящиками. Сзади пакетно зашуршало.

Катя повернулась и увидела перед собой две конфеты-батончика, которые очень не любила.

— Маленькую тоже угостишь! — соседка щедро тянула руку с красно-бежевыми обёртками.

Один из пакетов с продуктами, как невыросший, уткнулся тётке Оле в колено. Другой устало болтался на второй руке. Катя приняла дар, поблагодарила. Соседка взяла второй пакет и, старательно вращая носом, зашла в лифт.

— Да опускай ладонь, дальше не пахнет, — это она обратилась к Кикиморе из кабины.

Двери закрылись. Соседку перестало быть видно. Лифт уехал. Катя спрятала конфеты в карманы пуховика.

— На чёрный день, — объяснила она.

Кикимора сама натянула шарф на морду.

Они бежали вдоль серого, непрекращающегося, как китайская стена, забора.

— Ну что ты так медленно?! Мы же опаздываем совсем! — это злилась Катя.

Кикимора с трудом успевала за невыросшей из-за своего роста и неподходящей обуви, в которую были воткнуты её задние

лапы. Катя взяла созданыице за переднюю лапу и поволокла на буксире. От этого Кикиморе стало ещё сложнее бежать, она иногда спотыкалась на ровном месте или вовсе летела в воздухе. Они спешили по дну песчаного канала, по берегам которого росли сугробы. Впереди и сзади виднелась только рыже-белая безлюдная пустота. Цвет дорожной посыпки походил на ржавый налёт на кикиморских варежках и на её ресницах. Катя заметила на рельефном боку забора надпись чёрной краской «ой жив», что значило скорое его прекращение. Вдруг откуда-то со стороны пустыря с засохшей болотной травой и обёрнутыми в лёд бетонными плитами с лаем выскочила колтунная собака тоже светло-рыжей масти. Она погналась за бегуньями, крича на них собачьим лаем. Катя остановилась в параличе. Кикимора затормозила тоже, стянула шарф с носа и выпустила изо рта завитушки пара. Собака добежала до них и принялась наступать, лая ещё злее и громче. У неё валили из пасти парные обрезки и по-свиному тряс-

лись уши. Кикимора вдруг вытянула свои тонкие бесцветные губы в острую трубочку и плюнула в зверя. Собака поджала уши и хвост, жалобно заскулила и стремительно убежала прочь.

За дорогой, как обычно, разместился жидкий парк, через который просвечивалась школа. На светофоре Кикимора хотела пойти сразу, но Катя сжала её плечо.

— Когда загорится зелёный человек, мы пойдём, — это выросшим тоном сказала она.

— А ты её возьми за руку или, ещё лучше, на руки, — это посоветовала какая-то выросшая в длинном, как спальник, пуховике.

Катя взяла Кикимору за лапу.

— С маленькими только так надо. Они не всегда контролируют себя, — грустно проговорила пуховиковая.

После светофора Катя и созданыице быстро пересекали куцый парк по песочной тропке, задыхаясь от спешки и волнения. На них равнодушно глядели зомби поко-

сившихся снеговиков. На последней развилке нужно было выбрать правую или левую тропинку. По левой было чуть ближе до школы. В конце правой виднелась маленькая компания невыросших. У Кати затормошилось сердце оттого, что там мелькал кремовый Ларин пуховик. Может быть, отвести её в сторону и показать ей Кикимору? Снять с той шарф. Таща за собой созданыще, Катя двинулась по направлению к Ларе. Они всегда делились друг с другом самыми интересными своими штуками. А тут не просто какая-нибудь вещь или глупая история, тут целая Кикимора с закрученным носом. И надо прямо сейчас. А то созданыще куда-нибудь исчезнет, а Лара уйдёт куда-нибудь с Сомовым.

«Сомов?..» — запаниковала Катя, но было уже поздно, потому что они с Кикиморой оказались прямо среди невыросших.

Сомов по-хозяйски сидел на берёзе и обвязывал проволокой деревянную палку, на которой, как отрубленная красивая голова, торчал скворечник. На ветке ниже пых-

тел Панкратов, он обнимал ствол дерева и придерживал палку. Двое других подсомовцев нервно наблюдали с земли. Третьей с ними нервничала Лара. Сомов, завершая уже обматывание проволокой, супергеройски свесился вниз, держась за ствол одними ногами.

— Дима, осторожно! — это искренне, но официально взволновалась Лара.

Катя скривилась. Они с Кикиморой подошли именно во время выкрикивания этой фразы. Увидя Катю, все заморозились.

— Это ты когда успела родить, дебилка?! — это первым нашёлся Сомов с дерева.

Все засмеялись, в том числе Лара.

— А ты считаешь, что недебилно шутишь, придурок?! — огрызнулась Катя.

Сомов и Панкратов как-то очень быстро оказались на земле.

— Лар, я тебе кое-что показать хотела, только я не могу прямо сейчас, подождёшь тут? Мне надо сбегать в школу по делу, — протараторила Катя, стараясь не глядеть на других невыросших.

— Меня твои показы не интересуют, — тихо и зло ответила Лара.

Вдруг Катя увидела Веронику Евгеньевну. Та вышла из школы и направилась к калитке. Кикимора подняла маленькую голову и посмотрела туда же.

— Ну и пожалуйста, хоть поженитесь, — проворчала Катя.

Вероника Евгеньевна остановилась поговорить с выросшей в чёрной шубе у забора школы. Катя сняла с себя рюкзак, чтобы можно было сразу раскрыть его для классной, взяла его за ручку, а Кикимору за лапу, прижала рюкзак к животу и шагнула вперёд. Тут Катя заметила, что их окружили. Сомов, Панкратов и двое подсомовцев встали вокруг Кати с Кикиморой полукругом. Лара молча наблюдала за ними.

— Я спешу по делу! Пропустите, — строго сказала Катя.

Сомов очутился вдруг рядом с Катей, вырвал у неё рюкзак и кинул его Панкратову.

— Поиграем, пацаны! — это радостно выкрикнул Сомов.

Катя кинулась к Панкратову, тот бросил рюкзак другому подсомовцу. Катя побежала к нему. Невыросшие мужского пола пересмеивались и тяжело дышали горячим паром. Подсомовец снова перекинул рюкзак Панкратову. Катя метнулась на него. Лара улыбалась. Когда Катя совсем приблизилась к Панкратову, он швырнул рюкзак второму подсомовцу. Тот не успел поймать, и рюкзак упал в снег. Катя прыгнула, присела и почти достала, но тут его перехватил второй подсомовец. И вдруг невыросший страшно, по-звериному заорал. Катя поднялась на ноги и увидела, что Кикимора вцепилась ему в левую руку зубами и повисла на ней, как шавка. Подсомовец, обливаясь слезами, отшвырнул Кикимору в сторону и бросил рюкзак Сомову. Катя дёрнулась к ней.

— Ты что, она же маленькая! — это возмущённо закричала Лара.

— Эй, debilка, сюда! — это Сомов показал Кате рюкзак и выбежал на дорогу.

Катя устремилась за ним. Машины тут проезжали редко и только в одну сторону.

А сейчас неподалёку дребезжал среднего размера грузовик с кузовом. Сомов дождался, когда тот проедет близко, и ловко швырнул рюкзак в чёрную дыру между шатающейся перекладной и колышущимся тентом.

— Давай помогу тебе встать, малыш! — это ласково сказала Лара, присев рядом с Кикиморой.

Созданыце подняло морду, свободную от шарфовой повязки. Лара увидела спиралеобразный отросток на желтоватом морщинистом лице. Полуоткрытое отверстие пасти и торчащие там острые мелкие зубы были запачканы кровью подсомовца. Лара беззвучно выпустила крик из своего аккуратного маленького рта и села на снег.

Катя смотрела, как уезжают в дряблом грузовиковом брюхе их с Кикиморой ва-режки. Комок страшной ненависти набух у неё в животе, лопнул и растёкся по недлинным, невыросшим жилам. Сомов сразу всё понял. Но прежде чем он успел снять ухмылку с лица и как следует напугаться, Катя подошла к нему и с очень вы-

росшей силой толкнула его далеко-далеко, словно пытаясь выпихнуть из одного с собой мира. Сомов полетел спиной назад, раскрыв рот и расставив руки, будто пытаясь уцепиться за морозный воздух. Послышался страшный скрипучий вой, а за ним сразу — тяжёлый гулкий удар. Сомова накрыло широкое серебристое пятно. Катя увидела на той стороне дороги Веронику Евгеньевну. Она, нелепо переваливаясь, бежала туда, куда только что летел Сомов.

Невыросшие стояли парализованные, как скворечники. Лара так и сидела на снегу, закрыв уши руками и отвернувшись к коре дерева. Катю настойчиво задёргали за край пуховика. Она увидела рядом с собой Кикимору с кое-как прикрытой мордочкой. Слышно было, как кричат выросшие — Вероника Евгеньевна и какой-то ещё человек мужского рода. Катя подхватила Кикимору на руки, побежала наискосок через парк и вынырнула у той самой большой дороги, которую они двадцать минут назад переходили с созданыцем по правилам дорожного

движения. Кикимора прилежно держалась за Катину шею, как настоящая совсем невыросшая. Рядом вдруг железно проскрипело, Катя увидела перед собой открытые двери автобуса и вскарабкалась по ступенькам.

Они сели на сдвоенное сиденье в конце салона — Кикимора у окна, Катя у прохода. Следом зашли две молодые выросшие — одна в большой куртке и белой мелкой шапке, другая в толстом пальто и пуховом платке — и приземлились прямо перед Катей и Кикиморой. Двери захлопнулись, автобус поехал и задребезжал. Пассажиры заподпрыгивали в такт. Автобус был заполнен несильно, примерно на четверть.

— Вот бывают очень плохие люди, а их все любят. Как это так? — это Катя спросила у Кикиморы.

Та ничего не ответила, а сняла варежку и потянула бугристую ладонь вперёд, где из-под мелкой шапки свешивался густой каштановый хвост. Когтистые пальцы дрогнули, предвкушая большие красивые колтуны, и почти прикоснулись к волосам. Катя быстро

схватила кикиморскую лапу и бросила её созданыицу на колени. Кикимора скривилась виднеющимися жёлтыми глазами, но послушно запихнула ладонь в варежку. Выросшие впереди тихо переговаривались.

— ...Через пять дней после родов треснул! — так говорила женщина с каштановым хвостом.

— У меня же нет денег! — это прошептала Катя. — Совсем всё в рюкзаке осталось.

Кикимора покосилась на неё и смяла в кучу рыжие брови. На толстых коротких ногах, обтянутых чёрными рейтузами, к ним приближалась кондукторша. На плотном её животе болталась катушка с розоватыми лепестками билетов. Игнорируя дикую качку, контролёрша ловко обилечивала один за другим пассажиров, хватая поручни в верные моменты.

— Попробуй «Пурелан» или «Бепантен» — только «Бепантен» смывать надо перед кормлением. И ещё своим молочком можно, — совсем запутанно ответила хвостатой платковая выросшая.

— А мне мама говорит, что им не надо... — это забескоилась хвостатая, протягивая контролёрше деньги.

Автобус остановился и разинул двери на углу самого красивого и старого в городе дома. Можно было выпрыгнуть тут, но Кате не хотелось выходить на мороз и так близко со школой. К тому же так и не придумалось, что делать дальше. В автобус с трудом забрались старая выросшая и широкий выросший в очках. Двери захлопнулись.

— Здесь оплачиваем! — это заявила кондукторша и сморщила без того некрасивое лицо при виде длинной кикиморской юбки.

— У меня... я... у меня рюкзак украли, можно я так... мы так... — замямлила Катя.

Контролёрша даже обрадовалась.

— Та-а-ак! Серёж, тормози! — Хотя автобус вовсе не ехал. — Ну-ка выходим! — она показала на вновь открывшиеся двери, через которые в салон валил стекловатный морозный воздух.

Катя зажмурилась. Кикимора непонимающе вертела головой. Пассажиры гляде-

ли на них как на голых. Кто-то отворачивался, а кто-то, наоборот, тщательно рассматривал.

— Раз нечем платить — выходим!.. Я сказала, выходим! — это завизжала билетница.

— Я не понял, там помочь, что ли? — это выкрикнул водитель, прятавшийся за шторкой.

— Да вы что, это же дети! — это воскликнула хвостатая выросшая, сидящая впереди.

— Мы что, должны всех детей России бесплатно возить? — огрызнулась кондукторша.

Хвостатая снова достала кошелёк и протянула билетнице бумажку. Та с разочарованием сунула хвостатой сдачу, оторванные розовые лепесточки — Кате и ушла к водителю. Автобус снова затрясся.

— Спасибо! — это Катя вспомнила, что нужно ответить хвостатой.

Та махнула рукой и хвостом.

— Вы лучше одни не ездите никогда, только с мамой... Как детей одних отпуска-

ют? Я так никогда не буду поступать... — выросшая с хвостом опять зашептала с сидящей рядом выросшей.

У водителя под зеркалом металась икона. Кикимора прикрыла глаза беличьими ресницами, наклонила голову и задремала.

— Даже если мы свяжем варежки по-новому, Вероника Евгеньевна их уже смотреть не станет. И в школе меня не оставят. И Лара со мной никогда больше дружить не будет... Со всеми ними — теперь совсем плохо. Остались только мама и папа. Нужно сделать что-то хорошее для них, чтобы хотя бы они... чтобы почувствовали, какая я молодец... — это Катя, наклонясь, тихо наговаривала в бонбон кикиморской шапки.

Двери снова разъехались. В автобус, преодолевая три скользкие ступеньки, забрались две пожилых невыросших и один молодой выросший. Он спросил, едут ли они до станции. Билетница зло кивнула. Кто-то голосом подтвердил. Катя схватила созданице за кроличье плечо. Кикимора вздрогнула и открыла сонные глаза.

— Мы сядем на электричку, поедем на дачу и заберём деньги у дяди Юры, которые он не отдал папе. Они очень обрадуются, понимаешь?! — почти прокричала Катя Кикиморе придумку.

Кикимора запустила указательный палец под намордный шарф и почесала им прижатый закрут носа.

— Правда, у нас нет денег на электричку, но мы поедем зайцами. Надо будет перебежать по платформе из одного вагона в другой, когда придут проверять билеты. Я тебе покажу как, — объясняла Катя.

Катя никогда не спасалась от контролёров сама, а только наблюдала, как увлечённо несутся молодые, средние и старые выросшие по разбитому асфальту или плите из мутного льда. Однажды они с мамой не успели взять билет и проволновались все четыре остановки до дачи, но проверяющие так и не появились.

Железную дорогу с одной стороны подпирал лес, а с другой — пинал город. Невы-

росшей и созданыцу нужна была лесная сторона — оттуда электрички забирали людей к дачам, в обратном от Гулливерии направлении. Домик с кассой был только на противоположной стороне, на не нужной им платформе, куда Катя решила пойти сначала. Здесь находились несколько разрозненных выросших и две колтунные собаки. Когда Катя и Кикимора появились, животные взволнованно завертели носами, заскулили и убежали через рельсы в лес. Из расписания и круглых часов следовало, что ближайшая электричка — через шестнадцать минут. Следующая за ней — только через два часа. А мамин вечер почти через пять с половиной часов, а папин — через семь с половиной.

Какой-то выросший покупал себе билет в Гулливерию. Больше у кассы никого не было. Кате страшно не хотелось превращаться в зайца — от нарушения правил случается одно ненужное плохое. Она вспомнила автобус, взяла созданыце за лапу, и они поскрипели к пересчитывающему сдачу вырос-

шему. Он не надел шапку на свою светлую бритую голову. Уши его багровели и двигались вместе со считающими губами.

— Здравствуйте! А купите нам, пожалуйста, билеты всего на четыре остановки, а то у меня рюкзак с кошельком украли, — это изо всех сил вежливо проговорила Катя.

Выросший потыкал светлыми глазами в невыросшую, а потом в кикиморскую длинную юбку. Рот его вдруг округлился и превратился в верхушку от шланга.

— А ну, ухрёбывайте отсюда! — это рявкнул пересчитывающий.

Выросшие, стоящие на той и другой платформах, заоборачивались. Катя и Кикимора быстро отошли в сторону. Обида надавила на Катино горло. Она тихо захныкала. Вдалеке завывало. Созданыице сощурилось и беспокойно затопталось на месте.

— Это не с нашей стороны, — плаксиво сообщила Катя.

Товарный поезд, страшно колотя по рельсам, мчался в Гулливерию мимо их станции и отражался в глазах ожидающих

своими рыжими вагонами. Каждый ту-ту-тух лип к Катиному сердцу и голове. Её глаза заболотились от слёз. Несущиеся мимо вагоны слились в пегую кашу, в которой поплыли Сомов, Лара, варежки, грузовик, Вероника Евгеньевна, мама и папа. «Лучше не думать, не вспоминать, не представлять, а делать», — резко подумала Катя и вытерла рукавом пуховика слёзы.

Под стуканье товарняка созданыице стащило ржавую варежку с левой лапы, запустило старушечью ладонь в складки маминого шарфа и извлекло оттуда какой-то коричневый квадрат с болтающейся золотинкой. Кикимора сунула предмет Кате. Невыросшая крутила его в руках, пытаясь распознать его.

— Ты что?! Совсем того?! — это, наконец сообразив, прокричала сквозь металлическую чечётку Катя.

Она дрожащими руками открыла кошелёк, оттуда выглянули бока купюр и краешки пластиковых карт. Из прозрачно-плёночного кармана на Катю смотрела хвостатая из автобуса. Это был пропуск в гулливерскую

библиотеку. Катя задрожала, почти как рельсы под поездом.

— Она же нам помогла! Так нельзя с людьми, которые помогают... Они и так почти кончились! — Катя прокричала это в абсолютной тишине, потому что чуть раньше стук закончился вместе с поездом. На неё, наверное, снова посмотрели все окружающие выросшие.

Катя заплакала и бросила кошелёк в снег. Кикимора почесала нос через шарф и сильно дёрнула Катю за пуховик. Невыросшая выдернула подол из кикиморских лап.

— Уходи к себе в болото!.. — это рявкнула Катя, совсем как выросший, который отказался покупать им билеты.

Кикимора не обиделась и упрямо ткнула левой лапой на уползающие до горизонта шпалы в сторону Гулливерии. Оттуда должна была явиться их электричка. Пока даль пустовала, но по проводам вверху воробьями перебегали электрические разряды. От них Кикимора беспокойно шевелила спрятанными под платками и шапкой ушами.

Катя посмотрела на горизонт, шмыгнула носом и подобрала кошелёк.

У окошка привстал на цыпочки и протянула внутрь пятьдесят рублей, окошечный механизм скрипнул и бумкнул, потом скрипнул и бумкнул обратно, ей отдали одиннадцать рублей сдачи и две мелкие билетные бумажки. Катя потянула за золотинку, открыла боковую молнию и спрятала монеты. Созданыще вдруг осторожно взяло невыросшую за руку и аккуратно сжало её пальцы. Катя поглядела на Кикимору, а потом вдаль, куда глядела та — на острие ржавых шпал показалась рогатая и зелёная башка. Она стремительно катилась к ним, таща за собой длинное металлическое тело. Катя поглядела на кошелёк в своих руках и вдруг быстро приняла решение. Она снова взобралась на цыпочки.

— А вот ещё мы тут кошелёк на платформе нашли! — это Катя прокричала в окошко и сунула туда мокрую от снега вещь.

Катя успела расслышать скрип и бум окошечного механизма и, не дожидаясь ника-

кого ответа, подхватила Кикимору на руки и побежала к началу платформы под надвигающееся мычание электрички. Спустилась по лестнице и понеслась к переходу через шпалы. Когда Катина нога ступила на деревянный настил, поезд уже со скрипом тормозил на станции. Невыросшая суетливо споткнулась и завалилась на левый бок на фоне рогатой электрической морды. Они с Кикиморой вытянули три руки (Кикимора обе свои тоненькие, Катя — одну потолще) и не дали себе упасть окончательно. Невыросшая поднялась, пересекла рельсы, быстро прошагала чуть вправо, забралась по лесенке и, задыхаясь, поковыляла из последних сил до крайнего вагона. Последние фигуры закончили заходить внутрь железного тела. Когда Катя подбежала к ближайшим дверям, они с лязгом захлопнулись.

— Хне! — это с досадой крикнула Кикимора.

Катя почувствовала, как в животе забилась новый комок обиды на весь окружающий

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

мир, или просто Кикимора нервно попинывала её нижними лапами.

Внезапно двери раскрылись, Катя с Кикиморой, не веря своим четырём глазам, забралась в тамбур. Двери снова лязгнули, Катя опустила созданыце на заваленный окурками пол. Пассажирки качнулись от разгонного толчка. Невыросшая взяла Кикимору за руку, и они зашли в вагон. Катя чувствовала себя почти Ларой, потому что раньше только той мог помочь машинист целой электрички.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мимо ехали бетонные домишки, полинялые гаражи и куцые лесные вставки. Кикимора сидела у окна, а Катя — рядом. Она всё никак не могла отдышаться от произошедшего. Созданыце принялось снимать варежку, но невыросшая посмотрела на сползающую ржавую рукавицу так, что Кикимора вернула её обратно.

Слева от Кати молодой выросший читал телефон. На противоположной лавке слева

направо разместились старая выросшая, средняя выросшая и молодая выросшая с круглым выпирающим в вагон животом. Беременная и средневыросшая как бы отражались друг в друге с разницей в двадцать лет. Катя поняла, что это мама, дочка, а под пальто кто-нибудь следующий, кого никто ещё не знает — хотя уже очень любят. Может быть, это кто-нибудь вроде Лары, или Сомова, или Кати, или Носова, или даже Курина. Катя слепила в уме:

Невыросший в животе,
Как лысый кот в мешке.

Кикимора задремала, закрыв сонные глаза. Электричка дёрнулась, и голова созданыца упала на Катино плечо. Катя заметила, что средневыросшая и её дочь глядят на кикимору с нежной внимательностью.

— Может быть, снимешь с сестрёнкиного носа шарф? А то она у тебя задохнётся, — это серьёзно сказала средневыросшая.

— Да нет, ей так нормально, — спокойно ответила Катя.

— Это что же вы без взрослых путешествуете? — не отставала мать беременной.

— Всего четыре остановки, а на станции нас бабушка встретит, — врать было легко и гладко.

Средневыросшая успокоилась ответом. Электричка затормозила и разинула со скрипом двери. В вагон зашло несколько выросших. Женский голос с потолка объявил следующую станцию. Поезд двинулся, и Кикимора проснулась. Её взгляд упёрся в живот молодой напротив. Беременная заметила, улыбнулась и положила белую, гладкую руку себе на пузо. Созданице медленно, по-звериному наклонило голову, задвигало под шарфом носом, глаза её с торчащими беличьими ресницами сузились до щёлочек, а жёлтые зрачки, наоборот, растеклись по яблокам. Кикимора вцепилась зрением в спрятанного ребёнка. Катя увидела, что беременная схватила ртом воздух, а свой живот обеими руками. Она с не помещаю-

щимся на лице страхом глядела в глаза созданыцу.

— Кать, чего?! — это заволновалась средневыросшая и принялась почему-то обмахивать дочь своей кожаной сумкой.

Катя сразу поняла, что обратились не к ней, но не понимала, что творится. Только подумала, что:

Ребёнок у животного или женщины

в животе

Равняется кожаной сумке в лапе или

в руке.

Парень рядом с Катей выбрался из телефона. Старуха напротив почему-то тоже схватилась за свою кожаную сумку.

— Кать! — требовала, сама не зная чего, средневыросшая.

Из соседних отсеков на них тоже принялись заглядывать, удлиняя свои шеи.

— Стоп-кран нажмите! — громко посоветовала другая средневыросшая откуда-то сбоку.

Катя почувствовала вдруг, что беременная теперь стала каменной — её парализовало, и ничего она не может делать больше, только с ужасом пялиться на Кикимору. Необходимо было какое-нибудь глупое, обязательное действие.

— Давай я тебе сапог поправлю! — это прокричала Катя создательнице в спрятанное ухо, и полвагона перевело на них глаза.

Катя нагнулась и принялась тянуть краешки своего бывшего, нынче кикиморского сапога вверх и запихивать туда давно пытающуюся сбежать рейтузину. Создательнице отвело взгляд от беременной и наклонило голову к своей левой нижней лапе, у которой копошилась Катя.

— Мама, мама... Давай уйдём... — это очень тихо проговорила беременная, воспользовавшись передышкой.

Когда Кикимора перетащила свой жёлтый взгляд обратно, беременная уже встала, взялась за живот и, стараясь не смотреть никому в глаза, вышла в проход, придерживаемая матерью. Женщины преодолели вагон

и скрылись в тамбуре. Глаза Кикиморы возвратились к своему обычному разрезу и желтизна снова собралась в зрачки. Молодой выросший влип в телефон. Старая выросшая разжала руку с сумкой. Электричка подышала и остановилась. Мать и дочь вышли на обледенелую плиту платформы среди молчаливого дачного посёлка. Беременная села прямо в сугроб на скамейке, а её мать принялась кричать в телефон.

— Хэ! — досадливо сказала Кикимора, когда электричка тронулась.

Невыросшая внимательно посмотрела созданыцу в морду.

Дальше ехали всем вагоном так, будто этого не было. Катя всегда дивилась этой способности выросших перепрыгивать через произошедшее, делать вид, будто ничего не случилось. Это то же самое, как папа, когда они вернулись после бабушкиных похорон домой, сразу вытянулся у телевизора и начал перебирать пультом каналы. Тут Катя вспомнила, что решила сегодня совсем ничего не вспоминать.

Двери, противоположные тем, в которые сбежали мать и дочь, разъехались. В вагон шагнул выросший инвалид с толстыми губами. В левой вытянутой руке он торжественно держал поводок с овчаркой. Инвалид и пёс пошли по ряду чрезвычайно привычно и свободно, будто прогуливаясь среди деревьев, а не сидений с людьми.

— Ми-и-ы-е ха-о-оше, пда-айте на поку-у-уша сба-а-ачике и ме-е! — это выговаривал инвалид, завывая одни и забывая другие звуки.

Подавали выросшие женского рода, тянули потяжелевшие от мелочи руки, сжимая кулаки так, словно хотели выдавить из монет заточённых в них орлов. Инвалид собирал милостыню данью, требовательно и непринуждённо, останавливаясь у сидений вместе с овчаркой на две-три секунды.

Старая выросшая напротив Кати и созданица вытащила из кожаной сумки свои монеты и выставила их. Инвалид остановился и протянул руку уточкой, будто сам подавал старухе. Кикимора приоткрыла гла-

за, выползая из полудрёмы. Овчарка пощупала ноздрями воздух в их отсеке, вдруг визгливо заскулила, дёрнулась и потащила за собой хозяина на поводке. Инвалид бежал за ней, спотыкаясь о ноги и сумки и звонко роняя монеты.

— Ну-у-у... куда-а-а-а?! — взвизгнул он.

Собака упрямо уводила его из вагона. Они скрылись в том же тамбуре, что и беременная с матерью. Катя повернула голову обратно. Кикимора опять дремала, погружившись в шарф по рыжие ресницы. Невыросшая тоже прикрыла глаза. Это расстояние между предыдущей и пред-Катиной остановкой было очень длинное. Ещё раз лязгнули и засвистели двери вагона. В них снова ввалился инвалид с собакой. Его конвоировали две выросшие в одинаковых тёмно-синих пальто. Одной контролёрше было не сильно много лет, второй больше. Молодая шла прямо в спину инвалиду.

— Гру-у-у-убая, бессерде-е-е-е-ечная! — это оборачивался на неё инвалид.

— Давай-давай, двигайся! — это она ему басыла в затылок.

Собака стремительно пронеслась мимо Кати и Кикиморы. Невыросшая не находила лепесточки в своих карманах.

— Ты не брала билеты? — это Катя потрясла созданыце за тощее плечо.

Кикимора открыла глаза, зевнула под шарфом и показала ржаво-шерстяной лапой на мелкий наручный карман Катиного пуховика, пришитый на внутренней стороне локтя. Молодой выросший рядом протянул старшей контролёрше свой билет. Тот взвился вверх и упал под ноги в грязную жижу. Молодой выросший переложил телефон из одной руки в другую, нагнулся и выудил намокшую бумажку. Контролёрша, морща и без того мятый рот, чиркнула ручкой по сухому краешку.

— Следить нужно за своими документами, — это буркнула она, потирая друг об друга пальцы так, будто солила пол.

Старая выросшая показала своё пенсионное удостоверение. Катя протянула их

с кикиморой билеты. Контролёрша нарисовала синюю закорючку на каждом.

— На малую могла бы не брать, — сказала она Кате. — Совсем родители охренели, детей одних отпускают, — прибавила контролёрша спиной.

Солнце висело на самом своём высоком для зимы месте. Катя не знала, сколько точно времени оставалось до вечера, но чувствовала, что в запасе его ещё много. Они с Кикиморой скрипели по белому снегу (песочную посыпку тут не использовали). От станции до посёлка нужно было пройти вдоль недлинной опушки. Бабушка жила много лет вместе с папой в квартире на одиннадцатом этаже. Потом к ним подселась мама, взяла и родила Катю. Через два года бабушка переселилась на дачу, чтобы быть ближе к огороду с яблоками, но всё равно приезжала в липипутский город почти каждый день, чтобы смотреть на Катю, кормить её яблочным пюре и учить её играть в бадминтон.

Дача занимала половину деревянного дома и начинающегося от кухонного окна участка. Другая половина строения и земли принадлежала соседке Лилии Артёмовне, которая умерла в Катины примерно шесть лет. У Лилии Артёмовны было две громадных комнаты в доме, а у бабушки — три маленьких и кладовка. С самого начала соседка находилась в доме постоянно, а бабушка с папой приезжали иногда дачниками. Маму и Катю тоже стали брать на дачу, когда они появились. Мама огородить не любила, но потом привыкла. Дверь в Катино-родительскую дачу всегда оставалась деревянной, даже когда туда переселилась бабушка, а вход в сени к Лилии Артёмовне выпирал пухленькой кожзаменительной обивкой с понатыканными металлическими кнопками. Бабушка все силы вкладывала в огород, а соседка — в дом. Отчего бабушкин участок всегда казался больше и ярче Лилии-Артёмовского, а дом, наоборот, меньше и серее. Две старые невыросшие ладили и делили один туалет и душ. Потом в доме Лилии

Артёмовны завелся её сын, дядя Юра. Про него ничего не было ясно, кроме того, что он откуда-то вернулся и носил тельняшку. Бабушка с тех пор предпочитала отчего-то пользоваться для всего ведром. Соседка же потемнела лицом, согнулась и перестала весело переговариваться с бабушкой через окно, а потом совсем умерла. До смерти бабушки папа с дядей Юрой только здоровались, а после — сидели за уличным деревянным столом на дядь-Юриной половине и пили из прозрачной бутылки почти в каждый родительский приезд.

Родители продолжали и без бабушки ездить на дачу и огородить, папа говорил, что бросать нельзя, так как это традиция, хоть всё можно купить в магазинах или у живых старушек. Катя ненавидела дачу за комаров и отсутствие нормального туалета. Работать её не заставляли: сначала жалела бабушка, а потом выяснилось, что она делает всё слишком неправильно и медленно. Папа однажды стал кричать, что Катя — не как другие дачные невыросшие: не лазает по

деревьям и не смеётся радостным смехом с веток. Тогда она решила однажды полезть на дерево и, забираясь, представила себе, как она убегает от полугнилого сорнякового монстра, а он хватает её за левую пятку. Ногой пришлось сильно дёрнуть, чтобы сбросить страшную лапу. Так Катя потеряла равновесие, упала вниз и ударилась головой. Потом её сильно тошнило, в том числе от грязного туалета в больнице, где она провела больше двух недель, зато её почти перестали брать на дачу и оставляли в квартире на одиннадцатом этаже. Папа сказал маме, что Катя упала с дерева нарочно. Катя решила, что, пожалуй, это был бы умный ход, но ей такое никогда не придумать, только Лара могла бы соорудить что-то подобное, но менее болезненное. Потом папа вслед за мамой стал работать в Гулливерии, и они принялись редко бывать на даче и покупали сырьё для закруток у знакомых или на рынке. Невыросшая не любила ничего из баночной еды, кроме земляничного варенья.

Катя разозлилась на себя за то, что снова тонет в воспоминательном сугробе. Всё из-за того, что они долго однообразно шли вдоль опушки, потому что созданыице с трудом перебирало ногами в неприспособленных для него сапогах.

— Дэ-э-э... — это непонятно с чем согласилась Кикимора.

Катя почувствовала, что созданыице слышит и видит каждую её мысль и воспоминание. От этого стало обидно и неловко. Но это же Кикимора, а не Вероника Евгеньевна или Сомов. Солнце резануло Катю по глазам. Впереди наконец показался угол опушки, за которым прятался дачный посёлок. В животе громко урчнуло, не было ясно у кого — у невыросшей или созданыица. Кикимора огляделась, задвигала освобожденным от шарфа носом и вдруг кинулась в заваленные снегом деревья. Катя испугалась, что созданыице убежало навсегда и что ей придётся идти одной к дяде Юре. Но через минуты три белые еловые гроздья качнулись и Кикимора появилась из леса. Вид

у неё был самый радостный, она подняла левую когтистую лапу, демонстрируя в той что-то серое и дёргающееся. Ржавая варежка была заткнута на брюхе под складку мамино шарфа. Катя сощурилась и разглядела.

— Ой, мышонок! — хотя это и была выросшая мышь, которую созданыце держало за серый хвост.

— Хэ! — подтвердила Кикимора, разинула острозубый рот и откусила извивающегося грызуна наполовину.

Катя не мигая глядела надвигающуюся челюсть созданыца. Вторая половина грызуна лопнувшей красной ягодой качалась на хвосте в бугристых пальцах и всё ещё поддёргивалась. Кикимора протянула Кате мышинные остатки, и невыросшая отказалась, быстро замотав головой. Созданыце отправило себе в рот вторую половину прямо с хвостом. Катя осознала, что тоже ужасно голодна и что не ела ничего сегодня, кроме двух сырных кусочков. Она нащупала в кармане пуховика батончик, один и ещё один,

освободила сразу две конфеты от фантиков и запустила себе в рот. Они отправились дальше, Катя дожёвывая конфеты, а создательница — мышь.

Зимой дача — то есть дом и прилегающее к нему пространство — выглядела не как летом — гораздо больше и печальней из-за голых брошенных деревьев. Вместо четырёх бабушкиных яблонь посередине участка и во все торчали свежие обрубки. Кате сделалось грустно. Дядя Юра не открывал, хотя Катя долго жала на писклявый звонок и дубасила по дверной обивке. Кикимора показала ржаво-шерстяной лапой в сторону косога серого домика, из трубы которого выползал пар. Это была баня, которую сделал ещё муж Лилии Артёмовны. Кикимора закрыла морду шарфом. Они обошли строение и застыли снеговиками. У бани, прямо в сугробе, лежал на спине голый жилистый выросший и накидывал ладонями на себя снег. Это был дядя Юра, и от его тела шёл пар. Катя постаралась сщурить глаза так, чтобы ресницы почти закрывали зрение. Нужно было не думать

о том, что дачный сосед выглядел ещё страшнее и непонятней, чем Курин. Кикимора то ли от понимания Катиного ужаса, то ли от своего пищеварения рыгнула съеденной мышью. Дядя Юра поднял голову, увидел их и плохо выругался.

Потом они сидели за столом, покрытым клетчатой клеёнкой. Дядя Юра, уже одетый в тельняшку и брезентовые штаны, жевал холодную курицу. Её полуразобранное тело лежало на фольге в огромной плоской тарелке с двойным золотистым ободком. Посудина была бабушкина. Блестящий от жира рот дяди Юры отпивал после каждого откуса пиво. Мясо он то отрывал зубами от кости, то отламывал пальцами. Катя и Кикимора сидели на скамейке напротив и смотрели на него. Вокруг всё было деревянно и довольно аккуратно, даже прибраннее, чем у Кати дома.

— Это что за ляля? — это спросил дядя Юра явно про создательницу.

— Дочка маминой сестры, — это спокройно ответила ему Катя.

— А чего не раздевается? — снова задал вопрос дядя Юра.

Катя сняла свою шапку, шарф и расстегнула пуховик, а Кикимора сидела как пришла, в шубе и с замотанной мордочкой.

— На улице очень замёрзла, — это снова ответила Катя и очень удивилась своей спокойности.

— А, она с юга, что ли? — дядя Юра отправил в рот прядь белого мяса.

Катя кивнула.

— Может, всё-таки хочешь? — это спросил дядя Юра, показывая солевой ладонью на бабушкину тарелку.

— Нет, — уверенно сказала Катя, стараясь не думать, что её сильно тошнит.

Она очень хотела есть, несмотря на тёти-Олины батончики. Но мёртвая приготовленная курица казалась ей ещё несъедобней, чем сырая раскусанная мышь. Наверное, потому, что куриная кожица очень напоминала кикиморскую.

— А, щас! — это вдруг сказал дядя Юра.

Он приподнялся, вытер жирные руки о кусок мятой марли, подошёл к глазированному серванту, вытащил оттуда пакет с печеньем и высыпал его в огромную, тяжёлую фарфоровую супницу с синими цветами. Катя узнала её, она тоже принадлежала бабушке. Дядя Юра поставил печенье перед Катей и Кикиморой.

— Девчонки, налетай! — это призвал он и снова схватился за курицу.

— Спасибо, но мы не хотим, — это решительно отказалась Катя.

Хотя печенье было круглым, песочным, с красно-желейными прожилками по центру — именно таким, какое Катя давно любила. Дядя Юра обиделся и дёрнул челюстью.

— А вы чё приехали-то? На дачу, что ли? Та половина тоже теперь моя. И земля... Папка не сказал, что ли? — вдруг прокричал последнюю фразу дядя Юра и тут же запил крик пивом.

— Вы ему только деньги не отдали, — выговорила Катя.

Дядя Юра хмыкнул и с треском разломал огромными ладонями костяной каркас. Кикимора молча глядела то на лицо выросшего, то на его руки. Он кивнул головой в сторону созданыца и улыбнулся Кате.

— Глазки у малой смешные, хлоп-хлоп, — сказал дядя Юра.

— Отдайте мне наши деньги, — по-выросшему вдруг произнесла Катя.

— Балин... Папка твой бухой был, забыл, как я ему деньги отдал, а их у него в электричке украли, — выросший улыбнулся, показав сбоку слева золотой зуб.

— Отдайте, — упрямо произнесла Катя.

Дядя Юра резко поднялся с места, невыросшая и созданыца вздрогнули. Он снова вытер руки об марлю, сходил к серванту, залез в нижний ящик, вернулся с бумажкой и сунул её Кате в лицо.

— Читать тебя же в школе научили?! Видала подпись папкину? И юрист тоже подписал.

— Вы всех обманули и деньги не отдали! — промывчала Катя.

— Ну докажи, попробуйте! Родители у тебя совсем непутецкие, ну и ты не удалась! — это совсем заорал дядя Юра.

Катя вздрогнула, как всегда делала от крика, и тут поняла, что дядя Юра сказал очень верно, что она не удалась. И вспомнила сразу все три последние дня: и варежки, и Веронику Евгеньевну, и Лару, и школу на улице Савушкина, и Сомова... И не отдаст дядя Юра ей никогда деньги. Почему вдруг она решила, что у неё что-то получится? Слезы полезли из Катиных глаз. Кикимора не мигая глядела теперь на невыросшую.

— Ну... Плакать, что ли, решила? — это неожиданно ласково произнёс дядя Юра.

Он поднялся, подошёл к Кате и взял её за локоть.

— А ну иди сюда, — ещё ласковее произнёс он и стащил с Кати пуховик.

Кикимора наблюдала за ними жёлтыми глазами. Дядя Юра подвёл Катю к своему стулу, сел на него и усадил Катю себе на колени.

— Обиделась, что ли? — совсем ласково спросил он.

От него пахло пивом, курицей и чем-то ещё незнакомым. Дядя Юра протянул руку за марлей и обтёр всё ещё лоснящийся жиром рот.

— А ну-ка давай посмотрим, что у нас уже тут, — это странно сказал он и снял с Кати свитер.

Она оставалась в школьном платье и шерстяных колготках. Дядя Юра обнял Катю и совсем крепко прижал к себе. Она вспомнила, что давно мечтает об обниманиях. Ей почему-то не захотелось больше требовать денег, успевать что-то сделать до вечера, добиваться прощения родителей, Лары, Вероники Евгеньевны. Её потащило в мягкий, укачивающий сон. Дядя Юра принялся тяжело дышать и задрал ей платье. Внизу живота у Кати приятно зазвенел крохотный колокольчик.

— Какая красивая, — это продышал дядя Юра совсем Кате на ухо.

Невыросшая удивилась, что кто-то, кто ей не мама, назвал её красивой, закрыла глаза и совсем обмякла. Дядя Юра оттопырил одной ладонью Катины колготки, а второй пополз под их держательную резинку. Катя почувствовала, как колокольчиков стало несколько, может быть, целый хор. Её сморила ласковая, моментальная горячка. Вдруг выросший застыл, прекратил тяжело дышать и принялся заваливаться на Катю. Она попыталась увернуться, но дядя Юра был такой тяжёлый и длиннорукий, что ей было не вырваться. Катя осознала, что услышала только что гулкий звук и потом ещё несколько звонких. Она упала на дощатый пол, а выросший повалился на неё сверху. Так они пролежали какое-то время. Невыросшая начала задыхаться под плитой из человеческих жил и костей, повернула голову и заметила справа мебельную ножку. Катя подтянулась на руке к ножке, выползла из-под дяди Юры, посидела, отдышавшись, под деревянной крышкой и вылезла из-под стола. Сосед лежал без движения в густой и лип-

кой, как варенье, луже крови, которая натекала вокруг его головы. В красной жиже валялись осколки фарфоровой супницы и песочные печенья. Кикимора, медленно моргая пучком длинных ресниц, глядела на лежащего.

— Он мёртвый? — это спросила Катя и сама испугалась своему почти выросшему голосу.

Кикимора стянула шарф и повела кручёным носом. Дядя Юра задвигал головой и застонал. Катя обрадовалась и подумала, что ей даже не стыдно, что она по-настоящему боится за дядю Юру, а вот, например, за Сомова вовсе не волнуется. Наверное, потому что Сомов никогда не обнимал её, как дядя Юра. Катя взяла в руку мятую марлю со стола, села перед выросшим на корточки и промокнула ему рану.

— Дядь Юра, где деньги, которые вы папе должны? — громко проговорила вопрос Катя и отдёрнула руку от напившейся кровью марли.

Выросший ответил неприятным матным обухом и потянул к Кате свою ладонищу.

Невыросшая вскочила на ноги и отбежала. Дядя Юра, постанывая, направил себя в противоположную от Кати сторону и пополз к ножке стола. Кикимора когтистой лапой одним резким движением перетащила целого огромного выросшего за ногу на середине комнаты. Дядя Юра неумело забрыкался конечностями, как младенец.

Созданыице сняло кроличью шубу, село на лавку, стащило с себя один за другим сапоги.

— Гэ-э-э-э... — это почти пропела Кикимора, разминая замученные человечьими сапогами куриные лапы.

Катя молча уселась рядом, наклонилась и подняла с пола свою шубу. Ещё не хватало, чтобы та попала в кровавый ручеёк, который тянулся от стола к центру большой комнаты. Дядя Юра, видимо, утомившись, вытянулся на досках. Приведя в чувство лапы, Кикимора спрыгнула на пол, огляделась и почесала бок. Подошла к подоконнику и, встав на когтевые цыпочки, стянула оттуда здоровую катушку лески. Созданыице село неподалёку

от дяди Юры и принялось быстро-быстро, неразличимыми от скорости движениями, плести из лески, резко и оттого малозаметно подпрыгивать на месте и бормотать песню. Катя прислушалась и узнала убыстрённую версию «Калечины-Малечины».

Так продолжалось минуты четыре. Тут дядя Юра задвигался снова, подпёр руками пол и попытался подняться. К нему подошла Кикимора и принялась натягивать на него через ноги прозрачный, как паутина, кокон. Сосед заныл и стал дёргаться, пытаясь сбросить с себя созданыще с сетью. Кикимора остановилась, прошла прямо по дяде Юре, села ему на грудь, склонилась над его ухом и громко туда прошипела. Выросший икнул и обмяк, прилипая затылком к кровяному полу. Кикимора вернулась по телу выросшего обратно до уровня его колен, где остался кокон, и натянула его до дядь-Юриных плеч, аккуратно запихивая под сеть сначала одну, потом вторую его руку.

Потом созданыще отошло в сторону, нагнуло голову набок, будто оценивая свою ра-

боту. Та была славной, дядя Юра теперь походил на безрукого и безногого червяка и совсем не мог шевелиться. Кикимора вернулась и перекатила выросшего с живота на спину. Села подле и принялась щекотать извилистыми когтистыми пальцами прямо сквозь одежду то его подмышки, то бока, то шею. Дядя Юра выдавал сначала что-то вроде смешинок. Катя тоже засмеялась, наблюдая за всем этим с лавки. Потом вдруг сосед страшно закричал по-человечески. Катя оставила шубу на сиденье, слезла и ушла в соседнюю комнату. По ней, большой и широкой, расплылись две одноместные кровати с решётками у ног и головы, открытый деревянный шкаф с книгами, закрытый шкаф с одеждой, телевизор под вязаной салфеткой на макушке. Дядя Юра бросил кричать и тоненько, по-звериному завыл.

Катя подошла к стене, чтобы рассмотреть чёрно-белые фотографии молодой и улыбающейся Лилии Артёмовны. Сначала одной, потом с мужем, похожим на менее жилистого дядю Юру, потом с самим

дядей Юрой в виде комбинезонового младенца. Он сильно и во всём поменялся, кроме ухмылки на вытянутом лице. Катя почувствовала, что не способна ходить больше. Она определила по самой аккуратной и заброшенной кровати — Лилии-Артёмовскую, залезла в неё под одеяло прямо в сапогах. Пружины возмущённо заскрипели. Дядя Юра выл через стенку, невыросшая закрыла глаза. Ей ничего не снилось, только всё ещё слабо позвякивали по одному затухающие внизу живота колокольчики.

Кикимора трясла её за руку. Катя проснулась. Кикимора ушкрябала в комнату, при её возвращении на полу дико замычал выросший, который теперь мало походил на дядю Юру. Лесочный кокон плотно обтягивал его тело. Оно теперь уменьшилось и изогнулось под сеткой, послушно повторяя созданную для него форму. На голых участках кожи клетчатый узор краснел из-за глубоких царапин. Ноги и руки дяди Юры были чуть повёрнуты в противоположную

от своей пары сторону. Глаза его увеличились раза в два, вылезали из орбит и блестели как залитые горячим маслом. Взгляд шатался туда-сюда по комнате. Кикимора встала неподалёку, дядя Юра дёрнулся от неё в противоположную сторону и сжался в совсем маленькое, почти невыросшее существо. Катя подошла к нему и села перед его трясущейся головой на корточки.

— Чего? — это просто, по-выросшему спросила Катя.

— О-о-отпа-ал... — промычал бывший дядя Юра.

— Я не понимаю, что вы говорите, — сказала невыросшая.

Кикимора топтанулась с одной лапы на другую. Бывший дядя Юра дёрнулся ещё раз.

— По-о-одпа-ал... — протянул он почти точно так же, как инвалид из электрички.

Потом выросший с трудом поднял голову, покрытую шапкой из запёкшейся крови, и показал челюстью на угол. Там молча сто-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ял огромный деревянный сундук с покатою крышкой. Катя и Кикимора набрали воздуха в невыросшие лёгкие и отодвинули машину. Под ней прятался прямоугольный люк с пожёванной временем верёвочной ручкой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— У Калечины одна деревянная нога!..
У Малечины одна деревянная рука! — это пела Катя в такт своим радостным шагам.

Солнце планировало уже на покой за землю и готовилось к привычному скатыванию по облачной горке. На снег капал с неба тёплый абрикосовый свет. Катя любила такое время суток, когда лучи становились добрыми, а потом исчезали вовсе, но было ещё светло. До папиных и маминых

вечеров ещё оставался хороший запас. Катя с создательницей весело хрустели снегом вдоль опушки. Невыросшая крепко прижимала к себе почтальонную сумку, ляпка которой была перекинута через Катино тельце. В сумке лежало множество денежных бумажек. Когда Кикимора вытащила из подпола несколько толстых разноцветных пачек, перевязанных той же леской и завёрнутых в зелёные полиэтиленовые пакеты, невыросшая села считать их общую ценность. Катя не знала, сколько хоть приблизительно стоит бабушкина дача, но, перебрав разноцветные бумажки, решила, что их недостаточно.

— Тут не всё! — прокричала она над бывшим дядей Юрой, как над оглохшим.

Он слабо вздрогнул.

— У вас остальное на карточке, да? Вам тогда папа позвонит и номер своей скажет, хорошо?! И вы переведёте! Хорошо? А то мы снова придём! — докричала она, и выросший на это моргнул красными веками.

Теперь Катя несла драгоценную почтальонскую сумку, которую взяла у мёртвой Лилии Артёмовны (та была почтальоном в молодости), и представляла, как благодарны ей будут родители за возвращение семейных денег. И как они будут горды ей: и мама, и даже папа. Возможно, они так обрадуются и удивятся Катиной смелости, что не послушают Веронику Евгеньевну и разрешат ей не отпраиваться в школу для отстающих, а устроят её в пятую или первую школу или пока вовсе ни в какую. Катя слышала про такое чудесное устройство жизни, когда невыросшие совсем не ходят в школу, а читают учебники дома, а потом просто сдают контрольные в конце четверти. Ведь если Катю не расстраивать каждый день Вероникой Евгеньевной или Сомовым, то она внимательно сумеет читать учебники и сможет лучше учиться. И вообще, одно дело — получить да хоть четыре за контрольную по математике, или написать стихотворение в столбик, или связать варежки, другое — забрать свои деньги у выросшего

и сильного обманщика. Конечно, Катя сделала это всё не одна. Она, может, расскажет про Кикимору родителям, но они вряд ли поверят.

— Га-га-га! — это загакала Кикимора.

Катя вспомнила, что созданыице, скорее всего, понимает все её мысли, и решила поменьше пока мечтать. Они подходили к полоскам платформ. Солнце осторожно чмокало невыросшую в лоб своим лучом. Катя прижала деньги ближе к прыгающему сердцу и ощутила свою абсолютную всесильность.

— У Калечины-Малечины один глаз маленький, да удаленький! — это снова запела она.

Несмотря на обретенное богатство, билет они купить не смогли, потому что на станции не оказалось кассы. Катя когда-то знала об этом, но теперь забыла. Однако она совсем не запаниковала от этого факта, как случилось бы раньше, а спокойно, как выросшая, рассудила, что они объяснят ситуацию контролёрше или даже двум.

Электричка приползла сразу же. Им тут же нашлась свободная короткая скамеечка без соседей. Катя на этот раз сидела у окна, вдавливая руками в живот почтальонскую сумку. Кикимора охранно разместилась с краю, сняв варежки и приготовившись, если что, вцепиться когтями в опасного выросшего или невыросшего. Что оказалось совершенно зря, потому что никто, кроме нескольких старых выросших, не прошёл мимо и никто не заговорил с ними. Контролёрши за все четыре остановки так и не появились в вагоне. Катя с создательницей вышли из зелёной железяки и свободно сошли с языка платформы — на станции их лилипутского города не построили турникетов. За пятнадцать минут пешей дороги домой они ни разу не встретили ни одного знакомого выросшего или невыросшего и ни одной бродячей или домашней собаки. Лифт без капризов и попутчиков довёз их и выпустил на одиннадцатом. Ключи сразу нашлись во внутреннем кармане пуховика. Замок не кусал их своими кривыми зубами, а позво-

лил Кате быстро открыть дверь. Невыросшая подумала, что стала теперь везучая, как Лара.

«Нет, я везучая, как я!» — это додумала Катя.

Она подглядела время на мигающих электронных часах: до маминого вечера оставалось два часа, до папиного — четыре. Вот оно дурацкое, тянется жвачкой. Долго ещё колошматиться. Катя разложила деньги на видном месте — на диване перед телевизором, чтобы родители сразу увидели, какая она невероятная молодец. Думала ещё написать записку «дяди-Юрины за бабушкин дом», но решила, что сама скажет и так будет ещё очевидней, что она блестящая девочка.

Созданию как зашло в квартиру, то сразу освободило себя от всякой человеческой глупости: шарфа на морде, варежек, шубы, дурацких сапог, рейтуз, длинной верхней юбки и бонбоновой шапки.

— Ки-и-и-и-и-и-и-и... — это Кикимора выдохнула от наслаждения.

Она залезла на коридорную тумбу, села прямо на всякие мелочи, что там валялись, и начала тихонько вращать в воздухе куриными конечностями.

Катя тоже решила переодеться: стянула мокрые по щиколотку колготки и вылезла из мятого ученического платья, школа же закончилась! Невыросшая надела байковую рубашку и мягкие домашние штаны.

— Давай играть, — это Катя сказала созданыицу и сняла её с коридорной тумбы, придерживая под мышки. Кикимора возмущённо забурчала.

— Я тоже устала, но мы дети и должны играть, — это по-выросшему рассудила Катя.

Созданыице почесало ухо за платками и похлопало беличьими ресницами над уставшими жёлтыми глазами.

— Мама вернётся и приготовит нам вкусной горячей еды, например, котлеты с пюре, а не каких-нибудь там живых мышей. Пойдём! — скомандовала Катя.

Она решила, что раз Кикимора как бы её младшая сестра, то Катя сможет научить её

каким-нибудь полезным вещам. Разумеется, создательнице умело делать что-то гораздо лучше, чем Катя, — вязать, или брать у выросших (и невыросших) незаметно их вещи, или щекотаться до полоумия. Но Катя решила, что попытается показать ей что-нибудь интересное. В родительской комнате невыросшая включила пыльный музыкальный центр. Он закричал выросшим голосом что-то про приезд президента. Катя завращала большим колёсиком. Радио шипело, перекашливая с сильных музыкальных ударов до рекламных голосов. Кикимора, устало моргая, стояла посредине комнаты.

— Щас, — это пообещала Катя.

Она принялась нервно выкручивать колёсико, но тут же решила быстро успокоиться. Нужно вести себя, как удачливая выросшая, то есть действовать спокойно, даже когда хочешь поиграть, как невыросшая. Наконец она нашла нужный звук. Немного шипя и покхекивая, мохнатые динамики выпускали из себя вальс. Он отличался от того, который Вероника Евгеньевна вклю-

чала им в школе, но тоже состоял из зазеркаленного, уютного ритма. Катя сняла тапки, подошла к Кикиморе, согнулась примерно до её роста, взяла её верхние старушечьи лапы в свои и развела их в стороны.

— А потом вот так, раз-два-три! Повторяй за мной, — объяснила невыросшая и затанцевала.

Кикимора затопталась вслед за Катей, опустив маленькую голову и глядя безотрывно на её босые ноги. Линолеум зашуршал и заскрипел от усердия вальсирующих.

— Раз-два-три, раз-два-три! Не горбись! — командовала Катя.

Созданыце притянуло наспинный горбик к лопаткам. Раз-два-четыре-два. Кикимора сбивалась с ритма и спотыкалась на ровном месте.

— Просто повторяй про себя: раз-два-три, раз-два-три! И смотреть надо на партнёра или в сторону.

Кикимора подняла жёлтые зрачки и упёрлась ими в слепой телек.

Не глядя на подсказку из Катиных ног, танцевать стало совсем сложно, и кикиморская левая споткнулась о босую Катину правую.

— Ай, царапаешься! — это возмутилась невыросшая.

Катя потёрла щиколотку, там образовалась белая царапка. Созданыце забрало от Кати свои лапы, встало прямо и грустно посмотрело на линолеум.

— Но для первого раза совсем неплохо! У меня хуже было, — проговорила Катя.

Она осторожно взяла Кикиморские руки в свои. Когти случайно царапнули внутренности её ладоней, но Катя стерпела. Они снова начали перебирать ногами в такт волнистой музыке. Сверху застучали по трубам, но невыросшая и созданыце то ли не слышали, то ли не обращали внимания. Кикимора танцевала уже правильнее. Это было удивительно, Катя ещё никогда-никого-ничему не учила, все только учили её: Вероника Евгеньевна, папа, мама, бабушка, Лара, даже Сомов.

Они потанцевали ещё немного, потом повалились на ковровом полу в Катиной комнате, смотря, как заливные пятна на потолке стекаются вместе в города, горы, деревья, рыб, людей с головами животных, неразборчивые фигуры голых людей, изогнутые лестницы и сросшиеся сапоги. Кикимора хэхэкала и удивлялась, показывая бугристоктистым пальцем вверх. Катя гордилась необычайно своими ловкими водными подтёками. Кикимора тоже немного налепила из них: длинный поезд, путешествующий по кругу, дачный дом, который подкидывает в ладони вязаная варежка, младенец, вращающийся в солнечном кругляшке в позе эмбриона.

Потом Катя лежала солдатиком на ковре, а Кикимора хватала её за ноги и переворачивала ногами то к окну, то к выходу, то к окну, то к выходу. Невыросшая обливалась смехом, и созданыце тоже подхихивало и говорило «Га!», «Гэ!» или «Хе!». Когда Кикимора утомилась и села поправлять перекрутившиеся тряпочки, Катя рас-

смотрела созданыице и решила, что оно выглядит не очень. Многотряпочный наряд с привязанными предметами совсем пропитался пылью и походил на вскрытый пылесосный мешок. Кикиморская морда, невыспанная, с сине-жёлтыми складчатыми мешками под глазами и седым пухом, сделалась за сегодняшний день ещё старушечье, то есть морщинистее. А главное, из-под двух или трёх (толком не сосчитаешь) платков некрасиво выбивались и торчали серебристые паутинистые пряди.

— Ты очень неопрятная. Так нехорошо, ты же девочка. Давай я тебя причешу, — это как можно вежливей предложила Катя.

Созданыице вдруг сделало глазища с тазики, зашипело, подскочило на задние лапы и убежало в сторону кухни. Катя поднялась, отправилась за ней, по дороге сунулась в ванную, забрала из стакана свою расчёску. Заодно проверила в ванной, и под ванной, и на шторкином карнизе, и верёвочках. Кикиморы не находилось. Катя зашла на кухню, осмотрелась. Созданыица не

виднелось, но невыросшая чувствовала, что она здесь.

— Не придумывай! Это не так больно. Я вот терплю каждый день, и ничего, живая, — это Катя сказала, забравшись в угол за холодильником и просматривая насквозь спинной ряд всей техники и мебели. У решётчатого тыла плиты просмотр загораживала скрючившаяся детская фигура.

— Я очень аккуратно, правда-правда. Я теперь, кажется, научилась, как быть аккуратной... — это уже сама себе говорила Катя.

Они чуть-чуть посидели в бережной тишине. Катя услышала, как плита, а затем холодильник поочерёдно зазвучали струнными инструментами — это вылезала Кикимора. Невыросшая поставила созданныцу табурет перед окном и постелила на него подушечку. Кикимора забралась, наклонила голову вбок и посмотрела себе на колени, где послушно лежали старушечьи пальцы в морщинах и колотушках.

— Голову прямо, — очень по-выросшему сказала Катя.

Кикимора подняла голову и закрыла складками век глаза. Катя обошла созданыице спереди, развязала и сняла первый платок в больших красных маках, в котором узнала наволочку из маминых бельевых запасов (у мамы было много бельевых запасов, она говорила — приданое). Развязала и сняла второй платок — кусок материи в маленький синий цветок, его Катя не узнала. Развязала и сняла третий платок — прохудившийся и выцветший льняной лоскут, — его невыросшая не узнала тем более. При виде непокрытой кикиморской головы Катя удивлённо выдохнула, и так громко, что созданыице вздрогнуло и открыло глаза.

— Ого! Это у тебя такое... Как оно называется... Мелирование что ли? — это восхищённо воскликнула невыросшая. — Посмотри!

Катя ткнула расчёской в сторону окна. Кикимора непонятливо поглядела туда. На улице сделалось совсем темно — в чёрном гладком стекле отражалась Катя у табурета с нахлобученной на него, прямой по-

душкой. Кикиморы там не появилось. Невыросшая не обратила на это внимания. А созданыце, может быть, из-за этого, а может, от усталости совсем грустно обмякло на табурете. Катя взволнованно обошла Кикимору кругом. Волосы той на три-четыре сантиметра от головы просто седали, а дальше начинался цвет: тут встречались синие, зелёные, жёлтые, рыжие, чёрные, бежевые, красные и разных промежуточных оттенков пряди. На мелкой кикиморской голове волос было поле, начинались они тоненькой паутинкой, причудливо утолщались к середине и снова тончали к завершению. Из-за этой паутинности у основания копна просвечивала. Сквозь неё проглядывался почти детский, похожий на синеватый морской камень череп, обтянутый молочной кожей. А сквозь неё просвечивали иссиня-чёрные, молниями разветвлённые по всей голове вены.

Катя тихо дотронулась до волос созданыца расческой и осторожно провела по пряди на затылке. Потом по соседней и следующей за ней. Гребень легко плавал сквозь

кикиморскую шерсть. Кикимора взволнованно моргала рыжими пучками ресниц. Невыросшая не знала, сколько дней или лет созданыце не снимало платков, но волосы его были удивительно чистые, несальные и даже непутаные, неколтунные. Расчёсывание не заняло много времени, Катя собрала все пряди вместе, разделила их на три довольно ровные части и медленными, неумелыми, но очень старательными движениями заплела Кикиморе тонкий разноцветный колос и закрепила его резинкой, которую сняла с кончика своей косы. Свои волосы Катя тут же распустила, ведь школа кончилась. Что-то жалобно заурчало. Невыросшая не поняла, её это живот или кикиморский, но почувствовала, что хочется ужасно есть. У неё закрутилась новая идея.

— Мама придёт и не сразу приготовит. А нас собственные животы уже переварят. Я быстро сбегая в магазин, куплю нам вкусностей, — это по-деловому предложила Катя.

Прежде чем созданыце сумело отреагировать, Катя унеслась в свою комнату, натя-

нула прям поверх домашних штанов джинсы, а поверх рубашки свитер. Перебежала в комнату родителей и сняла там с денежной кучи одну рыжую купюру. Когда Кикимора слезла с табурета и вышла из кухни, Катя уже застёгивала пуховик и одновременно натягивала шапку.

— Ты что больше любишь, сладкое или чипсы? — спросила скороговоркой Катя.

Кикимора жалобно посмотрела на неё через коридор, или Кате так показалось. До маминого вечера оставалось полчаса, до папиного два с половиной.

— Хорошо, я всё сразу куплю. Я быстро! — это невыросшая проговорила уже спиной и захлопнула дверь.

Созданыице поглядело на закрытую дверь, потрогало свою неприкрытую голову и косичку.

Катя спустилась вниз на лифте, опять без соседей и застреваний. Но она так спешила, что не заметила своей удачи. В магазинекруглосутке, который располагался в торце

Катиного же дома, не оказалось любимых ею чипсов с укропом. Тогда невыросшая перескочила ещё один двор и забежала в супермаркет. Здесь Кате нравилось больше, потому можно было набирать, что хочешь, и ни с кем не разговаривать. Чипсы с укропом нашлись сразу, ещё Катя взяла крупную упаковку картошки с сыром, с беконом (она не знала, какие любит Кикимора), а также чипсы из кукурузы, пару молочных шоколадок с миндалём, пару молочных с изюмом, одну чёрную саму по себе (Катя любила молочный, но, может, Кикимора предпочитала чёрный), четыре марципанных батончика, три упаковки разноцветных жевательных мишек, три упаковки жевательных кока-кольных бутылочек. Ещё связку бананов и два литра колы. Очередь была терпимой, пока Катя торчала в ней, она выбрала с прикассовой полки две арбузные жвачки.

— У тебя, что ли, праздник? — это спросила кассирша, пропуская через красный сканерский глаз всю эту Катину мечту.

— Да! — совсем как счастливая невыросшая ответила Катя.

— Хорошо, что хоть у детей праздник, — это уже для себя произнесла кассирша, нажимая кнопки на кассе.

После расплаты Катя бережно сгрэбла сдачу в карман пуховика, а еду сложила в большой плотный пакет. Как только невыросшая выбежала из магазина, её облаяла колтунная собака, может быть, знакомая Кате, а может, совершенно новая, никогда ранее не появлявшаяся в этой местности. Несмотря на сотрясавший окрестности лай, Катя не обратила на зверя никакого внимания, а понеслась дальше к своему дому. Уже на подбеге к подъезду Катя увидела знакомую невыросшую тройцу: девочку в комбинезоне, девочку в шапке со звериными ушами и шмыгающего носом мальчика. Они не катались с горки, а ввязались в более сложное и серьёзное дело — строительство снежной крепости. Четыре или пять внушительных снежных шара уже составляли начало сооружения, но до настоящей кре-

пости было ещё высоко и долго. Две девочки затаскивали ещё один шар поверх остальных, мальчик накатывал на снеге новый снежный ком, и с каждым новым слоем ему становилось всё труднее переворачивать машину. Шар рыхлел и распадался на части. Катя затормозила и стала наблюдать за ними, неспособная оторваться.

— А давайте я вам помогу чуть-чуть! — это громко сказала Катя, сама не ожидая от себя такого.

Дети приостановили строительство. Не-выросшая в комбинезоне нахмурилась. Мальчик с комом пожал плечами. Девочка с медвежьими ушами оглядела Катю, словно пытаясь понять, на что та способна. Катя улыбнулась этой главной невыросшей так, будто сегодня действительно был праздник.

— Давай. Помоги Коле делать новые валуны, — скомандовала девочка с медвежьими ушами.

Валуны! Катя положила пакет с едой в сугроб и стала помогать Коле. Они скоро приспособились друг к другу, и работа по-

катилась. Коля двигал ком, а Катя прибивала его по кругу ладонями. Они на пару очень скоро произвели десяток крепеньких валунов для хорошей крепости. Поскольку «гончары» (девочка с ушами раздавала всем название профессий) работали гораздо быстрее, чем «строители», то вскоре Катя с Колей тоже принялись возводить стену новыми валунами. Во дворе появилась крепость.

— Тебя как зовут? — это поинтересовалась девочка с медвежьими ушами.

— Катя, — это ответила Катя.

Главная невыросшая назвала своё имя и имена своих друзей. Крепость выстраивалась ровно параллельно Катиному дому и загораживала детей от него. Поэтому, когда задыхающаяся от бега мама выскочила слева и пробежала вдоль их многоэтажки, она не заметила дочь за грудой снега. Да и как ожидать Катю в кучке играющих и хохочущих невыросших? Они хохотали от того, как бойко росла их крепость. Катя не представляла до этого вечера, что можно

быть счастливой, просто делая что-нибудь вместе со всеми.

Пока она играла с другими невыросшими, мама быстро поднялась на лифте, стараясь не глядеть уставшему соседу с двенадцатого этажа в глаза, чтобы он не заметил её отчаяния. Когда выросшая зашла в квартиру, Кикимора в родительской комнате закрыла изнутри дверцу шкафа. До этого она там не пряталась, а подбирала в бельевых запасах себе новые платочки на голову. Мама позвала Катю, но та не отзывалась. Покачиваясь, выросшая обошла все квартирные помещения, Кати там не было. Когда мама пришла обратно в коридор, она увидела криво оставленную на телефоне трубку, на которую сотню раз пыталась позвониться последние несколько часов. Кикимора сидела в шкафу, на полке с полотенцами. Мама подняла трубку и поднесла её к уху. Вдруг раздался резкий, визгливый звонок. Выросшая дёрнулась, сзади застучали. Мама поняла, что звонят и стучат в дверь. Она сложила трубку правильно на место,

и телефон благодарно пропищал. Мама открыла дверь, на пороге появилась тётя Оля. Кикимора вертела чуть вытянутыми ушами и слушала через дверцу.

— Катя ваша дискотеку устроила! — это начала выросшая.

— Не сегодня, — это нетипично резко для себя ответила мама и удивила тетю Олю.

— И газом пахнет! — вдруг повела носом соседка.

Тётя Оля отодвинула маму и без приглашения пошла на кухню. Там она встала посередине и понюхала воздух. Дальше, ведомая запаховой ниточкой, приблизилась к плите, взвесила её взглядом и принялась зачем-то двигать. Маме ничего не осталось, как помогать ей.

— А дочка с племянницей где? — это спросила, кряхтя, тётя Оля.

— Чьей племянницей? — это не поняла мама.

Тут плиту как раз отодвинули, тётя Оля автоматически потянулась коротким носом к газовой трубе и застыла как впаянная в ли-

нолеум. Мама тоже посмотрела на пол, в заплитье, куда так яростно паялилась соседка.

Катя с другими «строителями» в это время заканчивали класть второй уровень крепости. А дома, у плинтуса, под плитой в пыльной взвеси лежала гирлянда из перевязанных между собой верёвкой предметов. Тётя Оля не поленилась — нагнулась, взяла в руку всю штуку и подняла её перед своим лицом, строго разглядывая, как нагадившего кота. Потом вдруг вскрикнула, сунула маме гирлянду, будто та содержала заразу, а потом забормотала что-то вроде молитвы. В гирлянде болтались: спинная часть телефона (Катиного) со всей технической начинкой, но без батарейки, кнопочная серебристая зажигалка (папина), с нежно-розовой прожилкой белая бритва (мамина), три или четыре резинки для волос, связывающих волосяную прядь (судя по цвету, Катину). Самой незнакомой и ничейной вещью здесь была невысокая, сантиметров в десять, соломенная кукла в виде девочки в тряпичных платке и сарафане, и соломенных же

сапогах. У куклы не обозначалось лица, а из-под платка торчала короткая, из той же сушёной травы коса.

Тётя Оля напялила на себя жёлтые хозяйственные перчатки, до этого заткнутые за настенную перекладинку. Созданыице в шкафу беспокойно задвигало кручёным носом и заморгало беличьими ресницами. Катя с новыми невыросшими друзьями утрамбовали ладонями получившуюся крепость. Соседка выхватила гирлянду и спортивным движением швырнула её в раковину. Мама очень усталым взглядом следила за соседкиными действиями, а потом заметила на выставленном к окну табурете пыльно-мятые куски материи. Подошла и взяла их всех в руки — одну с маками, другую в мелкий цветок, третью льняную. Тётя Оля кинулась к маме, заграбастала тряпки и тоже кинула их в раковину. Соседка прямо в перчатках схватила валяющийся у плиты коробок. Кикимора заскреблась когтями о стенку шкафа. Тётя Оля чиркнула спичкой. Катя с друзьями натывкивали частым рядом па-

лочки по верхушке крепости — защиту от врага. Спичка упала прямо на соломенную куклу, та дёрнулась и вспыхнула первой. Соседка с мамой услышали жуткий, но очень короткий вой, похожий на тот, что издают водопроводные трубы. Правда, слышался он из гостиной.

Внизу во дворе у Кати кольнуло живот, и она решила, что это от голода. Так она вдруг вспомнила про пакет с вкусной едой, про Кикимору и что нужно спешить домой, потому что вот-вот наступит вечер. Тётя Оля с мамой прибежали в комнату, откуда выли. Но тут никого не нашлось, только дверца шкафа была приоткрыта с небольшим зазором. Тётя Оля попросила маму зачем-то принести палку. Мама, уже привыкшая действовать без вопросов, притащила швабру. Ту самую, которой Катя гоняла созданыще утром. Соседка распахнула шваброй обе дверцы шкафа и потыкала ей же его тряпичные внутренности. Ни на полках с бельём, ни среди висящей одежды не было ничего и никого лишнего.

— Вам батюшку надо позвать, — это решила соседка.

Пламя дожёвывало оставшееся в раковине. Катя втыкала колышек и думала, как объяснить своим новым друзьям, что ей очень нужно домой, объяснить так, чтобы эти ребята не обиделись на неё и захотели с ней играть ещё раз. Вдруг ворот куртки впился в горло, и стало тяжело дышать. Серебристые снежинки закружились перед глазами. Катю сильно рвануло назад и потащило. Она поехала нижней частью тела по снегу, набирая в сапоги холодную белую массу. Сквозь сбившиеся на лоб шарф и шапку Катя видела, как остальные строители бросили свои дела, встали, как мушкетёры, в одну шеренгу и то ли с ненавистью, то ли с возмущением глядели ей вслед. «Что я им сделала?» — вращалось в голове у Кати.

— Вы не имеете права так делать! — это сказала по-выросшему девочка в шапке со звериными ушами.

Перед бордюром Катю немного отпустило, она встала на ноги и повернула голо-

ву. Её держал за шкирку папа и страшно смотрел. Катя обрадовалась: её новые друзья так странно глядели ей вслед не из-за неё. На секунду она подумала, что папа послушался Светы (так звали девочку в шапке с медвежьими ушами) и от этого ослабил хватку. Но он просто переменял руки и потащил Катю снова к подъезду.

— Во..м..те ...кет, ...ам с...адости, — «возьмите пакет, там сладости» — пыталась сказать Катя друзьям.

Те беспокойно переглядывались, не зная, как действовать. Катя с папой погрузились без попутчиков в железную скорлупку лифта. Весь подъём Катя буратиной провисела на держащей её за капюшон руке. Папа не говорил ей ни слова, только дышал так, будто задыхался. Когда он втащил Катю в квартиру, тётя Оля уже ушла. Папа пихнул Катю вперёд, и она покатила по коридору. Вслед папа кинул ей какой-то крик, но Катя не поняла, что он означает. Тут из комнаты выскочила мама и тоже начала кричать чего-то тоже на непонятном языке. Катя сидела на

полу, вслушивалась в слова, они вроде бы что-то напоминали ей, но она не могла распознать их смысл. Пахло пожаром. Выросшие в крике своём будто пели. И вот они начали танцевать и переместились в танце в свою комнату. Катя вспомнила вдруг про деньги, вскочила на ноги, вбежала в комнату, где танцевали родители. Купюры всё так же лежали на диване перед молчащим телевизором. Катя схватила кучку и поднесла выросшим.

— Вот деньги за бабушкин дом! — это как можно радостней и разборчивей прокричала Катя, но не была уверена, что ей это удалось.

Папа отпихнул её, и Катя снова упала. Потом, приподнявшись обратно на ноги, поняла теперь наверняка, что выросшие разговаривают на отличающемся от её языке и не понимают её. Настоящий вечер наступил. И мамин, и папин. Нужно выкарабкаться. Катя решила, что только Кикимора сумеет ей помочь. Надо было немедленно найти её, объяснить или просто показать

происходящее. Она ведь не невыросшая, а выросшая, не девочка вовсе, а возможно, даже бабушка. Гораздо умнее и старше Кати. Сумеет что-нибудь придумать или сделать. Катя снова легла, будто не вставала после удара. Проползла чуть-чуть, заглянула под диван, потом червяком добралась до открытого бельевого шкафа — созданыца не было. Катя выползла из комнаты, поднялась на ноги и проверила коридорный шкаф. Между плечами и животами пальто и курток никого не пряталось. На высших (Катя подпрыгнула) и низших (Катя согнулась) полках тоже. Ей стало скучно и захотелось чем-то сопроводить свои поиски. Вспомнила.

— Не позовет ли кто Калечину погадать о вечере? У Калечины одна — деревянная нога... — это начала напевать Катя и отправилась на кухню.

Там ни за отодвинутой плитой, ни в плите, ни за холодильником, ни за шкафами, ни в шкафу с крупами, ни на других полках или ящиках, ни внутри самого холо-

дильника Кикиморы не было. В раковине валялись какие-то горелки.

— ...У Малечины одна — деревянная рука... — продолжала невыросшая и зашла в туалет.

Она заглянула за унитаза, там валялась одинокая старая тряпка. За деревянными створками прятались только трубы с волнистыми винтиками.

«У Калечины-Малечины один глаз — маленький, да удаленький...» — всё пела Катя и отправилась в ванную.

Там Катя ощупала всё по-выросшему внимательными глазами. В ванну плакал кран, у машинки в брюхе лежал платок. Под потолком и под ванной сидела только плесень.

— «Калечина-Малечина, сколько часов до вечера?» — это проговорила Катя и отправилась к себе в комнату.

Там она поискала под диваном, в шкафу, на подоконнике, под одеялом, даже приподняла ковёр, словно ожидая там лаз в погреб. Заливные пятна не двигались, да и зачем им

было. Катя удивилась сама себе, что много лет она любила безгранично этот верхний, потолочный мир и до последнего развлекалась в нём. В интонациях родителей невыросшая услышала перемену: мама сдавалась.

— Где ты?! — шёпотом позвала Катя, хотя ей уже стало ясно, что Кикимора исчезла навсегда.

Катя отправилась из своей комнаты обратно на кухню. Звук от движений в гостиной рассказывал о том, что мама устала танцевать и теперь отпускает папу в самостоятельное плавание по квартире. Возможно, если Катя верно растолковывала этот скрип и кнопочный писк, мама села за компьютер.

— Не покличет ли кто Калечину погадать о вечере, — напела невыросшая и закрыла за собой кухонную дверь на полотенце. Потом передумала и приставила к ручке швабру.

Не родители, а само комнатное действие накопилось до предела и вот-вот собиралось переместиться на кухню к Кате. Она почувствовала это каждым своим нательным

волоском и родинкой. Вот он, настоящий вечер, наступил. С той стороны окна на Катю глядела густая темнота, а с этой стороны окна на себя в отражение глядела сама Катя.

«Это удивительно, какой выросшей я вдруг стала», — это подумала она.

Невыросшая подвинула табурет, на котором совсем недавно сидела Кикимора, к подоконнику. Сняла с него горшки с цветами и кактусами, поставила их на пол. Мама замолкла окончательно. Папа двинулся на кухню. Катя встала на табурет ногами, на мокрые края своих джинсов, и открыла настежь окно. Морозный ветер сразу пихнул её в лицо и плечи. Катя села на подоконник и, полуразвернувшись, посмотрела в пропасть. Люди, машины, гаражи, детские лзанки, собаки, помойка, их с ребятами крепость — всё выглядело совсем лилипутским. Можно было протянуть руку или начать играть ими. Папа уже подошёл к кухонной двери и стал трясти её. Катя сидела почти как та выросшая на крыше, но свешив-

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

вая ноги пока не в пропасть, а сюда, на кухню. За дверью удвоилось движение. Швабра держалась из последних сил. Катя вспомнила из рассказов Ольги Митиевны, откуда именно берутся Кикиморы: они — бывшие не пригодившиеся никому в мире живых невыросшие. Катя решила, что надо перестать думать, переживать и фантазировать, а начать действовать. Тут дверь выдохнула, швабра стукнула о смягчённый линолеумом бетон. Катя приподняла обе коленки, словно занималась физкультурой, и стала переносить их по полукругу. Дверь всхлипнула. На пороге вдруг появилась мама. От вида наоконной Кати она сразу состарилась.

— Ты что?! Не придумывай! — закричала мама, подбежала к ней, сняла с подоконника и на руках перенесла в середину кухни, как совсем невыросшую.

ЭПИЛОГ

Потихоньку, со временем Катин колтун распутался.

Диме Сомову вроде бы хотели отрезать ногу, но потом передумали. В больнице он увлёкся астронавтикой. Когда он вышел в открытый мир, оказалось, что он не может больше играть в футбол и делать многие прежние вещи. Виновника сомовского ка-лечения так и не назначили, хотя его мама и орала в полиции, что Катю нужно поса-

дить в клетку. Водитель не нарушал правил и не был пьяным, а наоборот, сумел так извернуться машиной, что нанёс наименьший вред невыросшему. Катя — да, толкнула одноклассника, но просто так, а не под колёса. Вероника Евгеньевна уже двадцать три минуты до происшествия находилась вне рабоче-учительского времени, а оказавшись тогда на месте происшествия, проявила себя правильно, по инструкции. А самому Сомову отчего-то было совершенно плевать, кто виноват. Астронавтика вытолкнула всё остальное из его вселенной. Подсомовцы сами по себе разошлись по лилипутскому городу. Кто-то из них продолжил третировать невыросших в одиночку, кто-то осел под командованием другого главаря. Сам Сомов не вспоминал ни подсомовцев, ни Лару, ни даже Катю.

Вероника Евгеньевна вскоре попала в больницу. Выползла она оттуда настоящей слепой старухой, и сразу на пенсию. К этому времени у её класса появилась другая руководительница, совсем недавно выросшая.

Тот, кому удалось рассмотреть, убеждали остальных невыросших, что под рубашкой на плече у неё настоящая татуировка. Все ждали лета и футболок, чтобы точно убедиться в этом.

Бобрик очень переживал за Веронику Евгеньевну. Его уговаривали остаться в школе, но он увёз мать в гулливерский город и сам сюда никогда не возвращался. Магазины его управлял кто-то местный. Через этого человека, кажется, стало известно, что Вероника Евгеньевна очень мучается без своих невыросших и переживает, что без неё они окончательно пропадут.

Лара дольше всех остальных невыросших, ввязанных в тот сложный день, переживала его последствия. Приступы её повторялись теперь ежедневно, отчего Алина Алексеевна бросила школу и сидела с дочерью дома, будто та была совсем невыросшей. Лару почему-то почти не навещали. Вика Иванова теперь пыталась дружить со второй по блестящести девочкой из класса. Та всё понимала и сопротивлялась дружбе,

но Иванова так подлизывалась, что эта вторая, похоже, собиралась сдаваться. Постоянно Лару навещал только Антонов, приносивший ей шоколадки.

Когда Ларе стало лучше, родители отправили её в британскую школу, а потом вскоре сами уехали за ней. Катя с Ларой больше никогда не встречалась.

Дядя Юра ничего не мог рассказать про произошедшее. Теперь он только мычал коровой или иногда похихикивал, как при лёгкой щекотке. Неизвестным осталось и то, кто ударил его по голове фарфоровой супницей и заковал его в чудную лесочную сеть. Катя призналась следователю, что она сама сделала это для самозащиты. Но выросший понимал, что она выдумывает, потому что по физическим данным десятилетняя невыросшая не могла поднять высоко такую тяжёлую супницу (даже стоя на лавке), а главное — смастерить этот кокон и натянуть его на огромного дядю Юру. И никто из дачных соседей не видел Катю в посёлке в тот день.

Деньги, которые Катя принесла родителям, те не признали. На купюрах в полиции отчего-то нашли множество отпечатков: Кати, её родителей, дяди Юры, Вероники Евгеньевны, Сомова, Лары, Вики Ивановой и ещё пары десятков неизвестных невыросших. Следователю не понравилась это дикое, полное непричёсанных загадок дело. Ему оставалось два года до пенсии. Он написал в отчёте, что Катя просто нашла деньги на улице. Их перевели государству. Бумагу о покупке дома признали ненастоящей из-за какой-то неправильной цифры, и бабушкину половину дома с садом вернули папе. Дяде Юре было всё равно, потому что он жил теперь в психиатрической больнице в семи станциях от Катиного лилипутского города.

Хвостатой выросшей вернули кошелёк. Кассирша просто выставила библиотечный пропуск на окошко, и муж хвостатой, покупая билет в гулливерский город, увидел фотографию жены на кассе. Хвостатая думала, что уронила кошелёк в автобусе или где-то после и его подобрал кто-то честный уез-

жающий из лилипутского города и оставил его билетнице. Недостающих почти пятидесяти рублей хвостатая не заметила. Она помнила двух невыросших, но её никто не допрашивал. Следователь не знал об этой нити Катиного дела и даже не расспросил две смены станционных кассиров, чтобы проверить, покупала ли какая-нибудь невыросшая в тот день билет.

После того как полицейские и психологи наговорились с Катей и вообще все выросшие закончили делать вид, что разбираются в этой истории, мама увезла Катю из лилипутского города в другой лилипутский на юг к своим родителям. На пару дней она съездила обратно и развелась в суде с папой, не попросив у него никаких частей от квартиры. Она сменила фамилию на предыдущую и дала такую же Кате. У маминых родителей они не стали жить долго. Мама перевезла Катю в Гулливерию. Там она нашла работу и поступила учиться в университет на ту специальность, которая ей всегда нравилась. Чтобы видеть Катю очень часто,

мама сняла квартиру в соседнем с работой дворе на первом этаже пятиэтажного дома. Университет находился через три станции метро. Каждый вечер мама с Катей выкраивали отрывки времени, чтобы разговаривать и рассказывать друг другу, как прошёл их день. Каждый вечер Катя не могла дожидаться их общего настоящего вечера. Часто мама брала Катю на лекции с собой. Папа скоро женился, и его новая жена родила ему сына.

Катя в настоящем гулливерском городе почувствовала себя лучше. Здесь не было диких колтунных собак, а жители даже одной улицы редко узнавали друг друга. Мама разрешила Кате коротко подстричься, поэтому все болезненные, вечерние или утренние, заплетания отменились. Она стала ходить здесь в самую обычную общеобразовательную школу. Училась Катя не блестяще, но не отчаянно. Её приняли в кружок рисования, где она принялась делать акварельные картины из водных подтёков. Про все эти перемены она написала подробное письмо Ольге Митиевне.

Катя больше никогда не вязала. По капельке она стала общаться с другими невыросшими, но друзей не заводила. Решила, что ей нужно много думать, чувствовать, слушать, понимать, вспоминать и воображать, а потом уже действовать, чтобы из неё получилась хорошая невыросшая, а следом выросшая. И ничего необычного с ней больше не происходило, только после того дня у неё постепенно исчезли все родинки и пока не появилось новых.

Кикимору почему-то никто из ввязанных в эту историю не вспоминал. Катя решила о ней не рассказывать. Лара не могла говорить о созданыце. Возможно, от пережитого ужаса, а скорее из зависти, что такая знакомая с кручёным носиком завелась не у неё. Остальные невыросшие, в том числе Сомов, нехотя вспоминали, что, кажется, видели с Катей кого-то невысокого в тот день, то ли старушку, то ли ребёнка, но потом потихоньку забыли и отказались от этих слов, удивляясь, что такое воспоминание у них возникло вовсе. Покусанная ладонь подсо-

мовца быстро заживала, и Кикимора вскоре заменилась у него в памяти бродячей собакой. Тётя Оля подробно помнила созданыще и догадывалась, кем оно было, но боялась даже думать о нём, чтобы не привлечь к себе «их» внимание. Беременная из электрички так обрадовалась рождению здорового сына, что запрятала глубоко в память жёлтый, хищный взгляд, после которого ей сделалось так плохо и страшно.

Даже Катя со временем забыла Кикимору. Иногда только, во время скучного однообразного труда, к примеру, мытья посуды, она вдруг начинала напевать:

У Калечины одна — деревянная нога,
У Малечины одна — деревянная рука.
Не покличет ли кто Калечину погадать
о вечере?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	37
Глава четвёртая	57
Глава пятая	93
Глава шестая	140
Глава седьмая	176
Глава восьмая	208
Глава девятая	238
Эпилог	272

Литературно-художественное издание

Некрасова Евгения Игоревна

КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА

Роман

18+

Содержит нецензурную брань

Главный редактор *Елена Шубина*

Ответственный редактор *Дана Сергеева*

Художественный редактор *Елисей Жбанов*

Корректоры *Ирина Волохова, Надежда Власенко*

Компьютерная вёрстка *Елены Илюшиной*

<http://facebook.com/shubinabooks>

<http://vk.com/shubinabooks>

Подписано в печать 05.06.2018. Формат 84x108/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,1.

Тираж 2000 экз. Заказ № .

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 1, комната № 39.

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Редакция Елены Шубиной
представляет серию
«РОМАН ПОКОЛЕНИЯ»

В серии вышли книги:

Ольга Брейнингер
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
НЕ БЫЛО АДДЕРОЛА

Ксения Букша
РАМКА

Ксения Букша
ОТКРЫВАЕТСЯ ВНУТРЬ

Анна Немзер
РАУНД : ОПТИЧЕСКИЙ РОМАН

Евгения Некрасова
КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА

Алиса Ганиева
ОСКОРБЛЕННЫЕ ЧУВСТВА

Ксения Букша

ОТКРЫВАЕТСЯ ВНУТРЬ

Ксения Букша – писатель, копирайтер, переводчик, журналист. Автор биографии Казимира Малевича, романов «Завод “Свобода”» (премия «Национальный бестселлер») и «Рамка».

Ксения Букша рисует человека одним штрихом, одной точной фразой. В книге «Открывается внутрь» живут не персонажи и не герои, а именно люди. Странные, заброшенные, усталые, счастливые, несчастные, но всегда настоящие. Автор не придумывает их, скорее — дает им слово. Зарисовки складываются в единую историю, ситуации — в общую судьбу, и чужие оказываются (а иногда и становятся) близкими.

«Пока Рита плавает, я рисую наброски... Детей рисовать труднее всего, потому что они все время вертятся. Постоянно получается так, что у меня на бумаге четыре ноги и три руки. Но если подумать, это ведь правда: когда мы сидим, у нас ног две, а когда бежим — двенадцать. Когда я рисую, никто меня не замечает».

